
МАКС ЗИНГЕР
ГЕРОИ МОРСКИХ ГЛУБИН

M

МАКС ЗИНГЕР

Герои морских глубин

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1959

В грозовые годы Великой Отечественной войны сотни гитлеровских боевых кораблей, транспортных и вспомогательных судов были пущены на дно Баренцева, Черного и Балтийского морей героическими усилиями бесстрашных советских подводников. Имена многих из них золотыми буквами вписаны в летопись славных боевых дел наших Вооруженных Сил. О героях-подводниках, храбрейших из храбрых этого отважного племени моряков рассказывается в предлагаемой вниманию читателя книге «Герои морских глубин» писателя М. Зингера.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В дни Великой Отечественной войны советские подводники покрыли себя неувядаемой славой в борьбе с вражеским судоходством на обширных водных просторах Балтики, Черного, Норвежского, Лопского, Баренцева и других морей. В жестоких схватках с немецко-фашистскими военно-морскими силами они беспощадно уничтожали сотни боевых кораблей и транспортов с войсками и военными грузами На всех морских театрах боевых действий в течение всей войны фашисты неизменно несли все возрастающие потери от боевого воздействия наших героических подводников.

Боевые дела подводников, участников Великой Отечественной войны советского народа, поистине достойны того, чтобы о них широко рассказать нашему благодарному народу, чтобы создать о них много хороших, интересных и правдивых книг. Я далек от того, чтобы недооценивать уже изданное в нашей печати и тепло встреченное читательской аудиторией. Создано значительное количество хороших и полезных, имеющих большое воспитательное значение книг. Но всего этого слишком мало.

В тяжелые для нашей страны дни Великой Отечественной войны на флоте бок о бок с воинами передовых частей работали известные писатели и журналисты: Николай Панов, Юрий Герман, Вениамин Каверин, Александр Зонин, Исидор Шток, Александр Жаров, Дмитрий Ковалев, Макс Зингер, Александр Марьямов, Александр Ойслендер, Николай Флеров, Борис Яглинг и другие.

Писатели глубоко проникали в жизнь флота, ходили в боевые походы и воевали вместе с моряками надводных

1*

кораблей и подводниками, делили с ними восторженные радости побед и печали неудач.

Предлагаемая читателю книга «Герои морских глубин» ценна и интересна прежде всего документальностью подлинных событий, изложенных в ней. В книге удачно подобраны основные герои и их боевые подвиги, а события описаны с хорошим знанием быта и условий службы на подводных лодках.

Автор книги не раз ходил в походы с подводниками и хорошо знаком с их боевой жизнью и повседневной работой.

Можно быть уверенным, что книга «Герои морских глубин» будет тепло встречена читательской аудиторией.

Адмирал А. Г. ГОЛОВКО

Москва
5.7.58 г.

Нет выше счастья, чем борьба с врагами,
И нет бойцов подводников смелей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Простились мы с родными берегами.
Крепчает шторм, и волны хлещут злей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

В морскую глубь на смертный бой с врагами
Идет подлодка, слушаясь рулей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей,

Утоплен враг, идем сквозь сталь и пламя.
Пускай бомбят: посмотрим, кто хитрей!
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Любимые, встречайте нас с цветами.
И хоть на свете вы нам всех милей,
Но нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Герой Советского Союза
И. ФИСАНОВИЧ

(«Песня строевая подводная»)

СТАРЕЙШИЙ СЕВЕРОМОРЕЦ

Ярославский мальчик

Пахло смоленым пеньковым тросом, тиной и травой. Хлопотливые чайки перекликались над рябившей Волгой. Старик водолив расплетал на барже конец для швабры и пел тоненьким голоском.

— Как зовут тебя, дедушка? — спросил юный матрос Ванюша Колышкин, дослушав старика.

— Какой же я дедушка? — возмутился водолив. — Мне ведь только шестьдесят минуло... Меня все дядей Сашей кличут. Вот как, племянничек!

И, улыбнувшись, спросил:

— Кормиться пришел на Волгу?

— Из Крутца мы, волгари. Матросом взяли на соседнюю баржу...

— Дело хорошее! — одобрил старик.

Вниз по Волге шел большой пассажирский пароход. Юноша залюбовался им и сказал мечтательно:

— Вот бы на таком когда-нибудь поплавать! Красавец! Сила-то какая!..

Старик посматривал сквозь сизый дымок цигарки на могучую реку. Волга неторопливо несла свои воды. Небо было чистое, безоблачное. Старик надвинул на брови выцветшую от солнца шапку и сказал в тон мальчику:

— Вот и я был юнцом, мало что в жизни смыслил, думал: подрасту, стану шкипером, буду гонять баржи. Все это так мечтой и осталось!

Старик заметил, что омрачилось лицо у Ванюши, и пожалел его:

— Так жили прежде, а теперь, конечно, время другое — советское. Теперь простому человеку всюду дорога открыта. . . Меня вот за уши не оттянешь от этих берегов. На Волге родился, на ней и помру. Люблю водную ширь, сколько раз тонул, но вода не принимает. И в Цусимском бою участвовал. . .

Колышкин слушал словоохотливого старика, видел его морщинистое, похожее на печеное яблоко, лицо, серые, поблекшие, как осенняя трава, глаза и думал: «Не дала матушка-Волга этому человеку ни славы, ни почета, но любит он реку, как сын свою мать. . .»

Пуская дым кольцами, небольшой буксирный пароход тянул вверх баржу. Заливалась гармонь, и кто-то напевал старинную волжскую песню. Колышкин смотрел и мечтал: «Поступить бы матросом на такой буксир, ходил бы до Нижнего Новгорода. Красота! . .»

Но на пассажирской линии Колышкину работать не довелось, не попал он и на буксирные суда, а плавал на баржах, возил нефть из Рыбинска в Петроград, по Шексне и Белому озеру, Белозерским и Мариинским каналами, Онежским озером и хорошо узнал глуби, мели, перекаты, понял их характер. Помогли в этом молодому воднику старые опытные лоцманы.

Когда зимовали в затоне, речники размещались в комнатах общежития по двое. Досуга было много. Комсомолец Колышкин с увлечением читал книги, порой отнимая часы у сна. На баржах и в затоне перечитал многие произведения Некрасова, Тургенева, Чехова, Горького.

Нелегкое детство выпало на долю Вани Колышкина. Отец его — железнодорожный носильщик Александр Колышкин — прожил короткий век.

Недолго пришлось пробыть Ванюше дома. По совету матери двенадцати лет отправился он на работу в Петроград к ярославскому кожевнику Антону Харитоновичу Семину.

Худощавый и невзрачный на вид малыш впервые оказался в огромном городе, долго разыскивал Разъезжую улицу и, наконец, нашел кожевенный магазин купца Семина.

Хозяин — кряжистый старик с седыми насупленными бровями — оглядел новичка с головы до ног и стал под-

робно расспрашивать по своему, годами выработанному строгому правилу. Спросил прежде всего, не курит ли.

Ванюша оробел было, слушая купца, но потом освоился и стал отвечать бойко, как учила его мать, напутствуя в дальнюю дорогу.

Семин взял Ванюшу в мальчики сроком на пять лет без жалования, за одни харчи, одежу и обувку.

По субботам старик оделял нищих милостыней, давал обычно по копейке, а с семишника * обязательно сдачу требовал. Нищих приходило каждую субботу великое множество. Раздавал поэтому милостыню Семин не один, а брал в помощь кого-нибудь из мальчиков.

Купец учил их своеобразной честности: обвесишь покупателя — перестанут ходить в мой магазин за товаром. Советовал быть внимательными и к нищим: получат копеечку, понесут по городу славу об Антоне Харитоновиче Семине на пользу же его торговому делу.

Жил Ванюша вместе с младшими приказчиками в комнате, называвшейся «молодецкой». Окно ее было зарешечено, как в тюрьме. Попав после волжского простора за решетку в «молодецкую», мальчик еще больше похудел и осунулся, как лесное деревцо, пересаженное в вымощенный камнем двор. Все вспоминался Ванюше родной Крутец, милые запахи Волги. Как непохожи были они на терпкие ароматы кожевенного магазина...

Ванюша обладал незаурядной памятью. Отрывной календарь был выучен наизусть. Достаточно было мальчику хоть раз прочитать где-нибудь стишок, чтобы запомнить его. Он забавлял приказчиков бойким, выразительным чтением, а старик хозяин косился. Не нравились ему эти развлечения.

Магазин и «молодецкая» — вот и все, что видел мальчик. Жил в одном из красивейших русских городов, а смотрел на свет сквозь семинскую решетку. Начитавшись былин и ворочаясь без сна на жесткой постели, думал о том, что, может быть, придет и к нему богатырская сила, понатужится он, сломает ненавистную решетку и вырвется на волю, как птица из клетки.

Не видел Колышкин ни солнечного света, ни привычного для Крутца простора, ни зеленого леса, ни полевых

---

* Семишник — две копейки.

любимых цветов. Он жадно вспоминал о душистой траве-ромашке, о клевере, васильках и певучем скрипе лодочных уключин.

Детские думы и мечты иной раз уносили Ванюшу в родной волжский городок. Мальчик обдумывал, какие сделает матери подарки. Домой приедет непременно днем, чтобы все видели! Приедет не как-нибудь, а на тройке с бубенцами. Лихо подкатит к крыльцу. Узнает Ванюшу мать — всплакнет от радости, соседок кликнет и скажет: «Полюбуйтесь, какой сынок у меня!» Покажет сыновние подарки, полушалком похвастает, цветастой кофтой, полусапожками.

Не раз замечал Ваня Колышкин на улицах Петрограда вереницы людей, тащивших с вокзала носилки. Носилки плыли, как корабли, друг за другом. Это несли тяжелораненых. Каждый день они сотнями прибывали с фронтов мировой войны. Сердобольные люди подходили к носилкам и клали медные пятаки на грудь раненым, крестились и утирали слезы. Колышкин шел рядом; заговаривал с лежавшими на носилках солдатами; все хотелось ему повстречаться с ярославскими земляками. Но крутецких не было, были костромские, вятские, калужские, орловские. . .

Мальчик служил добросовестно, как наказывала ему мать. Научился закройному делу, познал множество мудреных названий кож, приноровился резать кожу так, чтобы и покупатель был доволен и хозяин не остался в убытке.

Февральская революция не внесла ничего нового в жизнь юноши. Он по-прежнему работал в кожевенном магазине Семина, жил за решеткой в «молодецкой». Правда, приходили однажды какие-то люди с красными повязками на рукавах, долго говорили о чем-то с хозяином; стал старик отпускать на отдых своих служащих не в месяц раз, а каждое воскресенье.

В тот год минуло Ванюше пятнадцать лет. Он подрос, но по-прежнему не отличался ни крепким сложением, ни здоровьем. С семинской жизнью он так и не свыкся. В его душе нарастал протест. Давно надоели сладкие, елейные речи старика о какой-то ему одному известной правде, расчетливые раздачи копеек побирушкам по субботам, разноска кожи, жадные приказчики с их мелкими, корыстными интересами.

Незадолго до октября 1917 года Ванюша ушел от Семина и вернулся в родной Крутец, но не на тройке подкатил он к дому, а приплелся пешком, с пустой корзинкой. Мать взглянула на худенького мальчугана и ахнула. Сбежались ближние соседки, поплакали вместе, вспомнив о не вернувшихся с фронта мужьях, братьях и сыновьях...

Прокормиться с семьей в ту пору было трудно. Вскоре Ванюша ушел из дому к знакомым баржевикам на Волгу, в Рыбинск.

Шесть лет плавал он на баржах. Лето проводил на волжской глади, а зимой, когда баржи стояли в Рыбинском затоне на приколе, учился молодой волгарь в вечернем техникуме.

Пришла пора идти ему на военную службу. И, конечно, желание было одно и дорога одна — в ряды Военно-Морского Флота.

По завету Ленина

Перед тем как идти на флот, Колышкин побывал дома. Деревенские друзья едва узнали повзрослевшего Ванюшу. У комсомольца Колышкина нашелся общий язык с комсомольцами родной ярославской деревни. Он предложил друзьям, также собиравшимся на военную службу, организовать избу-читальню, оставить о себе в Крутце добрую память. На это дело он отдал всю свою библиотеку, которую собирал с такой любовью, и возглавил сбор книг по домам. Через несколько дней в избе-читальне было уже несколько заполненных до отказа книжных полок.

Любовь к чтению у Колышкина родилась давно. Обычно перед каждым рейсом он приносил пачку новых книг, журналов и газет в маленький домик на барже.

Была у молодого водника записная книжка — «колдовочка». В нее он заносил вычитанные им мудрые изречения. На отдельную страничку были выписаны слова Ленина, сказанные на III Всероссийском съезде комсомола:

«Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание».

И Колышкин с юности не жалел своих сил и труда ради общего дела.

...Наступил день прощания с родным Крутцом. На улице заливалась гармонь, и молодые голоса пели хором:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья!..

— Что же ты, Ванюша, дома сидишь? — спросила мать. — Ребята гуляют, песни поют...

— Не ту песню поют, мама! — сказал Колышкин. — По мне плакать не надо! Доброй волей иду служить на родной флот. Помог мне в том комсомол, мама!

В оконце дробно постучали. Пришли комсомольцы, с которыми вместе собирался Колышкин в Ленинград.

Ехали на службу весело, оглашая вагон дружными, задорными песнями.

В Ленинграде новобранцев разместили в Дерябинских казармах.

Старшина, приставленный к новобранцам, подошел к Колышкину и спросил его, как обычно: «Откуда? Плавал ли раньше?» И, узнав, что он с Волги, сказал приветливо:

— Волгарю одна дорога — на флот! Волжские где только не плавают?! Их на всех наших флотах найдешь, на любом корабле!

Старшину тесно обступили будущие моряки, прислушивались к разговору.

Он продолжал:

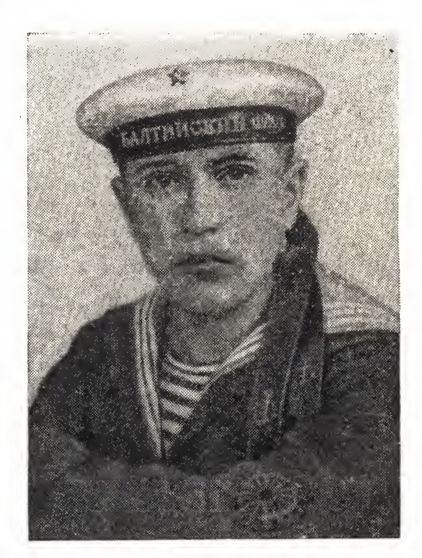
— Волжанин воду любит, как рыба. На волжских у меня большая надежда. Я водников издавна уважаю. Надеюсь, Колышкин, не подведешь?..

Однажды во флотский экипаж, где Колышкин проходил курс обучения молодого матроса, пришла комиссия по отбору в школы учебного отряда.

Колышкина зачислили в Кронштадтскую школу рулевых и сигнальщиков. Особенное внимание он обратил на политическую подготовку. В помощь молодому курсанту прикрепили способного и толкового моряка — коммуниста Булатова. Все свободное время Булатов проводил с Колышкиным, объяснял основы учения Ленина.

После того как отличник учебы матрос Иван Колышкин сдал экзамен, его назначили рулевым на штабной

корабль «Кречет», а через год — старшиной парового катера «Волна». Он стал безраздельным хозяином маленького корабля. Баржа «Нефтянка», на которой он когда-то плавал, казалась громадиной рядом с «Волной». Но старшина полюбил катер, которым теперь самостоятельно командовал.

Матрос Краснознаменного Балтийского флота *И. А. Колышкин.* (1926 год)

Однажды «Волну» направили встречать большого морского начальника в Ораниенбаум. Колышкин прибыл к месту в назначенное время, оставил катер с вахтенным машинистом у причала, а сам поспешил на вокзал.

Из вагона вышел седой, представительный моряк с одной широкой и одной средней нашивками на рукавах. Колышкин отрапортовал ему.

— Добро, старшина! Покажите мне ваш корабль! — приказал старый моряк, внимательно оглядев рапортовавшего.

Начальник, видимо, остался доволен осмотром катера. Колышкин дал машине полный ход.

На Кронштадтском рейде проходили мимо стоявшего на якоре минного заградителя «25 Октября» (раньше он назывался «Нарова»). Когда катер поравнялся с минзагом, старый моряк встал во весь свой могучий рост и отдал честь кораблю. Старшина вопросительно посмотрел на начальника.

— Вы, старшина, хотите знать, почему я отдал честь «Нарове»? Тридцать лет назад я впервые принял командование этим кораблем. И полюбил его. Учитесь, старшина, любить и уважать свой корабль! Любите и уважайте Военно-морской флаг нашей Родины! Быть может, и вы встретите, когда дослужитесь до высокого звания, вот этот свой маленький катер. И так же, как я сегодня,

отдайте честь кораблю... Ведь корабль — это маленькая часть вашей Родины! Помните об этом.

Все шло у Колышкина гладко. Он служил и действовал точно по уставу.

Но вот как-то приказали старшине доставить флагманского специалиста в Ораниенбаум. Захотелось этому командиру постоять на руле. Устав не разрешал этого. Но отказать в просьбе старшему Колышкин не посмел и потом долго сожалел об этом.

Командир стал у руля. Теперь уже старшина оказался на положении пассажира. Чувствуя себя в рубке лишним, он сказал командиру:

— Тогда разрешите мне попить чайку?

— Идите, пейте чай и будьте спокойны!

Только занялся Колышкин чаепитием, как его преемник уже сошел с курса и посадил катер на мель. Старшина бросился в рулевую рубку, но было поздно. Напрасно вправо, влево вертел он штурвал, напрасно покрикивал в машинное отделение: «Полный вперед!», «Полный назад!». «Волна» продолжала стоять на месте.

Подозвали проходившую мимо шлюпку. Все пассажиры вместе с виновником посадки на мель пересели в шлюпку — и были таковы. Осталась на катере только команда.

Беда не приходит одна... В инжектор попал песок. Питание котла пришлось прекратить. Колышкин приказал во избежание взрыва выгрести жар из топки. Уголь залили, чтобы котел скорее остыл. Оставшимся паром катер стал давать тревожные, пронзительно-тонкие свистки. Наконец вновь появилась шлюпка, и на ней Колышкин отправил машиниста звонить по телефону в порт, чтобы вызвать буксир из Кронштадта.

На помощь прибыл буксир. Капитан буксира, гордо стоя на мостике, подбоченившись и широко расставив ноги, спросил с усмешкой:

— Ну, орлы, разыскали все-таки мель? Кто у вас старшина?

— Старшина катера «Волна» Колышкин! — отрапортовал молодой моряк. — У нас в инжектор песок попал...

— Ну что же, придется вас, клешников, стаскивать, — сказал снисходительно капитан буксира. — Покажем вам, доблестным морячкам, как надо работать на Балтике!

Послышался звон машинного телеграфа. Буксир дал полный ход вперед и тут же сел на мель рядышком с «Волной».

Теперь уже гудели в два гудка: пронзительно-тонкий — на катере и густой, басовитый — на буксире. Два суденышка, прочно усевшиеся на песчаную отмель, просили о помощи. Гудели долго. Пришлось и капитану буксира выгрести жар и заливать топки, чтобы не взорвались котлы.

...Начальник штаба флота Л. М. Галлер строго спросил вернувшегося старшину катера:

— Сели?

— Так точно, товарищ начальник штаба!

— Повреждения есть?

— Никак нет! Моя вина, товарищ начальник штаба, в том, что я дал подержать руль флагманскому специалисту...

— Дали подержать руль? А кто же такой, собственно, старшина катера? Кому корабль доверен?.. Вы старшина, вы и отвечайте! Я имею дело не с пассажирами, кто бы они ни были, а со старшиной катера. Ясно?

— Ясно и стыдно, товарищ начальник штаба. Хоть на другой корабль просись!.. — сказал виновато Колышкин.

— На другой корабль? А кто же вам позволит быть летуном? Ступайте на «Волну» и командуйте, но только лично!

Колышкин продолжал командовать «Волной», но руля уже больше никому не доверял. В любое время дня и ночи он выходил в рейсы, точно выполнял задания. Вскоре на «Волну» стали смотреть как на образцовый катер.

Колышкин получил новое назначение — на бригаду миноносцев старшиной рулевым; потом он служил на военном транспорте «Серп и молот» боцманом.

Летом 1928 года в жизни Колышкина произошло знаменательное событие. На партийном собрании моряков бригады миноносцев Балтийского флота Колышкин был принят в ряды Коммунистической партии.

Плавая на военном транспорте, Колышкин поступил учиться на вечерний подготовительный факультет Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе. С охотой взялся за учебу волгарь. Самым трудным был экзамен по русскому письменному. Диктант оказался коротким и... сти-

хотворным. Расхаживая по классу, учитель диктовал неторопливо:

...Я часто думаю о нашем Красном флоте,
О боевой его работе.
Он молод, Красный флот, но он уже зубаст
И наглому врагу, коль что, так в зубы даст.
Нам Англия грозит, ну что же, это нам не внове.
Учитесь, моряки, и будьте наготове!

С юношеских лет у Колышкина осталась хорошая память на все прочитанное. Диктант был написан им отлично и запомнился на всю жизнь. Колышкин любил повторять эти стихи своим сослуживцам.

Времени для учения не хватало. Слишком большой оказалась общественная нагрузка: он был назначен руководителем политзанятий, являлся редактором стенгазеты, выступал с докладами. Кроме того, у боцмана было хоть отбавляй работы и с командой на верхней палубе. Колышкин не высыпался, похудел, осунулся и задумал было уходить с вечернего факультета.

Однажды он не выдержал, пришел к комиссару части Загубину и доложил о своем намерении оставить учение.

— Оставить учение?! Почему? На каком основании?! — удивился комиссар.

— Работа страдает, — ответил Колышкин.

— Какая работа?

— И по кораблю и общественные дела. Со всем сразу не управиться, товарищ комиссар. Верхняя палуба, команда, политзанятия, стенгазета, доклады...

— Это ты брось, боцман! И не стыдно? Устал? Так мы тебя подразгрузим. Это в наших руках. Но бросать учение нельзя никак! Что говорил Ленин комсомольцам, помнишь? Учиться, учиться, учиться! То-то! Нет, Колышкин, так не пойдет! Коммунисты не дезертируют. Ведь ты уже на втором курсе. Перед тобой — широкая дорога жизни. Ясно?

Колышкин поступил так, как посоветовал ему комиссар, и сохранил о нем на всю жизнь добрую память.

Две зимы моряк учился ежедневно с семи часов вечера до полуночи. Механик военного транспорта «Серп и молот», все умевший и знавший, помогал боцману одолевать науку. У него перенимал Колышкин мастерство флотского человека и к нему же обращался с квадратными уравнениями, если ответы получались неверными.

После сдачи экзаменов за третий курс морского факультета приказом по флоту все успешно окончившие, и в их числе Колышкин, были переведены в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе в Ленинград. Это было в то время, когда начался набор в училище матросов и старшин со всех флотов.

Страна нуждалась в хорошо подготовленных кадрах советских офицеров. Родина звала матросов и старшин учиться на командиров флота.

Так бывший баржевик, старшина катера «Волна», боцман-сверхсрочник Иван Александрович Колышкин пришел в училище имени М. В. Фрунзе, давшее Родине столько знаменитых русских флотоводцев и мореплавателей.

Колышкин и его товарищи завоевали право на учение верной службой социалистической Родине на советских кораблях.

С детства Колышкин был приучен к труду и любил трудиться. Учеба в военно-морском училище радовала его.

Комсомольцы и коммунисты заботились о том, чтобы оценки их знаний были не ниже хороших, и сами занимались с отстающими. Колышкин охотно помогал товарищам, которые в этом нуждались.

Курсанты в училище собрались с разных концов страны, и каждый рассказывал о том, что казалось ему наиболее дорогим и близким. Колышкин рассказывал о Волге, о том, как плавал на баржах.

Когда курсант Колышкин впервые вступил на борт крейсера «Аврора», то оробел немного. Этот корабль вошел в Неву в октябре 1917 года и дал залп по Зимнему дворцу, где засело контрреволюционное правительство Керенского. С именем «Аврора» связано начало новой эры — эры социализма. Колышкин с глубоким интересом и уважением осматривал орудия исторического корабля, его палубные надстройки, мачты, якоря . . .

Курсанты как-то особенно полюбили своего преподавателя Никиту Дементьевича Харина, руководившего морской практикой. Харин начал военно-морскую службу еще в прошлом веке, обошел на парусных кораблях весь свет. Он не только знал море, но и любил его и свою любовь старался передать курсантам. Он говорил им не раз:

— Нелегка наша военно-морская служба, но почетна! Привыкайте к ней! Полюбите море, и оно вас полюбит.

Природа наделила Харина добрым, отзывчивым сердцем. Однако он был чрезвычайно требователен и редко ставил курсантам оценки выше четверки. Недоумевавшим он шутливо объяснял свою строгость так:

— Аллах знает на пятерку, Харин — на четверку, а курсанты — на тройку, двойку и на кол! ..

Никита Дементьевич с увлечением показывал, как вязать морские узлы, наставлял парусному делу, учил бегать по вантам, ходить на шлюпке.

Память у старого моряка была отменная. Он помнил каждого, кто хоть когда-нибудь учился у него, помнил, где, когда и с кем ходил в далекие походы и на каком корабле. Живые рассказы преподавателя географии Харин дополнял необычными приключениями своими и друзей моряков, с которыми пересекал моря и океаны. Чувствовалась большая гордость у старика, когда он вспоминал моряков парусных кораблей.

Он связывал собой прошлый век моряков-парусников с веком двадцатым. Его называли живой историей русского флота. Морских прибауток, пословиц, словечек и поговорок у него хватало на каждый случай жизни. Харин не давал скучать курсантам во время учения. Каждого занимал работой и для каждого находилось у него теплое, задушевное слово.

Курсанты уважали старика и прощали ему излишнюю строгость. Как-то на рейде, в Бергене, паровой катер отходил от борта крейсера «Аврора». Один не очень ловкий курсант, замечтавшись, свалился за борт. Харин, стоявший на катере, заволновался. И когда, наконец, из воды показалась голова курсанта, Харин, указав на нее пальцем, пробурчал недовольно:

— Пять нарядов!

Курсант поднялся по трапу на корабль, а катер отвалил от «Авроры» . . . Часто слышались в походе приказы: «Шлюпки за борт! Курсантам в шлюпки!» Харин приучал молодежь не страшиться ни большой волны, ни сильного ветра и любить море.

— Вы — моряки Советского Союза! — часто говорил он курсантам, подчеркивая, что они должны гордиться этим высоким званием.

Харин сказал однажды в учебном плавании:

— Если бы у меня сейчас спросили: «Харин, чего ты хочешь?», я бы ответил так: «Хочу быть сегодня комсо-

мольцем и чтобы меня, как Колышкина, как многих из вас, обязательно послали бы на флот». Вы были матросами, а дослужитесь до адмиралов. О вас вся страна заботится, вам помогают партия, комсомол. А мы росли в трудное время, когда простому человеку нелегко было осуществить свою мечту.

Учение давалось Колышкину не просто. Но во всем помогала его настойчивость, любознательность, глубокий интерес к делу, которому он посвятил себя.

Пришло время расстаться с училищем. На прощание Харин сказал выпускникам:

— Училище — это только начало, настоящее же учение впереди! Всю вашу жизнь, всю службу на военно-морском флоте неустанно учитесь, совершенствуйте свои знания, товарищи!

По окончании Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе Колышкин получил назначение на подводную лодку. Недолго прослужил он на Балтике. . . Командующий Краснознаменным Балтийским флотом Л. М. Галлер провожал подводников на Север. Некогда, будучи начальником штаба флота, он распек Колышкина за оплошность, допущенную им на катере «Волна». Увидел командующий Колышкина и сразу узнал его.

— И вы здесь? Кем идете? — поинтересовался командующий.

— Командиром торпедной группы, товарищ командующий, — отрапортовал Колышкин.

— На подводных лодках не принято возить пассажиров, а потому, — вспомнил командующий и улыбнулся при этом, — вряд ли будет у вас повод передать командование торпедной группой кому-нибудь постороннему.

Колышкин понял намек и покраснел.

— Я пошутил, — подбодрил его командующий. — Добро! Желаю вам успеха и лет этак через пять стать командиром подводной лодки! . .

Подводники-балтийцы уходили далеко на Север, за Полярный круг. . .

За Полярным кругом

Колышкину и его товарищам была ясна вся государственная важность задачи, поставленной перед балтийцами, — идти на полярный Север Родины, к далекой мор-

ской границе, быть первыми североморцами-подводниками. Не случайно прибыли к Белому морю на военные корабли руководители партии и правительства. Значит, страна придает огромное значение службе моряков на Севере, куда надлежит идти балтийским кораблям.

Перед моряками открывалось океанское плавание. Начал свою славную жизнь молодой Северный флот — верный страж наших морских полярных границ.

Колышкин плавал на подводной лодке «Декабрист» еще курсантом. Первый командир «Декабриста» капитан 3 ранга Секунов, о котором говорили, что он хорошо «делал» подводников, помог молодому моряку разобраться в сложном хозяйстве корабля. Но по-настоящему узнал Колышкин подводную лодку лишь после того, как закончил командные курсы при учебном отряде подводного плавания и поплавал на учебной подводной лодке. Вот где действительно «делали» подводников! . . Но все это происходило в условиях Балтики. К Северу же привыкать было труднее. Странным казались летом круглосуточный полярный день и полночное солнце. И еще более удивительной казалась зимой полярная ночь с ее мраком, туманами, пургой и снежными зарядами. . .

От плавания по Кольскому заливу постепенно переходили к большим походам. Подводники достигли Новой Земли в районе Белушьей губы. На первых порах развития подводного плавания североморцев это считалось большим достижением.

К берегам Новой Земли Колышкин плавал впоследствии не раз. Но это было уже повторением пройденного. Трудное осталось позади. Никто уже не считал поход к новоземельским островам чем-то особенным, а смотрели на это как на самое обычное плавание.

Понятной и близкой становилась с годами для Колышкина и его соратников карта Северного морского театра. Они исходили Баренцево море разными курсами, просолились в жестоких штормах, узнали многочисленные течения Белого моря и его непостоянство, избороздили северные губы-заливы.

На глазах у Колышкина преображался советский Север. На безлюдных еще недавно островах вырастали мачты радиостанций, возникали новые города.

Большим праздником был для Колышкина день, когда он принимал командование подводной лодкой типа «Щу-

ка». Он сразу почувствовал, какая большая ответственность легла на его плечи, ответственность перед кораблем, его личным составом, перед любимой Родиной.

Раньше бывало помощник командира Колышкин стоял вахту на мостике или в центральном посту, отвечал за корабль, но в то же время знал, что за плечами — командир корабля. Сделаешь что не так, он всегда поправит. Ошибку же самого командира в море исправлять некому. Говорят недаром: «Море шуток не любит и ошибок не прощает». Наступил переломный момент в жизни моряка. Он стал полноправным хозяином корабля, но всегда использовал возможность посоветоваться со своими подчиненными, прислушаться к мнению тех, кто служил давно. К бывалым людям Колышкин с уважением относился с юных лет и охотно учился у них.

Молодой командир Колышкин плавал по заливам, надолго уходил в море. Он приучал личный состав к морю и кораблю, старался сделать свою подводную лодку одним из передовых кораблей Северного флота.

Полярный Север перестал казаться Колышкину хмурым и неприветливым.

Он свыкся с Севером и по-своему крепко полюбил его.

Даже в тихий вечер, ложась спать дома, он не был уверен в том, что будет спокойно отдыхать до утра. Его частенько будили. То приходили посыльные из штаба, то звонили по телефону, то жена, последовавшая за Колышкиным из Ленинграда к мурманским берегам, тревожно шептала на ухо:

— Ваня, вставай! Ветер поднялся! Сегодня спать не придется! Сходи проверь свое хозяйство!

— Ты у меня настоящая боевая подруга! Понимаешь нашу военно-морскую службу! — говорил он жене.

И Колышкин шел на пирс, чтобы еще раз проверить швартовку своей подводной лодки.

Наступило лето 1941 года. Колышкин вышел в море на «отработку» одного из своих кораблей. Он был уже командиром дивизиона подводных лодок. Неожиданно в море был получен приказ немедленно вернуться в базу.

«Война?» — подумал сразу Колышкин.

На подводные лодки, собравшиеся в одной из губ, прибыл комиссар соединения. Он сообщил североморцам о наглом нападении фашистов на Советскую страну.

— Пришло время, — сказал комиссар, — выполнить свой сыновний долг перед матерью-Родиной, защитить ее от вражеского нашествия. Мы готовы к этому!

Подводные лодки приняли полный боевой запас торпед и снарядов, соляр, продовольствие, пресную воду, снарядились для выхода в море.

В свою записную книжку — «колдовочку» капитан 3 ранга Колышкин записал в день объявления войны:

«Есть одно правило, которому должны подчиняться все командиры в бою: руководствуясь приказаниями и распоряжениями старшего начальника, поступай по обстоятельствам и добивайся любыми средствами решения поставленной задачи.

Не может быть хорошим офицером человек, у которого развита только пунктуальная исполнительность, который действует лишь по диспозициям, полученным сверху, здравый смысл которого состоит только в том, что он не отступит от приказания начальника.

Умение самостоятельно мыслить, осуществлять свой план в бою, умение идти на разумный риск — вот отличительные качества советского командира».

22 июня 1941 года командир дивизиона подводных лодок Северного флота капитан 3 ранга Иван Александрович Колышкин вышел на подводной лодке капитан-лейтенанта Моисеева в свой первый боевой поход.

Погода держалась штилевая, самая предательская для подводника. За волной легко можно было спрятаться от противника. А в первый день войны Баренцево море, как нарочно, было зеркально гладким.

Собирался Колышкин в отпуск на юг. Думал побывать в Ленинграде, где у родных гостила его жена, и вместе с нею поехать в Сухуми, в дом отдыха. Но война внесла свои поправки.

...Море просматривалось далеко. Слева подернутый голубой дымкой тянулся обрывистый скалистый берег. Полярный день круглосуточно царил над морем. Это было на руку врагу. Стоя на мостике, оба командира следили за горизонтом. Глаза их покраснели от напряжения, воспалились, веки распухли. Далеко остались родные берега. Наконец увидели на горизонте дымок. Транспорт противника втягивался в фьорд.

— Пойдем, командир, за транспортом! — предложил Колышкин. — Ударим по нему в фьорде.

Эта мысль понравилась Моисееву. Потопить транспорт в первый же день войны, начать с победы над врагом казалось заманчивым не только командирам. Подводная лодка погрузилась. Из центрального поста по отсекам полетела команда «Торпедная атака!» Корабль приготовился к бою.

Транспорт противника вошел, между тем, в фьорд и стал на якорь посреди гавани. За ним следом вошла в фьорд и подводная лодка.

Справа виднелись черепичные крыши небольшого поселка. Командир быстро закончил расчеты и начал стрельбу. Торпеды ударились о скалистый берег, пройдя под килем транспорта и ничуть не повредив его. Они были установлены на корабли с большей осадкой, чем выслеженный транспорт. Пришлось оставить фьорд, выйти в море для перезарядки торпедных аппаратов. Когда вернулись обратно, транспорта не обнаружили.

Настроение личного состава упало. И в этот трудный для моряков «Щуки» момент комиссар старший политрук Николай Галкин пошел по отсекам. Он знал, когда и о чем надо говорить с матросами и старшинами. Недаром звали его «душой корабля». Галкина часто видели в каютах у офицеров — флагманских специалистов, в матросских кубриках на береговой базе. Он рвался в походы, любил море и корабли. Комиссар знал, когда пожурить подчиненного, а когда приободрить задушевным словом. И до всего ему было дело. Его заботило все: и одежда, и обувь матроса, и его досуг, и его настроение. Он помогал писать ответы на письма в далекие села, откуда пришли на флот молодые матросы. Ему доверяли североморцы свои сердечные тайны и всегда получали от него отцовские, добрые советы. Среднего роста, светловолосый, простой русский человек, он обладал каким-то особым обаянием, знал верную дорогу к сердцу матроса.

Подводная лодка без победы возвращалась домой. Это нелегко было сознавать каждому на боевом корабле. Комиссар собрал во втором отсеке всех свободных от вахты.

— Товарищи североморцы, — начал комиссар, — мы возвращаемся с вами из первого боевого похода. Как говорится в старой русской пословице, первый блин получился комом. Но отчаиваться не следует. Война только

еще начинается. Будут у нас победы, потому что воюем мы за правое дело.

— Не впервые зарятся германские империалисты на русскую землю, — продолжал комиссар. — Моя сознательная жизнь началась в прошлую мировую войну. Было мне в ту пору всего двенадцать лет. Я жил с семьей в Западной Белоруссии. Враг приблизился к нашей деревне. Народ устремился со своими пожитками на восток. Шли пешком, не разбирая дорог, гнали перед собой скот и птицу. Вдруг неожиданно показался в небе германский бомбардировщик. Люди бросились врассыпную. Я побежал за ними. Когда тревога кончилась, я уже не смог отыскать родителей. И они не нашли меня. Оказался я один-одинешенек в незнакомых местах, среди чужих людей. Неподалеку стоял воинский эшелон. Я подошел к одной из теплушек. Солдат поманил меня к себе. «Чего плачешь, малец?» — спросил он ласково. Я рассказал. «Иди к нам! Поедем воевать. Будешь нашим полковым воспитанником».

Меня подсадили в вагон, и я поехал на фронт вместе с солдатами, затем попал в детдом. А дальше. . . После революции работал на заводе. Потом был призван в Советскую Армию, окончил политическое училище, стал политработником. Через двадцать пять лет Западная Белоруссия вновь подняла советский флаг. Решил я послать письмо председателю сельсовета. Запросил: «Сообщите, есть ли в деревне кто в живых из Галкиных».

Пришел ответ. Председатель оказался другом детских лет. Он известил меня, что мать моя жива, звал повидаться с ней. Поехал я в отпуск в родные места. Ехал домой и всюду видел веселые, радостные лица. Народ освободился, наконец, от гнета польских панов; не надо было гнуть спину на богатеев. Все были счастливы.

И вот снова мой край оказался под чужеземным игом. . .

Наш долг — напрячь все силы, чтобы изгнать врага с советской земли. Каждый точный удар подводников поможет Советской Армии скорее добиться победы на фронте. Будут и у нас с вами точные торпедные залпы. Мы скоро вновь вернемся на боевую позицию и добьемся победы, добьемся во что бы то ни стало! . .

Первые боевые походы не принесли побед подводным лодкам дивизиона Колышкина.

Но вот волнующая весть прокатилась по всей главной базе. Вернулась из боевого похода подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта Столбова. Он потопил корабль противника.

Это была не только первая победа корабля из дивизиона Колышкина, но и вообще первая победа подводников Северного флота.

На подплаве был настоящий праздник. Боевой счет открыт, и открыт он подводной лодкой «Щука». Один из кораблей противника уже отправлен на дно Баренцева моря. Теперь очередь за другими вражескими кораблями.

Прорыв в фьорд противника

В боевой поход собирался командир «Малютки» капитан-лейтенант Фисанович. «Малютками» подводники ласкательно называли небольшие юркие подводные лодки. Но они, эти «Малютки», наносили врагу сокрушительные торпедные удары. Из командиров подводных лодок Фисанович был самым молодым. Ему не было еще и двадцати пяти лет.

Фисанович оделся по-походному: кожаный реглан, черная с белыми кантами пилотка, сапоги. Он явился в кают-компанию на берегу, чтобы поужинать с товарищами перед походом. Ясные глаза его поблескивали. Он теребил свои коротко, по-мальчишески, подстриженные волосы.

— В море идешь, Фис? — спросил тихонько его приятель Стариков. — А кто обеспечивает?

— Иван Александрович!

— Тогда порядок!

В этом коротком заключении командира-подводника чувствовалось то уважение к Колышкину, которое он снискал к себе на Северном флоте. К нему ходили командиры подводных лодок советоваться по самым различным вопросам, у него нередко разрешали они свои споры. Его спрашивали не раз: «А как бы вы поступили в таком случае?»

Придя на лодку Фисановича, он сказал командиру «Малютки»:

— Главное мое требование к командиру — воевать смело и умело! На худой конец, не совсем красиво подойди к причалу, но воюй красиво! Не теряйся. Делай выводы правильно. Не горячись. Не спеши.

Ночь на боевой позиции выдалась тихая. Собственно, ночи не было вовсе. Заря встречалась с зарей. Солнце, едва опустившись за горизонт, тут же начинало свой подъем. Поэтому пришлось следовать по курсу в подводном положении. Фисанович поднял перископ и сказал негромко:

— Противник не просматривается.

В окуляр перископа виднелись знакомые гористые берега. Узкие фьорды-заливы врезались в эти берега, а в глубине их прятались фашистские военные корабли и транспорты. Фисановичу давно хотелось заглянуть в один из портов противника. Командир «Малютки» исподволь начал с Колышкиным разговор на эту тему:

— Не плохо было бы взглянуть, как живут фашисты в норвежских фьордах, как чувствуют себя на полярных параллелях.

Колышкин улыбнулся с хитрецой:

— Живут, думаю, недюже, ожидают еще хуже. Погодим пока. Осмотримся получше. С обстановкой познакомимся, тогда и решим. Шел бы ты, отец-командир, отдыхать. А я постою с лейтенантом на вахте.

Колышкин настоял на своем. Фисанович ушел к себе в каюту.

Утром отошли подальше от берегов и всплыли для зарядки аккумуляторной батареи. Отдохнувший Фисанович сменил Колышкина и стал следить за горизонтом. Командиры поменялись ролями. Теперь Фисанович принялся уговаривать комдива.

— Нет, командир, отдыхать не буду! — решительно возразил Колышкин. — Погода сейчас работает на нас. Ветер поднялся, развел волну, и нас за ней не так будет видно. Пора и за дело приниматься! Пошли на прорыв в базу противника!

И, сказав это, он отошел в сторону, давая понять: я тебе не мешаю, командир, действуй, воюй!

Фисанович наблюдал за носовыми секторами, а штурман — за кормовыми. Колышкин следил за морем и по носу и по корме подводной лодки.

— Самолет! — выкрикнул штурман.

И тут же раздался приказ:

— Все вниз! Срочное погружение!

По этой команде, не медля ни секунды, надо было всем, кто находился на мостике подводной лодки, друг за другом спуститься в рубочный люк и последнему, то есть командиру корабля, захлопнуть крышку люка.

Застопорили дизель. С шумом заполнились балластные цистерны. Не прошло и минуты, как подводная лодка уже скрылась под водой. Где-то в стороне громыхнули бомбы.

— Ну, пошел пугать треску! — сказал Колышкин, прислушиваясь к далеким разрывам.

— Миновало! — заметил Фисанович. — Курс? — обратился он к штурману.

Тот доложил.

Легли на курс, проложенный в самое горло фьорда.

— Пошли? — спросил Фисанович.

— В добрый час! — кивнул головой комдив.

Входные мысы были уже пройдены. За кормой подводной лодки остался узкий вход — он же единственный выход в море. Вот втянулись в фьорд уже на целую милю. Команды подавались тихо. В отсеках прекратились всякие шумы. Не стало слышно и разговоров, которых не терпел командир. Все знали — лодка в чужом фьорде. Все помнили наказ Колышкина — быть внимательными.

Чем дальше к югу, тем больше суживался фьорд, теснее вставали каменные громады береговых скал. Колышкин стоял рядом со штурманом и прикидывал на карте расстояние до берега. Получались уже не мили и даже не кабельтовы, а считанные метры. Этот узкий и длинный залив подводники знали хорошо и называли «чулком». И в самом деле, он похож на чулок, узкий и вытянутый. Близость берегов противника невольно настораживала каждого на подводной лодке. Думалось: а что там наверху? Не видят ли фашисты лодку? Или их посты наблюдения проморгали заход «Малютки» в фьорд?

А наверху был день. Чайки низко летали над рябившей водой.

Колышкин посматривал на глубиномер и мурлыкал какую-то старинную песню волжских баржевиков, слышанную еще от водолива дяди Саши. Глубиномер охранял подводников от возможных неприятностей. Этот прибор помогал боцману держаться на заданной глубине. Но вот стрелка прибора качнулась.

— Боцман, держите заданную глубину! — предупредил Колышкин. — Мы же в фьорде противника! Не к теще на блины идем!

— Командир, посмотрите в перископ! — посоветовал тут же Колышкин.

Фисанович приложился к окуляру и увидел впереди дозорный катер противника. Так же как и лодка, он следовал в глубь фьорда. Фисанович доложил Колышкину о своем наблюдении.

— А что за катер? — поинтересовался Колышкин.

— Видел кормовую пушку, вымпел на грот-мачте. . .

— Подстройтесь, командир, к нему в кильватер! С кем в санях сидишь, тому и песни поешь, — сказал Колышкин и улыбнулся.

Акустик «Малютки» выслушивал шумы моря. Еще один катер был обнаружен гидроакустическим прибором. Вот шум катерных винтов стал громче. Противник идет на сближение с лодкой. Быть может, еще одна минута — и посыплются глубинные бомбы. . .

Но катер пронесся мимо.

— Катер удаляется! — доложил Колышкину Фисанович, оживившись.

— Не мешать ему, пусть удаляется! — усмехнулся комдив.

О присутствии кораблей противника акустик больше не докладывал. На какие-то секунды Фисанович поднимал и тут же опускал перископ. Наконец командир «Малютки» увидел то, что так упорно искал, — гавань противника! Далеко же спряталась она в фьорде. Колышкин бывал здесь во времена финской кампании. В перископе мелькнули гостиница и казармы, вот и причал, а у причала. . .

Фисанович не успел заметить, стоят ли у причала корабли или он пуст.

— Ну, что там у причала? Докладывай же, командир!

О чем докладывать? Надо еще раз на виду у противника поднять перископ, рискуя судьбой корабля и личного состава. . . У Фисановича лоб покрылся испариной. Он вновь поднял перископ и тут же опустил его. Торопливо, с досадой в голосе Фисанович доложил:

— Причалы вижу, транспортов нет. . .

Гавань была пуста. Значит, зря шли в фашистское логово, напрасно подвергали себя смертельной опасности.

— Лучше гляди, командир! — посоветовал Колышкин. — На войне бывает: сначала ничего не видно, а присмотришься — и как раз отыщешь то, что нужно...

Надо было вновь поднимать перископ. Опять наступал тот самый момент, про который штурман говорил полушутливо, что фуражка вместе с шевелюрой заметно поднимается на голове...

— Вот он! — воскликнул Фисанович, взглянув в перископ.

— Кто «он»? — тихо спросил Колышкин.

— Транспорт! У северо-западного причала! — доложил Фисанович.

— Да, в самом деле, транспорт! — посмотрев сам в перископ, подтвердил командир дивизиона. — Дело ясное. Бей, командир!

— Торпедные аппараты, товсь! — скомандовал Фисанович.

Огромный транспорт стоял под разгрузкой, занимая всю длину северо-западного причала.

Торпеда пошла на цель. Облегченная подводная лодка вздрогнула и рванулась вверх, как воздушный шар, освобожденный от балласта. Это могло выдать ее врагу. Но командир электромеханической боевой части вовремя принял балласт. Немедленно был взят курс к спасительному выходу из фьорда.

Как только вышла торпеда, штурман выхватил из кармана кителя секундомер и стал отсчитывать. Не прошло и двадцати секунд, как раздался сильный взрыв.

— Победа! — сказал Фисанович, блеснув глазами.

— Записываем только то, что наблюдаем, это старое штурманское правило, — заметил Колышкин.

Намек Фисанович понял. Надо было визуально, как говорили подводники, удостовериться в победе, чтобы сделать точный доклад командованию. И только было подняли перископ, как в поле окуляра замаячил тот же самый катер, который встретился подводникам в горле фьорда. Он шел прямо на лодку. Но было установлено главное: победа действительно одержана! Транспорт тонет, погружается в воду кормой.

Катер проскочил мимо. Но акустик доложил, что слышит шумы винтов еще трех катеров. Идут строем фронта на подводную лодку. Три противолодочных корабля! На каждом изрядный запас глубинных бомб.

Ожидание было недолгим. Бомба за бомбой стали взрываться поблизости от лодки. И думалось каждому: в нас или мимо? . .

— На бога берут! — объявил боцман после нескольких взрывов, громыхнувших уже вдалеке от лодки.

Подводная лодка „Малютка“ Героя Советского Союза *И. И. Фисановича* возвращается в базу после боевого похода. (1941 год)

Грохот взрывов быстро отдалился. Значит, катера прошли мимо. «Малютка», между тем, миновала уже входные мысы. Фьорд остался за кормой. Об этом было сообщено по отсекам. Все почувствовали себя необычайно легко, будто в лодку ворвалась струя свежего воздуха, которого так не хватало.

Колышкин поздравил командира корабля с первой победой.

— И вас, Иван Александрович! — ответил на позд-

равление Фисанович. — Сделали ведь общее дело. Победа-то ведь не моя, а всего экипажа. Золотой у нас народ!

— Почин дороже всего, — сказал Колышкин. — Но уж если хотите, командир, полностью меня поздравить, так поздравляйте еще и с днем рождения!

— От души поздравляю, Иван Александрович! А как же с подарком? — смущенно начал Фисанович.

— Подарок сделан!

— Какой?

— Лучшего и не придумаешь! Фашистский транспорт, потопленный в фьорде! . .

— Сколько же вам стукнуло?

— Без году сорок!

— На четырнадцать лет вы старше меня. . .

— А среди подводников уже считаюсь стариком, — добавил, улыбаясь, Колышкин.

К обеду командир лодки приказал раздать экипажу положенные порции вина. Первым был поднят тост за Коммунистическую партию — вдохновительницу всех побед Советской Армии и Флота. Этот тост был провозглашен командиром корабля. Потом слово взял Колышкин.

— Мы, подводники, — сказал Колышкин, — не плохо помогаем с моря нашей армии. Мне рассказывал командир с Рыбачьего: «Когда долго не появляются самолеты, сухопутчики говорят: «Молодцы подводники! Это их работа! Опять, небось, оставили фашистов без горючего. Опять потопили танкер!»

Потоплен, скажем, танкер противника, это значит: три-четыре тысячи тонн горючего выпущено в море, застопорена работа целой танковой дивизии или большого соединения авиации противника. Или вот пустили вы на дно транспорт с полным грузом. А что такое потопленный транспорт? Это либо двести средних танков, либо около сотни тяжелых. Это может быть и сотня самолетов-истребителей. Тоже неплохо! Или две тысячи потопленных разом фашистов с полным вооружением. На худой конец, это — десяток тысяч полушубков. И это хорошо. Придется гитлеровцам пощелкать зубами на морозе за Полярным кругом. . .

Вдруг Колышкина и командира вызвали в рубку. От акустика поступил короткий доклад:

— Шум винтов с левого борта.

Вновь вышли в атаку. Взрыв был отчетливо услышан в отсеках.

— С победой! — сказал Колышкину Фисанович.

— Чего не наблюдаем, того не записываем, — ответил Колышкин.

Обстановка в самом деле не позволила поднять перископ. Подводникам, к сожалению, не удалось узнать результат торпедной атаки.

Подводная лодка вернулась в родную базу.

— Ну, Иван Александрович, докладывайте, как прошел поход, — обступили Колышкина с расспросами встречавшие на пирсе товарищи.

— Спросите Фисановича. Он лодкой командует! Он стрелял! Он топил! Как говорили на Волге ямщики: «Кто едет, тот и правит!» — ответил коротко Колышкин.

Это был первый боевой праздник Фисановича. Молодой подводник шел на командный пункт в ногу со старейшим североморцем, своим учителем.

Победные залпы

Боевые походы кораблей Северного флота следовали один за другим. Там миноносцы потопили подводную лодку противника, здесь сбили фашистский бомбардировщик. Он упал в море, оставив в небе дымный след. Североморцы-подводники, вернувшись с моря, стреляли холостыми снарядами в небо над родной гаванью. Это было знаком одержанных побед. Каждый выстрел — пущенный на морское дно военный корабль или транспорт врага. Далеко в сопках разносилось громовое эхо салюта.

Все подводники знали и любили капитана 2 ранга Ивана Александровича Колышкина. Он ходил с каждым необстрелянным командиром подводной лодки в море и в трудный момент подсказывал, как действовать, чтобы сохранить корабль, людей и вернее добиться победы...

Это называлось одним словом «обеспечивать». Его видели гостем на берегу, чаще всего он находился в море.

С походами у Колышкина выработалось правило: увидел корабль противника — атакуй и топи! Он помнил и применял на деле наказ замечательного русского флотоводца адмирала Макарова: «Если встретил слабейшее судно противника, атакуй! Если равное себе — атакуй! И если сильнее себя — атакуй!» Это правило стало тра-

диционным на Северном флоте. Подводник Лунин вышел один на один со своим кораблем против мощной фашистской эскадры, сопровождавшей линкор «Тирпиц», и нанес ему такое повреждение, которое заставило один из лучших кораблей гитлеровской Германии три месяца простоять в ремонте.

Против сильнейшего врага выходил в бой подводник капитан 2 ранга Гаджиев. В открытом артиллерийском бою с тремя противолодочными кораблями противника он потопил сторожевик и катер, а второму катеру нанес повреждение. . .

Кольский залив не замерзал и зимой. У подножия заснеженных сопок вода казалась темной, как деготь. Маячила высокая мачта радиостанции. Ветер завывал в проводах. Короткий сумеречный день длился всего лишь несколько часов, и потом торопливо надвигалась полярная ночь, хмурая, облачная или вся в росписях переливчатого, трепетного северного сияния. Бежали по небу желтые, зеленые, палевые сполохи, неожиданно гасли, чтобы вспыхнуть вновь с еще большей силой над крутыми скалами. Высоко над морем загоралась желтоватая полоска, она постепенно становилась все ярче и вдруг рассыпалась ослепительными хрустальными искрами. Даже бывалые матросы, кому не впервой было видеть эти красоты Дальнего Севера, рады были полюбоваться северным сиянием.

Матрос-экспедитор по утрам разносил почту подводникам. Его ждали с нетерпением.

— Паша, ну как там, есть ли мне что? — слышался голос с дальней койки в кубрике.

— Еще пишут, — односложно отвечал Паша и раздавал счастливцам треугольником сложенные письма.

Метелило часто. Матросы с песнями выходили на улицу, чистили двор подплава, разгребали в глубоком снегу дорожки для пешеходов. Окна командирских кают и матросских кубриков на береговой базе были тщательно затемнены картоном или плотной синей бумагой. Подводные лодки отправлялись в море скрытно, без огней.

За годы военно-морской службы Иван Александрович Колышкин изучил многие флотские специальности, но продолжал совершенствовать свои знания. В короткие часы досуга он читал книги или беседовал с опытными специалистами, обсуждал итоги боевых походов.

Немало людей были обязаны Колышкину своим воинским мастерством, воспитанием характера и воли. Не один моряк с особым уважением говорил:

— Я плавал с Колышкиным!

Это означало, что моряк-подводник прошел настоящий подводный университет. Колышкин замечал не раз, что одному командиру, которого он «обеспечивал», не хватало уверенности, другому, наоборот, вредила излишняя самоуверенность, третий был медлителен, четвертый — не в меру горяч. Однотипные подводные лодки находились под начальством несходных характерами командиров. Но от всех требовалось: топить противника, вновь искать вражеские корабли и отправлять их на дно Баренцева моря.

Одних Колышкин удерживал от слишком горячих и недостаточно продуманных решений, других же, наоборот, горячил слегка, но при этом старался никогда не мешать, не давать повода чувствовать, что на лодке есть «опекун» . . .

Как-то один из молодых командиров слишком лихо подходил к берегу. Казалось, что подводная лодка с полного хода вот-вот врежется носом в пирс. На берегу заволновались.

— Остановите же вашего командира, товарищ капитан 2 ранга! — не выдержал кто-то из встречавших лодку начальников.

— Прошу прощения, но я с берега кораблями не командую, — спокойно возразил Колышкин.

Корабль ошвартовался без происшествий. Командир успел вовремя дать задний ход, и все обошлось благополучно. Потом, правда, Колышкин вызвал лихача к себе в каюту, долго с ним беседовал. Командир понял свою ошибку.

Зимой трудно было стоять на мостике. Подводники поднимали меховые воротники своих кожаных регланов. Лодку захлестывало. Белой пылью оседала морская соль на одежде и обуви. Колышкин выстаивал на мостике часами. Волны пробегали от носа до кормы, шумно разбиваясь об ограждение рубки, и скатывались по бортам.

— Иван Александрович, заливает! Простудитесь еще. . . Шли бы в каюту, отдохнули часок. . . — заботливо предложил командир, которого «обеспечивал» в очередном походе Колышкин.

Иван Александрович метнул на него удивленный взгляд, нахмурился. Надо было совершенно не знать командира дивизиона, чтобы подать ему такой совет.

Желая сгладить неловкость, командир вспомнил вдруг о том, что слышал о Колышкине от тех, кто давно окончил училище имени Фрунзе. Однажды в бассейне учебного отряда подводникам предложили выполнить сложное упражнение в легкой водолазной маске. Слушатели нерешительно переглядывались. Вызвали добровольцев. Колышкин первым разделся и в маске погрузился на дно бассейна. Все с интересом смотрели, как он уверенно шагал под водой, похожий на сказочного Садко. . .

— Ну вот, то в каюту посылает от простуды прятаться, то с Садко сравнивает, — сказал Колышкин и сдержанно улыбнулся.

Погода для воспоминаний становилась малоподходящей. Ветер срывал пенные гребни волн. Лодку с силой клало с борта на борт. На боевую позицию шли в тумане. Командир лодки ежился, вглядываясь в беспросветную тьму. Уходили в море, радовались: на «хлебную» позицию посылают. Там как раз и «растут» фашистские транспорты.

. . .Пустой разговор! Никаких транспортов нет и в помине. Бескрайняя морская пустыня. . .

В первые месяцы войны гитлеровцы старались не утруждать свой военный флот сопровождением транспортов с грузами и посылали торговые суда в одиночку, без охранения. Но торпедные удары североморских кораблей и самолетов заставили врага призадуматься. Огромные, все возрастающие потери принудили фашистов изменить тактику. Они уже не выпускали свои транспорты без охранения, сводили их в большие караваны, ставили новые и новые минные заграждения. Придавали караванам большое число кораблей охранения. Все эти меры затруднили действия североморцев, но не обескуражили их.

Командир бригады подводных лодок Северного флота контр-адмирал Виноградов вызвал как-то Колышкина на командный пункт и сказал:

— Сходите, Иван Александрович, в море на «Декабристе»!

Эта была старая подводная лодка. Ею командовал капитан 3 ранга Бибеев — офицер с академическим образованием. Мастер самых сложных расчетов во время учеб-

ных атак, он впервые шел на боевую операцию. В береговых условиях он работал не торопясь, но и на подводной лодке действовал не спеша, как говорится, с развальцем. . . Колышкина это обстоятельство несколько беспокоило.

Только вышли из Кольского залива, как оборвался проволочный подвес гирокомпаса. Выбыл из строя важный путеводный прибор. Что делать? Возвращаться обратно в базу? Или следовать на боевую позицию без гирокомпаса? . .

Колышкин сказал Бибееву:

— Раньше же плавали на подводных лодках без гирокомпаса, в атаки выходили и топили противника!

Посоветовавшись с Бибеевым, Колышкин послал командованию радиограмму: «Гирокомпас вышел из строя. Будем плавать по магнитному».

Поход продолжался.

В день Советской Конституции офицеры собрались в кают-компании на праздничный обед. Вдруг из центрального поста доложили, что обнаружен транспорт противника. Все мгновенно разошлись по своим боевым постам.

— Выходите в атаку! — сказал Колышкин Бибееву, посмотрев в перископ. — Волнуетесь?

— В первую боевую атаку выхожу, товарищ капитан 2 ранга! — ответил Бибеев смущенно. — А вдруг промажу? . .

— Не промажете, — уверенно сказал Колышкин. — Решительней действуйте, когда атакуете врага.

После короткого разговора с командиром дивизиона Бибеев с силой сжал потными пальцами эбонитовые рукоятки перископа и прильнул глазом к окуляру. Рядом стоял Колышкин, и это обнадеживало. . .

Транспорт, торпедированный Бибеевым, тонул очень долго — пятьдесят четыре минуты. Колышкин жалел об одном: что нечем было фашистам помочь утонуть поскорее. Он приберегал торпеды для другого случая. Возле зенитного перископа собралась живая очередь. Каждому хотелось хоть на секунду увидеть, что творилось в это время на поверхности. Вдруг Колышкин приказал всем лишним покинуть центральный пост. Он сам стал наблюдать за кружившим возле тонувшего транспорта тральщиком противника.

— Ударим и по тральщику! — предложил Колышкин.

Бибеев приготовился было к атаке, сделал расчеты Уже торпедисты нетерпеливо поджидали команду «Пли», как вдруг был дан отбой. Снежная пелена закрыла цель. Когда горизонт прояснился, тральщика уже не было видно, а транспорт скрылся в морской пучине.

— Пойдемте, товарищи офицеры, дообедаем! — напомнил Колышкин.

Торжественный обед прошел в молчании. Каждый чувствовал, что праздник испорчен, ведь тральщик скрылся... Вскоре вахтенный обнаружил суда противника. Бибеев заторопился.

— Подожди, командир! Не спеши с атакой! — предостерег его Колышкин, поглядев в перископ и быстро оценив обстановку. Волна позволяет нам не торопиться. Среди волн не так-то легко обнаружить наш перископ. Советую взять левее и прибавить ход.

Сблизились с противником на меньшую дистанцию. Колышкин смотрел на командира корабля и радовался. Теперь тот чувствовал себя гораздо увереннее, чем во время предыдущей атаки.

Считая свою опеку законченной, Колышкин предоставил ему возможность действовать совершенно самостоятельно.

Бибеев выстрелил. Все в центральном посту смотрели в окуляр перископа на кренившийся транспорт, ложившийся мачтами на воду.

Перед рассветом подводная лодка погрузилась. Снова начинался поиск. От атаки до атаки иной раз проходило десять суток...

Нигде так много не читал Колышкин, как в море на подводной лодке, в боевом походе. Ведь случался вынужденный досуг и на подводной войне. Колышкин умел его использовать. В глубинах Баренцева моря перечитал всю корабельную библиотеку.

Колышкин говорил боевому товарищу, командиру лодки Бибееву:

— В боевом походе всегда старайся наблюдать сам. Помощник докладывает: вижу транспорт! Подойди к перископу, проверь! У меня бывали разные случаи... Помню, один из командиров просит разрешения выйти в атаку на транспорт. Я глянул в перископ и удивился:

«Мы, командир, смотрели с вами в один и тот же перископ. Прошу прощения, но я транспорта не вижу. Это облако!»

Тот даже обиделся и продолжал настаивать на своем

И что же: через несколько минут разобрались — никакого транспорта не было, командир действительно собирался выходить в атаку на... облако. Другой собирался атаковать свой же тральщик. Пришлось тащить командира за рукав от перископа. Принимали и чайку за самолет, и перо касатки за перископ вражеской подводной лодки...

Тут Колышкин вдруг нахмурился:

— Но лучше, командир, десять раз сыграй срочное погружение, приняв чайку за вражеский самолет, чем хоть однажды прозеваешь его действительное появление вблизи своей лодки. Чтобы хорошо воевать, мастерства и смелости подводнику недостаточно, нужны еще и внимание и осторожность.

...Однажды случилось несчастье. Вышел из строя зенитный перископ. За десять дней до предполагаемого окончания похода из строя вышел и второй перископ — командирский, у которого оборвался трос. Корабль лишился самого дорогого — зрения. Перископ с неисправной оптической частью остался поднятым. Опустить его было невозможно. Плавать же с постоянно поднятым перископом значило подвергаться опасности быть обнаруженными и потопленными.

Командир корабля не находил выхода из создавшегося положения. Он сказал встревоженно:

— Товарищ капитан 2 ранга, дальше так плавать не могу. Прошу разрешения возвратиться в базу.

— В базу?! — удивленно переспросил Колышкин. — Кто же нам это позволит? Нет, командир! Прежде чем возвращаться в базу, поговори с людьми. Наш народ из любого положения найдет выход. С любой трудностью справится. И не такие случаи бывали в море...

По совету Колышкина командир корабля собрал коммунистов, опытных матросов и старшин, поговорил с ними. Нашлись на корабле умельцы, приступили к ремонту перископа. Это было делом чести всего личного состава. Коммунисты возглавили ремонт. Каждый старался как мог. Повреждение было устранено. Колышкин оказался прав. На каждом корабле, надводном или подводном.

всегда найдутся среди советских моряков такие механики, восторженные любители техники, которые сделают, кажется, совершенно невозможное.

Когда кораблю возвратили зрение, Колышкин предложил повернуть ближе к берегу в надежде на встречу с противником. Он искал этих встреч.

Низко над штормовым морем носило рваные, клочковатые облака. Море, казалось, слилось с серым, неприветливым небом.

Вскоре был обнаружен транспорт противника в охранении сторожевого корабля. Атаковали, несмотря на штормовую погоду.

Возвращалась подводная лодка домой с победой под охраной густого тумана. В одном из ее отсеков шло партийное собрание. Трех североморцев принимали в члены Коммунистической партии. Зачитали рекомендации комсомольской организации и старых членов партии, но, пожалуй, самой весомой и решающей была поддержка молодых воинов старейшим североморцем коммунистом Колышкиным. Каждый из вступавших в партию клялся быть верным до конца Коммунистической партии. А наверху свирепствовал шторм. Вторые сутки бесновалось Баренцево море. Чтобы не смыло волной, вахтенные на мостике привязывались тросами. Через открытый рубочный люк попадала в лодку вода. Без остановки работали помпы...

Колышкин в мирные дни больше находился в море, чем на берегу. В военное же время он превратил свою жизнь в непрерывный боевой поход. Возвратившись из плавания, он обычно переходил на другую лодку, уходившую на боевую позицию.

В походе 18 января 1942 года радист сообщил радостную весть:

— Новые успехи Советской Армии! Ряд городов и много населенных пунктов отбиты у врага. Гитлеровцы понесли большие потери в живой силе и технике...

Давно уже рухнули надежды фашистов на взятие столицы нашей Родины — Москвы... На подступах к Москве десятки гитлеровских дивизий нашли свою могилу еще в начале прошлого месяца. Теперь победа советских войск закреплена.

Агитаторы — коммунисты и комсомольцы быстро разошлись по отсекам, чтобы рассказать тем, кто нес вахту, о новых победных боях родной Советской Армии.

Из отсека в отсек переходила карта, исколотая красными флажками вдоль всего Западного фронта, где происходили в те дни ожесточенные бои.

Наступила ночь. Бодрствовали лишь вахтенные.

Лодка всплыла. Радист принял новую радиограмму:

«Командующий Северным флотом и член Военного совета поздравляют командира дивизиона подводных лодок капитана 2 ранга Колышкина с присвоением высокого звания Героя Советского Союза».

Указ о награждении был помечен 17 января. . .

Колышкин пил чай в кают-компании, когда открылась переборочная дверь и показался радист с белым листком радиограммы в руке. На лице его сияла радостная улыбка.

Колышкин быстро проглядел текст радиограммы и тут же вернул ее, сказав смущенно:

— Тут какая-то ошибка! Это не мне!

— Вам, вам, товарищ капитан 2 ранга! Какая может быть ошибка?! Я и квитанцию о приеме радиограммы уже отстучал на берег! Поздравляю вас, товарищ капитан 2 ранга! От всего сердца поздравляю.

Кают-компания быстро наполнилась людьми. Пришли командир корабля, старшины, матросы. Радостная весть, будто по тревоге, подняла весь экипаж. Корабль представлял собой потревоженный улей. Только вахтенные оставались на местах. Каждому хотелось поздравить командира дивизиона, пожелать ему счастья и здоровья. Комсомольцы — члены редколлегии — уже занялись экстренным выпуском «Боевого листка». Ведь Колышкин был первым героем не только на подплаве Северного флота, но и первым из моряков-подводников, награжденных во время Великой Отечественной войны Золотой Звездой. . .

Взволнован и обрадован был Колышкин. Хотелось ему дать знать подруге-жене, но она находилась в осажденном фашистами Ленинграде. В далеком Крутце доживала свою долгую трудовую жизнь старуха-мать. Но знал он, что и до этих родных и близких ему людей дойдет радостная весть и вместе с ним разделят они его счастье.

Баржевой с Волги, бывший боцман Балтийского флота, стал Героем Советского Союза.

— Это, товарищи, награда не мне лично, а всему коллективу, всему нашему дивизиону лодок, — сказал Колышкин в кают-компании собравшимся боевым соратникам. — Если бы сегодня не было всех вас — героев, не бы-

ло бы и этой телеграммы. Благодарю вас, товарищи, за службу, за преданность социалистической Родине. Надеюсь, что мы с вами пустим на дно еще не один вражеский корабль. . .

Колышкин еще был в море, а к нему на береговую базу подводных лодок Северного флота потоком хлынули письма и телеграммы со всех концов Советского Союза от знакомых и совсем неизвестных ему людей.

Незнакомая девушка с Московского автозавода написала подводнику нежное письмо. Юный колхозник прислал ему стихи собственного сочинения. Мать-героиня желала доброго здоровья и сил для победы над врагом.

В письмах сильнее всего звучал мотив: мы с вами хоть и не рядом, но цель наша одна — скорее уничтожить ненавистного врага. Вы воюете под водой, а мы в тылу готовим оружие, помогаем вам, воинам, в этой борьбе. Под знаменем Коммунистической партии мы трудимся. Под знаменем Коммунистической партии вы воюете далеко на Севере. Мы победим!

В экспедиторской подплава росла груда писем и телеграмм, адресованных человеку, находившемуся еще в море. Газеты печатали его портреты, на стенах домов в городах расклеивались плакаты, говорившие о подвигах героя-подводника, потопившего много фашистских кораблей в Баренцевом море.

. . .Колышкин поднялся на мостик подводной лодки. Было ветрено и морозно. Ледяной глазурью покрылась вся палубная надстройка. Казалось, что не подводная лодка, а причудливый айсберг движется по морю.

С сигнальных постов, мимо которых проходил подводный корабль, писали флагами приветы и поздравления Герою Советского Союза Колышкину. Ответы были коротки: «Благодарю, капитан 2 ранга Колышкин».

Уже входили в Кольский залив. Надо было давать победные салюты. Но как стрелять из орудий, обросших льдом? Матросы уже возились у пушек, поливали их крутым кипятком, сбивали лед ручниками. Одно из орудий очистили. Можно было салютовать в родной гавани.

В заливе навстречу подводникам показался катер под флагом командира бригады контр-адмирала Виноградова. Колышкин приказал заготовить четыре снаряда для салюта — по числу потопленных за время похода кораблей противника.

Обычай стрелять по возвращении из похода завел на флоте друг Колышкина подводник капитан 2 ранга Гаджиев.

Колышкин предупредил командира корабля:

— На все запросы контр-адмирала отвечать буду я. Вызывайте артрасчет! Объявим о победе по-гаджиевски!

Наверх быстро, один за другим, вышли артиллеристы и стали на свои боевые посты.

Катер поравнялся с подводной лодкой и передал семафор:

«Поздравляю с благополучным возвращением. Каковы успехи?»

Вместо ответа Колышкин скомандовал:

— Произвести четыре выстрела!

В полярной гавани прогремели орудийные выстрелы. Эхо подхватило их и понесло по сопкам. Это и было своеобразным рапортом подводника Колышкина своему начальнику контр-адмиралу Виноградову.

На пирсе выстроились все офицеры-орденоносцы бригады. Колышкину стало не по себе от такого внимания к нему. Он никак не ожидал торжественной встречи.

На утро в сводке Советского Информбюро уже сообщалось о том, что в Баренцевом море нашей подводной лодкой потоплены корабли противника. . . Но лишь немногие в стране знали о том, что эти победы добыты в суровых полярных водах моряками дивизиона «Щук», которыми командовал Колышкин.

Бессонные ночи

Хотелось молодому офицеру флота капитан-лейтенанту Федору Алексеевичу Видяеву, недавно принявшему командование подводной лодкой типа «Щука», быть таким же уравновешенным, спокойным, каким бывает Колышкин в походе. Тот во время глубинных бомбежек жевал сухари или напевал бывало вполголоса песни волжских баржевиков, удивляя видавших виды подводников полным пренебрежением к опасности. И это было не рисовкой, не позой. Самобытен и прост по-народному был характер воина.

Колышкин наблюдал за молодым командиром «Щуки» и радовался. И как было ему не радоваться, когда Видяев так умело и настойчиво преследовал фашистский транспорт, стремясь во что бы то ни стало атаковать против-

ника. Транспорт, за которым охотилась «Щука», непрестанно уклонялся, стараясь не дать лодке возможность занять выгодную позицию для стрельбы торпедами. Он то неожиданно отворачивал с курса, петляя по-заячьи, то увеличивал или уменьшал ход. Но Видяев не оставлял его в покое.

— Аж пот прошибает, — пошутил Видяев, снимая шапку-ушанку и вытирая лоб. — Но крутись не крутись, голубчик, а рано или поздно будешь ты мой. . .

У него и мысли не было о том, чтобы отступить. Обнаруженный в море враг должен быть уничтожен. Возвращаться в базу, не сделав успешного залпа? Это не вязалось с решительным и непреклонным характером молодого командира-коммуниста. «Победа! Победа во что бы то ни стало!» — думал Видяев.

— Давай, командир, подвернем к мысу, — предложил Колышкин, стоявший рядом с Видяевым в рубке. — Нам до него ближе, чем фашисту, а уж он его никак не минует. Тут-то мы его встретим и атакуем.

Командир «Щуки» одобрительно кивнул. Пройдя напрямую, подводная лодка будет у мыса раньше транспорта. Там действительно можно будет торпедировать наверняка. . .

Видяев приказал взять левее, как посоветовал Колышкин. Сюда и подошел транспорт противника. Лицо Видяева стало необычно строгим, голос резким, требовательным. Он отдал приказ торпедистам. Наступил решительный момент. Атака удалась: задрав нос кверху, транспорт кормой ушел под воду. И тут истребители подводных лодок — катера принялись за свое дело. Началась отчаянная бомбежка лодки глубинными бомбами. Надо было маневрировать: менять ходы, глубины, курсы, чтобы уклониться от ударов, обмануть противника и уйти поживее от мелководного берега на спасительные глубины. В этот опасный момент сказалось умение Колышкина и Видяева выводить подводную лодку из самого сложного положения.

Видяев, спокойный, лишь чуть бледнее обычного, не раз вытирал с лица обильный пот, пока лодка не оторвалась, наконец, от своих преследователей.

В окуляре перископа металось белое от пенных барашков море. По временам снежная пелена совсем застилала горизонт. И хотя вражеский берег был еще близко,

каждый член экипажа сознавал: победа одержана, боезапас израсходован не зря и, значит, скоро — в родную базу, скоро — встреча с друзьями.

В центральном посту нес вахту старший помощник командира капитан-лейтенант Каутский. Полный, малоподвижный, с большими залысинами от бровей до затылка, он скорее походил на почтенного преподавателя или научного работника, чем на «корсара глубин». В то же время

Командир подводной лодки капитан 3 ранга А. *Каутский* делится впечатлениями с друзьями-подводниками после возвращения из боевого похода. (Снимок сделан в 1943 году)

он беспредельно любил море, морскую службу и не терялся в опасный момент. Там, где спокоен офицер, не ведает страха и матрос. В походе Каутского заботило все: и состояние механизмов, и настроение личного состава, и качество борщей, которые варил кок, еще не привыкший к морской болтанке. Он замечал и расстроенное лицо матроса-первогодка, только недавно начавшего военно-морскую службу, и беспокойство хлопотливого боцмана, и нервозность старшины, доискивался до причины и старался ее устранить.

Вот и сейчас Каутский, как рачительный хозяин, наставлял фельдшера, что не плохо было бы по случаю победы подать к столу чего-нибудь вкусненького, да и вина

граммов по сто на душу... За этим занятием его и застал Видяев, заглянувший в рубку.

— Старпом, через пятнадцать минут всплываем, курс в базу.

Поход заканчивался. Эта новость облетела отсеки. И, как сказал никогда не скучавший боцман: «Скоро стричься, бриться, песни петь и веселиться».

В течение всего похода Колышкин находился в рубке рядом с Видяевым, теперь он решил пройти в теплый шестой отсек, чтобы хоть немного отогреться и отдохнуть. Добравшись до шестого отсека, Колышкин прилег на койку и с удовольствием вытянул натруженные ноги. Но спать долго не пришлось.

Его поднял грохот взрыва и шум хлеставшей в отсек воды. В первую минуту ему показалось, что подводная лодка с полного хода ударилась о скалистый берег; может быть, повылетали заклепки или разорван борт и в образовавшуюся брешь хлынула морская вода... Света в отсеке не было. Колышкин нащупал впотьмах валенки, сунул в них ноги и устремился в центральный пост. Из рубки доносились приказы Видяева. Включили аварийное освещение.

— Доложите, что случилось, — приказал комдив старпому.

Из доклада можно было установить, что произошел взрыв во время всплытия; очевидно, лодка напоролась на мину. Вахтенный офицер и инженер-механик не растерялись. Тотчас были продуты все цистерны. Подводную лодку, освобожденную от водяного балласта, выкинуло на поверхность, как пробку.

Слышался шум скатывавшейся по бортам воды. Колышкин и Видяев поднялись на мостик.

Подводная лодка сохраняла плавучесть. Люди были целы. Казалось, что можно не унывать...

Взглянул Видяев на покареженное взрывом ограждение рубки. Сердце командира защемило.

Нельзя было узнать красавца-корабля, изуродованного миной. В седьмом отсеке показалась вода. Она просочилась через разошедшиеся швы концевой переборки. Поступала вода и через задние крышки торпедных аппаратов.

В полузатопленном отсеке остались люди. Они быстро задраили отсек. Матросская отвага и сметка вступили в борьбу за спасение родного корабля. Когда конопатить

стало нечем, они разулись, изрезали на куски свои валенки и стали затыкать пробоины войлоком.

Электромоторы не работали. Верхнюю крышку люка седьмого отсека вырвало. Рубочный люк перекосило.

Двух матросов в легководолазных костюмах Видяев отправил для осмотра гребных винтов. Вместо винтов они обнаружили лишь жалкие обрубки. Подводная лодка оказалась в положении человека, у которого поездом отрезало ноги. Она не могла более двигаться самостоятельно, не могла и погружаться. Замолчали двигатели. Тихо стало в отсеках. Каждый понимал всю серьезность положения: корабль лишился хода в минном поле, на виду у противника, в зоне обстрела вражескими батареями.

Пока подводников спасал лишь снежный заряд. На некоторое время он надежно спрятал лодку от фашистских наблюдателей.

Комиссар подводной лодки Афанасьев ходил из отсека в отсек, беседовал с матросами. Его спокойный вид и неторопливый разговор отгонял печальные мысли.

С глазу на глаз Колышкин сказал Афанасьеву:

— Пусть командиры всех боевых частей займут людей делом. Сейчас особенно важно соблюдение полного спокойствия и точное выполнение приказов.

Видяев отозвал в сторону Каутского и тихо заметил:

— Старпом, проследите за исполнением приказа командира дивизиона! Все люди должны быть заняты. Секретные документы, — добавил он, снизив голос до шепота, — подготовить к уничтожению.

И, наклонившись к самому уху помощника, прошептал:

— В артпогреб заложите подрывные патроны.

Каутский вскоре доложил командиру корабля:

— Ваше приказание исполнено. Подрывные патроны на товсь. Артпогреб подготовлен к взрыву.

Неприятный холодок пробежал по спине командира. Неужели конец? .. Неужто останутся навеки здесь, у вражеских берегов, молодые, полные сил североморцы и их боевой корабль? Нагрянут фашистские корабли, предложат сдаться! Нет, никогда! Лучше братская могила на дне Студеного моря, чем позорный вражеский плен. На память пришли слова Сергея Мироновича Кирова, так любившего североморцев: «. . .Черт его знает, если по-человечески сказать, как хочется жить и жить!»

«Да, чертовски хочется жить, громить фашистов, встретить день победы и прекрасные дни мира! . .» — готовясь к смерти, думал молодой офицер коммунист Видяев.

Колышкин заглянул в радиорубку.

— Товарищ капитан 2 ранга! Главную станцию сорвало с амортизаторов, реостаты вырвало, — начал было докладывать старшина Рыбин, — радиостанция вышла из строя. . . Связь нарушена. . .

Но Колышкин, подняв руку, остановил старшину.

— Обстановка такая, — сказал Колышкин. — Мы в четырех милях от берега противника. Без хода. Погружаться не можем. Ясно? Если хотите жить, спасти товарищей и корабль, найдите любой способ передать вот эту радиограмму. Дорога каждая минута. Многое сейчас зависит от твоего умения и настойчивости, старшина.

Старшина Рыбин начинал службу на этом подводном корабле в те дни, когда он еще строился на заводе, сам участвовал в сборке радиостанции и отлично знал всю аппаратуру. Он стал ловко и быстро соединять оборванные концы. Когда эта работа была закончена, старшина включил радиостанцию. Но передатчик молчал. Реле не срабатывало, не получалось контакта. Рыбин вызвал на помощь акустика. Тот по собственному почину изучил за время службы радиодело, считая, что такого рода знания не бывают лишними. Так оно и случилось. В трудный момент акустик пришел на помощь своему учителю и другу радисту.

— Берись, дружище, за ключ, — предложил Рыбин акустику. Сам он уселся на палубе, замкнул реле остро отточенным графитовым кончиком карандаша и сказал коротко:

— Действуй!

Акустик заработал ключом. В далекую базу полетели точки и тире шифрованной радиограммы:

«Подорвались на мине. Хода не имеем. Погружаться не можем. Прошу оказать помощь. . . Наши координаты. . .»

Подошел Видяев, протянул Рыбину сложенную вчетверо бумажку и сказал ровным голосом:

— Передать, когда прикажу лично.

Командир ушел. Рыбин взглянул на записку:

«П о г и б а ю, н о н е с д а ю с ь».

Написано клером — открытым текстом! Все ясно. Если

придется схватиться с врагом лицом к лицу, погибнем все до одного, но не сдадимся, как и подобает советским морякам.

Рыбин сунул бланк в кармашек робы и повернулся к акустику:

— Давай!

Акустик вновь заработал ключом, вызывая главную базу. Он высказал Рыбину свои опасения:

— Вдруг не услышат?

— Ерунда! — не сказал, отрезал Рыбин. — Услышат! Коммунисты коммунистов всегда везде услышат и поймут. Быть иначе не может!

Отважный североморец командир гвардейской подводной лодки *Ф. А. Видяев*

Уверенность друга передалась акустику.

В радиорубке снова рассыпалась быстрая дробь морзянки.

Рыбин дал полное напряжение на все приборы.

Несколько раз показывалась в радиорубке через открытую дверь голова Колышкина. Он не поторапливал и не расспрашивал. Это был немой, но взволнованный до крайности разговор глаз. Каждый понимал друг друга без слов, в каждом жила надежда.

Под глазами Колышкина и Видяева резко обозначились синие круги. Исчезла обворожительная видяевская улыбка. Не стало слышно шутливых замечаний комдива.

Надо было во что бы то ни стало оторваться от берегов противника. Но как это сделать?

Колышкин вспомнил о ледокольном пароходе «Сибиряков», на котором смелые советские полярники впервые в истории Арктики совершили за одну навигацию без зимовки легендарный рейс Северным морским путем от Архангельска к мысу Дежнева... В том ледовом походе «Сибиряков» лишился гребного винта. Положение казалось безнадежным. Кораблю грозила таившая многие опасности зимовка в дрейфующем льду. Полярникам помогла русская морская сметка. Ледокольный пароход поднял паруса. Целый день шел «Сибиряков» под парусами, команда взрывала ледовые перемычки, попутный ветер и дрейф помогали движению судна на восток... И важнейшая задача была выполнена.

По совету Колышкина, восторженно принятому Видяевым и Каутским, на подводной лодке занялись, как некогда сибиряковцы, шитьем парусов. В дело пошли все имевшиеся на борту брезентовые чехлы и одеяла. Матросы и старшины во главе с Каутским вооружились иглами. Подводную лодку, поднявшую парус, можно было принять издали за рыбачью лайбу.

Верхнюю палубу выбелило снегом. Оснащенный парусом и засыпанный снегом подводный корабль казался фантастическим, призрачным. Ветром постепенно относило его в открытое море. Колышкин, поглядывая на медленно отдалявшийся берег, сказал Каутскому:

— Вернемся в главную базу, доложу командующему о вашей работе, капитан-лейтенант!

А где-то далеко от подорвавшейся на мине подводной лодки Видяева, на другой боевой позиции, капитан 2 ранга Виктор Котельников не прекращал поиск противника. Ему мало было двух одержанных в одном походе побед. Он на своей большой подводной лодке продолжал выслеживать врага.

Время близилось к пяти часам утра. Помощник командира попросил разрешения погружаться. Котельников ответил:

— Часик еще погуляем на поверхности! Погрузимся

ровно в шесть. Быть может, попадется что-нибудь на наше счастье.

В это самое время на лодке Котельникова и была получена радиограмма командующего Северным флотом об оказании помощи Видяеву. Вернее, была перехвачена сперва радиограмма, адресованная командующим Колышкину: «К вам выходит Котельников». Это насторожило Котельникова, заставило его подождать шифровки о координатах поврежденной лодки.

Погрузись лодка Котельникова, как намечалось, в пять утра, приказ командующего флотом о выходе на помощь бедствующей подводной лодке запоздал бы непоправимо.

А на верхней палубе терпящей бедствие «Щуки» у орудий стояли моряки, готовые в любую минуту отразить нападение врага. Внизу наводили порядок, ремонтировали механизмы. Комиссар и помощник командира корабля обходили отсеки, следили за работой.

Горизонт немного прояснился. Вдали показался берег. На высоких скалах лежал снег. Один из сигнальщиков доложил, что видит батарею противника. Мало радости было в этом сообщении.

— Убери, командир, паруса! Они уже кое-что сделали, — посоветовал Колышкин. — Оторвались от берега миль на десять... .

На зловеще темном море чинно, рядами бежали белячки. Ветром срывало их пенистые гребни. Береговая артиллерия молчала, может быть, принимала за своих. Несколько раз вновь налетали снежные заряды. Они помогали подводникам, надежно прикрывая их от фашистов.

В полдень на горизонте обнаружили черную точку. Она быстро росла. Объявили тревогу. Развернули орудие. Подводная лодка готовилась к последнему бою. Колышкин и Видяев не отрывали глаз от биноклей.

— На горизонте подводная лодка! — доложил сигнальщик.

«Своя или чужая?» — эта мысль волновала теперь каждого.

— Наши! Котельников! — воскликнул, присмотревшись, Колышкин. — Другой такой лодки здесь не может быть.

— Ай да Виктор! — воскликнул Видяев и захлопал в ладоши. — Ох, и расцелую же я его, черта!

Подводная лодка Котельникова, уже опознанная по

позывным, проскочила было мимо «Щуки», но потом развернулась «на пятке» и в ореоле брызг стала подходить к ней.

По отсекам тяжелораненого корабля прокатилось «ура», когда люди узнали, что подходит помощь.

Котельников подошел так близко, как только позволяла волна. Матросы завели стальные концы для буксировки. Сильные волны швыряли подводные лодки в разные стороны. В то время как одна взлетала на гребень волны, другая стремительно проваливалась к ее подошве. Могучие рывки рвали крепчайшие буксиры, как перегнившие нитки.

Вдруг из-за мыса показалась мачта фашистского катера. Далее нельзя было рисковать. Катер скрыло за пеленой снежного заряда. Но он мог навести другие корабли и авиацию. . .

Вот появился самолет-разведчик. Он покружился над лодками и дал издалека несколько сигнальных ракет.

Снежный заряд вновь затянул горизонт. Котельников не мог взять поврежденную лодку на буксир, как ни старался это сделать. В условиях штормовой погоды эта задача оказалась не под силу даже для бывалых подводников-североморцев. Подбитая лодка накренилась на 30 градусов. Она едва держалась на воде. Корабли продолжало вздымать на крутой волне и обдавало шипящей пеной. Те, кто стояли на верхней палубе и на мостике, вымокли до нитки. Шум волн заглушал голоса. Котельников поднял мегафон и громко объявил:

— От имени Военного совета Северного флота приказываю вашему личному составу перейти на борт моего корабля!

На виду у противника, под дулами его батарей, перед самым входом в чужой фьорд, после того как катер и самолет обнаружили советские корабли, оставаться далее было смерти подобно.

Наступила мучительная минута.

В задраенный отсек постучали.

— Покинуть корабль!

— Что?!

— С корабля уходим. . .

— Тогда пусть нам командир лично прикажет!

Пришлось Видяеву спуститься вниз и самому приказать матросам, чтобы отдраили отсек. . .

Прощальным взглядом обвел Рыбин радиорубку, забрал документы и по привычке выключил свет. И вдруг подумал о том, что ни к чему это; кораблю не требовалось уже больше экономии света. Он вновь осветил рубку, чтобы не так грустно было уходить. Больно кольнуло сердце, и моряк бросился вслед за акустиком вверх по трапу.

Подводные лодки то сходились на волне, ударяясь бортами, то расходились, и между ними яростно кипела вода.

Котельников приказал отвалить на своей лодке носовые горизонтальные рули для того, чтобы с большей безопасностью принимать людей Видяева. С борта «Щуки» моряки прыгали на ставшее площадкой перо руля и с помощью товарищей поднимались на борт лодки-спасительницы.

Уже все перешли к Котельникову. На «Щуке» оставались лишь двое: Видяев и Колышкин.

Вот снова лодки ударило борт о борт. И корабли и люди вздрогнули.

Одетый, как обычно, по-походному, стоял Колышкин на обезлюдевшем корабле. Рядом с ним был его ученик и боевой друг Видяев.

Регланы командиров побелели от морской соли.

Котельников объявил в мегафон:

— Имею приказание Военного совета Северного флота спасти весь личный состав. Ты должен подчиниться приказу, Иван Александрович! Иначе погубишь оба корабля. Я жду.

Колышкин поцеловал вдруг тумбу перископа и пошел к отваленным рулям... За ним, чуть помедлив,— Видяев.

Котельников приказал готовить кормовые торпедные аппараты к залпу.

Видяев глядел на свой корабль и плакал. Он не скрывал слез. На этой самой «Щуке» он ходил еще недавно помощником командира в море и возвращался с победами на свою базу... Тяжело было смириться с печальной судьбой корабля, верой и правдой послужившего Родине.

Подводная лодка Котельникова отошла от «Щуки». На ее борту выстроилась вся спасенная команда. Послышался приказ Котельникова торпедистам. И тут же раздался еще один голос:

— Снять головные уборы!

Это скомандовал одновременно с котельниковским «пли» Колышкин. И все, кто были наверху, обнажили головы.

По воде протянулся едва заметный пузырчатый след. Торпеда ударила в борт. Когда рассыпался мощный водяной столб, подводной лодки Видяева уже не было на поверхности моря.

Слезы смешались с солеными брызгами на лицах моряков. Сигнальщики доложили, что видят самолеты противника. Воздушный разведчик сделал свое дело, навел на лодку группу вражеских самолетов.

«Срочное погружение!»

Все гуськом спустились в рубочный люк. Котельников захлопнул крышку люка. Лодка погрузилась. Колышкин прошел в каюту командира, где сам Котельников во время похода бывал редко. Хотелось побыть одному.

Долго шли под водой. Едва только сделали попытку всплыть, как снова показались самолеты. Четыре раза они загоняли лодку под воду, но успеха не добились.

Колышкин прилег было отдохнуть. Но какой мог быть сейчас отдых?.. Он вспомнил о Видяеве. Как он там? Колышкин пошел по отсекам искать его. И, увидев в центральном посту молчаливого, сосредоточенного, положил руку на плечо друга.

— Нам с тобой, Федор Алексеевич, нельзя горевать, нам воевать надо! А за нашу «Щуку» мы еще отплатим врагу! — сказал командир дивизиона.

— Ох, как отплатим, Иван Александрович, — сквозь зубы зло процедил Видяев. — Слезами кровавыми поплачут фашисты за эту мою потерю...

— Силы нам с тобой еще потребуются, — отечески продолжал Колышкин. — Что может быть тяжелее советскому моряку, чем потерять корабль. Но мужайся! Не в последний раз в море! Побереги себя для будущих побед. Ступай в командирскую каюту, отдохни малость.

Он заставил Видяева лечь на койку, накрыл его своим регланом.

При подходе к базе Котельников приказал выстрелить дважды в честь одержанных его кораблем побед, а затем были подняты позывные погибшей «Щуки» и дан салют в честь потопления Видяевым транспорта противника.

— Не последний раз в море! — повторил Видяеву Колышкин.

Жизнь подтвердила эти слова. Вновь и вновь на другом боевом корабле уходил со своим экипажем бесстрашный молодой подводник в далекие походы. «Любовь и гордость нашего флота» — прозвали Федора Алексеевича Видяева североморцы. Он приучился бить врага только наверняка. Он смело прорывал кольцо охранения каравана противника и бил по намеченному судну.

Когда экипажу подводной лодки, которой командовал Видяев, было вручено гвардейское знамя, на боевом счету личного состава уже числилось одиннадцать потопленных вражеских кораблей. Так воевал соратник Колышкина.

Адмиральский флаг

Во время Великой Отечественной войны Колышкин Иван Александрович был одним из первых подводников, награжденных Золотой Звездой.

Вручали героям Золотые Звезды и ордена Ленина на пирсе, у подводных лодок. Близилась середина апреля 1942 года, а берега были по-зимнему одеты снегом.

Мелким снежком порошило одежду подводников, торжественно выстроившихся на пирсе. Морская, незамерзающая вода билась о бревенчатые причалы. Гремела медь оркестра.

От имени Советского правительства член Военного совета вызывал поочередно командиров-подводников Колышкина, Лунина, Старикова и Фисановича и вручал им высшие награды Родины.

Героя Советского Союза Колышкина избрали вскоре членом партийной комиссии Северного флота. К нему шли за советом как к старому коммунисту и опытному командиру-подводнику, обращались в минуты душевных невзгод и тревог, раскрывали душу, делились самым сокровенным, как с отцом и лучшим другом.

Молодые офицеры чутко прислушивались к его советам и замечаниям. Иначе и быть не могло. Ведь это он, Колышкин, «обеспечивал» блестящие победные походы Фисановича, Старикова и других командиров-подводников, ставших Героями Советского Союза. Он врывался с ними во вражеские фьорды, топил там корабли противника.

Каждому моряку было чему поучиться у Колышкина. Если он замечал, что молодой матрос бледнеет во время морской качки, отказывается от еды, то ободряюще говорил ему:

Отважные подводники североморцы Герои Советского Союза *В. Г. Стариков* (сидит) и *И. И. Фисанович*. (Снимок 1942 года)

— Было время и я укачивался. Но это чувство можно и нужно преодолеть. Тебя мутит, а ты не сдавайся, выполняй свои обязанности. За тебя на корабле никто работать не будет. Надо решить раз и навсегда — я не укачиваюсь! Буду стоять вахту! Буду настоящим моряком! Моряк — это твердая воля, крепкий характер, а качества морские — дело наживное. Моряками не рождаются, а воспитываются.

И молодому матросу действительно становилось как-то легче, увереннее.

Боевую подготовку личного состава Колышкин проводил в любую погоду. Он говорил подчиненным: «На войне не закажешь хорошей погоды. Раз вышел в море, все испытаешь — и в шторм попадешь и в туман. . .»

Вставал Колышкин рано поутру, к подъему флага он уже был всегда на своем посту. Боевая обстановка ничуть не мешала его распорядку дня, где бы он ни был — на берегу или в открытом море.

Длительные походы требовали большого напряжения нервов. Нелегко пришлось Колышкину. Его жена погибла в суровые дни ленинградской блокады. Но как ни тяжело было Колышкину потерять верную подругу и многих близких ему соратников, он мужественно переносил все испытания, подчинив себя и свою жизнь одному главному стремлению — победе над врагом.

Если случалось, что какая-нибудь подводная лодка возвращалась в базу без победы, он приходил в штаб и говорил:

— В очередной боевой поход сам пойду с этой лодкой, помогу командиру отправить на дно супостата!

И уходил в море и топил врага. Он никогда не говорил в кругу товарищей о своих боевых подвигах, не хвастал походами, не кичился количеством потопленных вражеских судов.

Когда командир бригады подводных лодок контр-адмирал Виноградов получил повышение и покинул Северный флот, преемником его стал капитан 1 ранга Иван Александрович Колышкин. Приняв бригаду, он повысил требовательность к себе и своим подчиненным.

Соединению североморских подводных лодок командующий флотом вручил орден Красного Знамени. Принимая высокую награду, Колышкин сказал перед строем:

— От имени личного состава клянусь партии и правительству, что подводники-североморцы выполнят любое задание Родины.

Подводники с честью выполнили клятву своего командира-героя. Прошло лишь полтора года с тех пор, как бригада лодок стала краснознаменной, а число потопленных ею кораблей противника уже перевалило за две сотни.

Десятый удар Советской Армии был нанесен фашистским захватчикам в октябре 1944 года на севере Финляндии. Советские войска во взаимодействии с частями Северного флота вышибли гитлеровцев из района Печенги, а затем, преследуя врага, вступили в пределы Северной Норвегии и оказали братскую помощь ее народу, томившемуся в фашистской неволе.

Боевые дела подводников во время сражения за Печенгу дважды отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего, в них дважды упоминалось имя капитана 1 ранга Колышкина.

Герой Советского Союза контр-адмирал *И. А. Колышкин* (1945 год)

...На просторном дворе подплава выстроились матросы и офицеры, одетые по-зимнему. Флаги расцвечивания, яркие и пестрые, трепетали на ветру. Гвардеец-подводник, знаменосец соединения, бережно наклонил знамя, и командующий прикрепил рядом с первым орденом пятиконечную звезду с изображением прославленного русского флотоводца адмирала Ушакова. Это была вторая награда большому дружному коллективу подводников, отличившемуся в боях за честь и независимость родного Отечества. Высокую награду Родины принимал прославленный подводник контр-адмирал Иван Александрович Колышкин.

Колышкин прибыл в Балтийский флотский экипаж рядовым матросом-комсомольцем, и вот через двадцать лет стал контр-адмиралом и руководил победоносными действиями подводных лодок Северного флота.

Два десятка лет провел Колышкин в нелегких морских походах, но с годами не убавилось у него кипучей энергии, настоящего молодого задора. По-прежнему в любую

погоду его можно было увидеть на катере, обходившем боевые корабли. Он проверял их боевую готовность.

9 мая 1945 года весь советский народ праздновал День Победы. Враг был разгромлен. Страна социализма не только отстояла свою свободу и независимость, но и освободила от ига фашизма целый ряд порабощенных стран. В мире не оказалось такой силы, которая смогла бы одолеть великий советский народ-труженик.

Дорога Колышкина легла с матушки-Волги, из безвестного Крутца, в широкие океанские просторы. Родина доверила ему и его боевым друзьям-подводникам честь своего Военно-морского флага. И это доверие они оправдали. Шестнадцать кораблей противника были потоплены в боях при непосредственном участии Колышкина. Грудь героя украшали семь боевых орденов и в том числе четыре ордена Красного Знамени.

Колышкина вызвали в Москву. Ему предложили работать в столице. Он подумал и спросил:

— Это приказ?

— Нет, это будет зависеть также и от вашего личного желания.

— Тогда разрешите мне остаться на Севере. Корабли и море — мой дом.

Он снова уехал в Заполярье.

...На Север пришла долгожданная весна. Поднялась во дворе подплава высокая сеяная трава, зацвели пестрые цветы близ памятника подводникам-героям. Распустились клейкие пахучие листочки на низкорослых комлистых березках в сквере.

Памятник-обелиск был увенчан орденом Красного Знамени, первым боевым орденом, заслуженным соединением в боях. Надпись под орденом гласила: «Героям-подводникам Северного флота». У обелиска воздвигли фигуру матроса. Как в штормовую погоду на верхней палубе, он стоял, широко расставив ноги у приспущенного флага. Пальцы матроса сжались в кулак. На лице его были написаны непреклонная воля и решимость пройти через любые испытания за счастье родной земли, которую он защищал своей грудью. На монументе были высечены слова: «Вечная память героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!»

Постамент оградили тяжелой якорной цепью... Памятник был воздвигнут по желанию матросов, старшин

и офицеров — подводников Северного флота. Проходя мимо этого монумента, Колышкин вспоминал своих друзей — Котельникова, Гаджиева, комиссара Галкина, Бибеева, Фисановича, Видяева, Каутского и других североморцев-героев, не вернувшихся с боевых позиций. Именами героев, отдавших жизнь за Родину, были названы многие улицы-линии полярного города.

Годы посеребрили виски подводного флагмана, морщинки резче обозначились у самых уголков глаз. Четырнадцать лет прослужил Иван Александрович Колышкин на северных рубежах советской земли, провел в боевых и учебных походах.

Настало время проститься с друзьями, с которыми вместе ходил в бои, делил трудности походов, вместе праздновал победы.

Выстроившись на подводных лодках по большому сбору, моряки в последний раз приветствовали своего начальника, оркестр играл «захождение». Колышкин принял рапорт, тепло простился с офицерами, старшинами и матросами и медленно зашагал по пирсу к катеру.

Ветер рябил гладь Кольского залива. Кричали хлопотливые чайки. Не стреляли зенитки по самолетам противника, не слышалось грохота орудий главного калибра. Все говорило о мирных днях.

Катер набирал скорость. Музыка смолкла. На кораблях взвились флажные сигналы «Желаем счастливого плавания!» Эти сигналы были подняты не только подводными лодками, но и всеми надводными кораблями, стоявшими в базе. Североморцы прощались со своим героем.

. . .Посадка в московский поезд была закончена. Вдруг на перроне показался молодой матрос. Гвардейские ленточки его бескозырки развевались. Он спешил к вагону прямого сообщения. В руке белел небольшой сверток. Матрос добежал до вагона, на площадке которого стоял Колышкин, и, отрапортовав, развернул сверток. Перед контр-адмиралом заструился на ветру флаг. Его прислали с лодки, находившейся в момент прощания далеко от базы. Этот флаг поднимался в мирное время на том боевом корабле, на котором уходил в плавание начальник. Подводники, увидев адмиральский флаг, поднятый на одном из кораблей, знали — здесь адмирал, командир их соединения!

В письме, приложенном гвардейцами-подводниками к своему необычному подарку, говорилось:

«Товарищ контр-адмирал! Мы, ваши соратники, посылаем вам этот флаг на долгую и добрую память о победно завершенной кампании. Так же успешно, как мы дрались с врагом в годы Великой Отечественной войны, мы повышаем теперь наши боевые и политические знания. Учимся тому, что нужно на войне. Мы никогда не забудем вас, нашего боевого командира и друга».

... Поезд шел все быстрее. Полотно дороги вилось среди сопок. Позади оставались темно-голубые воды Кольского залива, впереди зеленой стеной надвигалась тайга. Солнечный день вставал над мирной советской землей.

ГЕРОЙ С ВЫСОКИХ ГОР

Исчезновение Молнии

В горах Дагестана слышалась ружейная и пулеметная стрельба. Эхо множило выстрелы. Пожары по ночам окрашивали аулы в багровый зловещий цвет. Богач-барановод Гоцинский собрал шайку на борьбу с Советской властью. Он волком рыскал по горным тропам в поисках приверженцев. Там, где не помогало лживое слово, действовал угрозой, подкупом...

Сын шапочника тринадцатилетний Магомед Гаджиев стоял на главной улице Темир-Хан-Шуры и смотрел, как двигались по городу наймиты Гоцинского. Они были вооружены длинными дедовскими кинжалами, болтавшимися у самых колен, и новенькими английскими многозарядными винтовками Энгфильда. Эмиссары британского правительства не скупились на оружие для антисоветских банд. Позади колонны всадников в легком открытом тарантасе ехали двое: один — в черкеске, другой — в незнакомой форме цвета хаки с множеством накладных карманов. Губы этого человека были брезгливо искривлены, пронзительные глазки на одутловатом, землистого цвета лице беспокойно ощупывали немногих прохожих на улице. Это заметил маленький, но наблюдательный Магомед. Он был мельче своих сверстников по школе, однако это ничуть не мешало ему считаться коноводом. В его серых с голубизной глазенках мелькал порой властный огонек. Никто не видел его плачущим или просящим пощады, помощи. Он бросался на любого обидчика, пусть самого сильного в округе, если только чувствовал себя правым.

На Магомеде были широкие матросские брюки клеш, синяя фланелевка и тельняшка — подарок двоюродного

брата Расула, моряка Каспийской военной флотилии. Жесткие черные волосы Магомеда непослушно выбивались из-под мичманки. Он смотрел на проходивших бандитов-имамовцев с затаенной ненавистью и думал:

— Погодите! Выбьют вас с пылью из Дагестана! Чалмы у вас белые, а души-то черные. Не властвовать вам в стране гор!

Порожние хурджуны [1] болтались на плечах вояк Гоцинского. Их обувь, черкески, бешметы, шубы ободрались и побелели от пыли. За неделю приверженцы Гоцинского разграбили город, опорожнили склады и магазины, опустошив все, подобно саранче. Недавно еще пустые хурджуны мародеров раздулись от народного добра.

О Гоцинском шла недобрая молва. Говорили, что он столь же несметно богат, сколь и безмерно жаден, прожорлив, груб, нахален. Город Темир-Хан-Шура свободно вздохнул, когда злая орда наконец покинула его узкие улицы.

В домике Гаджиевых было тревожно. Магомед дознался раньше других: Уллубий Буйнакский — видный большевик Дагестана — расстрелян белогвардейцами!

Уллубия знали и любили народы Дагестана. Его гибель оплакивали горские труженики и бедняки. Магомед переписал в заветную тетрадку последние слова Уллубия перед шариатским судом:

«Я знаю, что меня ждет, но я смело смотрю моей смерти в глаза. Я вырос в горах и хорошо изучил всю тяжесть положения горского крестьянина. . . Вы расстреляете меня и еще тысячу, подобных мне, но ту идею, которая живет уже в нашем народе, ее вы не сумеете расстрелять. Я твердо убежден в победе Советской власти и Коммунистической партии и готов умереть за их торжество».

В эти тревожные дни Магомед и задумал побег из дому в Красную Армию. Помочь мальчику должна была Молния — любимая лошадь Гаджиевых. Но побег не удался. Дядя Муртазали, брат отца, обнаружил как-то в потайном месте запрятанный племянником хурджун с чуреками и забеспокоился:

— Слушай, Магомед! Зачем бежать? Вах! Куда бежать, мальчик? Дома сиди! Учись!

— Не могу я, Муртуз, — с силой сказал Магомед. — Не такое сейчас время, чтобы мужчины сидели дома!

[1] Переметные сумки.

— Тебя обижают дома? — участливо спросил дядя.

— Да, обижают. . .

— Кто?

— Гоцинский! Ты же сам, Муртуз, говорил: так долго продолжаться не может! Ты же сам говорил: надо идти воевать! Надо гнать Гоцинского из Дагестана. . .

Муртазали заволновался еще больше и, закурив, сказал ласково:

— Мальчик, ты еще молод для армии. Таких не берут. . .

Магомед заговорил жарко:

— Стрелять я умею. Глаза видят врага. Что же требуется для красноармейца?

— Не горячись! Не горячись! — пробовал убеждать его Муртазали. — И я был молодой, тоже горячился. Надо взвесить, обсудить. . . Настоящее мужское дело и здесь для тебя найдется. Большевикам необходима связь с соседними аулами. Ты — мальчик. Где не пройдет мужчины, ты пройдешь. Тебе легче будет выполнить партийное задание.

Магомед заинтересовался. Он был приучен с детства уважать старших и послушался совета. Предстояло идти в сторону Казанищ, к партизанам, чтобы передать им важное сообщение. Но события следующего дня изменили планы дяди и племянника.

Ранним утром в саду Магомед и его брат Абакар пололи клубнику. Вдруг Магомед насторожился.

— Беги к отцу, Абакар! Молнию воруют! — крикнул Магомед.

— Тише! — зашептал Абакар. — Может, отец поручил ему оседлать Молнию? Обидишь человека. . .

Неизвестный уже взнуздал лошадь, сел на нее верхом. Магомед в гневе толкнул брата и побежал к незнакомцу.

— Ты куда?! — спросил мальчик, схватив лошадь за повод.

— Прочь, щенок! — крикнул всадник и замахнулся плеткой.

— Эта лошадь не твоя! Не пущу! — завопил мальчик.

Всадник хлестнул Молнию. Лошадь понесла, и на гриве ее повис маленький Магомед.

Абакар бросился к отцу. Тот кинулся в сени, схватил винтовку и выскочил на улицу. Мать Магомеда Хюрбече схватила мужа за руку:

— Имадутдин, ты убьешь мальчика!

Слова Хюрбече подействовали на Имадутдина, он опустил ружье.

Хюрбече была властная, сильная женщина из лакского аула. Она нередко надевала мужские штаны, брала ружье и уходила на ночь в сад караулить урожай фруктов. Верхом на коне она скакала не хуже любого джигита. У нее была мужская хватка. И, пожалуй, главой дома была она — Хюрбече, а не мягкохарактерный Имадутдин, который почти во всем слушался ее. Он потупил голову, увидя, как Молния скрылась за поворотом. Вор мог искалечить, даже убить мальчика и бросить его где-нибудь на дороге.

День в доме Гаджиевых без Магомеда прошел в тяжелом молчании. Только к ночи, крадучись, Магомед вернулся домой. Одежда висела на нем клочьями. Мать бросилась к нему с радостным криком. Мальчик лег на палас и тотчас заснул. Родные заметили, что тело его было в кровоподтеках, на лохмотьях колючки. Все поняли, что претерпел мальчик, защищая любимую Молнию.

После исчезновения лошади Магомед приуныл больше всех, стал совсем нелюдимым. Бывало по утрам он отправлялся прежде всего на конюшню, баловал свою любимицу чуреком, сахаром, трепал ее по спине. Теперь в стойле стояла одна Арабка. Она тоже скучала по Молнии. Но что это была за лошадь по сравнению с красавицей Молнией! На Арабке можно было только воду возить. . .

— У нашего Магомеда твой характер, — говорил жене Имадутдин, поправляя сползавшие на нос очки и натягивая на болванку новую каракулевую шапку для щеголя-заказчика.

— Ты помнишь, Хюрбече, как Магомед свалился с кручи? . . Вместе с доктором Дебировым мы тогда едва выходили мальчика. . .

И воспоминания унесли отца в далекий Кази-Кумух, большой дагестанский аул, где Гаджиевы жили близ обрыва. . .

Маленький Магомед часто видел мир с высоты птичьего полета. И вообще он не представлял себе землю иной, чем в горах и ущельях. Если он видел речку, то непременно шумливую, скачущую по камням после обильного дождя. Орел пролетал над его домом, смотревшим окнами на юг. Волки подходили по ночам к самому аулу. Если

люди кричали, то слышали эхо, многократно повторенное в горах. Мальчик полагал, что весь мир устроен, как в Дагестане, а Дагестан и есть весь мир.

Магомед, которому не было и пяти лет, однажды упал с горы, и его нашли окровавленного на дороге, по которой тянулись в базарный день арбы.

— Какой характер! Какой характер! — дивился лекарь Дебиров, делая перевязку Магомеду. — Слезинки не выронил!

Раны зажили не скоро, срослась переломанная рука, и только небольшие рубцы говорили о том, что претерпел ребенок на первых порах своей жизни.

— Учитесь у Магомеда! Будьте, как ваш старший брат! — советовала Хюрбече детям. . .

Она больше всего опасалась, как бы мальчик не задумал снова побег, и потому старалась не вспоминать о пропавшей Молнии. Но однажды соседский мальчишка, водивший Арабку на водопой, вбежал возбужденный в дом Гаджиевых и закричал:

— Ваша Молния здесь! Валла! Я видел ее сейчас у родника! . .

Все всполошились в доме Гаджиевых. Дети бросились на поиски, но Молнии не нашли.

— Если ты не ошибся, мальчик, если ты видел действительно Молнию, она непременно придет к нам! Сама придет! Я знаю Молнию! — говорил Магомед.

В полдень вся семья Гаджиевых, как обычно, спасалась от жары в садовой беседке. Вдруг у самых ворот послышалось знакомое ржание. Магомед бросился к воротам. Это была Молния!

Мальчики и девочки повисли на шее лошади. Патимат даже заплакала от избытка чувств. Маленькая Хадижат, ей было всего два года, услышав, что плачет старшая сестренка, вдруг тоже завопила.

Через два дня после возвращения Молнии Магомед ушел к партизанам в сторону Казанищ. У него в хурджуне были медикаменты, перевязочные средства и. . . несколько гранат-лимонок. Большевики Темир-Хан-Шуры тайно пересылали через Магомеда снаряжение горсточке храбрецов в один из ближайших аулов.

Частые поездки мальчика в горы обратили на себя внимание белой контрразведки. Однажды на квартиру Гаджиевых нагрянули с обыском. Белогвардейцы перепы-

ли весь дом, но ничего предосудительного не обнаружили. Магомед зарыл оружие в саду и заложил сверху стогом сена. Спрашивали, где Магомед? Но его и след простыл. С того дня он исчез из Темир-Хан-Шуры. Вместе с ним вновь пропала и Молния. Магомед не пожелал расстаться со своей любимицей. Садясь в седло, он шептал:

— Вместе росли, вместе и воевать будем...

Прощай, родной дом!

Семь дней скрывался Магомед в горах. Семь дней его искали повсюду люди Гоцинского. Только голод заставил мальчика вернуться домой. Оставаться далее в Темир-Хан-Шуре было опасно. Им овладела мечта: бежать к двоюродному брату Расулу, на Каспий, где тот служил на военном корабле матросом.

Бывало Расул приезжал на побывку в Темир-Хан-Шуру, заглядывал в дом Гаджиевых. Магомед любил послушать рассказы военного моряка, особенно когда тот заводил речь о море.

Магомед вновь решил бежать. Сдерживали его лишь привычное послушание и любовь к матери. Как ни строга казалась мать, как ни властен был ее характер, как ни заставляла она своих детей, от мала до велика, трудиться целыми днями в саду, на огороде или за партой, — все равно милее матери не было никого для Магомеда. Труженица Хюрбече твердила детям: «Мы — горцы. Земля наша — скалы. И много пота нужно пролить, чтобы взрастить на голых камнях плоды».

В семье Гаджиевых не знали безделья. Мать и отец подавали детям пример в труде... Но с тех пор как Магомед услышал рассказы двоюродного брата о Каспии и кораблях, он стал сам не свой и рвался из дому.

Поезд уносил юного беглеца в чужую сторону. Магомед ехал в Баку... Он разыскал Расула на одном из кораблей Каспийской военной флотилии.

Магомед привык с детства видеть перед собой в родном ауле Мегебе скалы, облака, кочевавшие по склонам гор, небо, казавшееся со дна глубоких ущелий синей лентой, горбатые зыбкие мосты, перекинутые с одной скалы на другую. И вот перед ним открылись морские просторы. Виден был далекий и ясный горизонт. Безоблачной ночью здесь было в два раза больше звезд, чем над горами, —

море отражало их в своем громадном зеркале, как бы удваивая счет. Мальчик зачарованно смотрел на моряков, на корабли, стоявшие у причалов. Звон склянок будоражил его, как чудесная музыка, волновали отрывистый язык коротких приказов, свистки боцманских дудок, вздохи моторов. . .

Расул накормил голодного братишку наваристым флотским борщом и пшенной кашей. Впервые после дороги гость наелся досыта и теперь внимательно слушал брата, любуясь его полосатой тельняшкой, медной, до блеска начищенной бляхой и непомерно широкими брюками. Ленточки бескозырки Расула развевались на ветру. Над кораблем кричали чайки. Вдалеке слышался шум большого и незнакомого города. Расул казался Магомеду сказочным морским богатырем.

— Зачем приехал, браток? — осторожно спросил Расул, ставя перед мальчиком чашку с крутым коричневым чаем.

— Хочу быть военным моряком! — выпалил Магомед.

— Моряком?! А знаешь ли ты, что такое военно-морская служба? Для мальчика это непосильный труд.

— Устрой меня юнгой! — просил Магомед, и в глазах его не гасла надежда. Он был уверен, что добрый Расул не откажет.

И Расул не отказал, помог. Магомеда взяли на корабль воспитанником. И, когда открывалась перед ним военно-морская жизнь, вдруг приехал в Баку Имадутдин и разыскал беглеца сына. Пришлось подчиниться. В больших, не по росту, морских брюках, подаренных Расулом, Магомед пошел за отцом на вокзал, перекинув через плечо пустой хурджун.

Расул сказал на прощание брату:

— Не горюй! Жизнь твоя вся впереди. Море от тебя никуда не уйдет.

Недолго прожил Магомед в Темир-Хан-Шуре. Все его разговоры были только о море, о Расуле. Жизнь моряка представлялась мальчику самой привлекательной. Сверхмощным магнитом тянуло его к себе море. Он вновь бежал из дому к Расулу и три месяца плавал юнгой на одном с ним корабле.

— Ишь ты, салажонок, и море-то тебя не берет! — восхищенно говорил корабельный боцман, замечая, что

качка только усиливала мальчишечий аппетит. — Выйдет из тебя добрый морячина. Определенно выйдет! . .

Расул приучил брата складывать на ночь перед койкой одежду в таком порядке, чтобы по первому сигналу тревоги тот мог быстро одеться и выскочить на верхнюю палубу. Эта привычка осталась у Магомеда навсегда. Перед тем как выйти в город, юноша, получив увольнение, чистил до блеска медную бляху и ботинки и непременно гладил брюки «в струнку» . . .

Неожиданно заболел Расул. Его поместили в госпиталь. Вскоре Расул вместе с Магомедом поехал в отпуск погостить в Темир-Хан-Шуре. Но в Баку Расулу вернуться не довелось . . . Семью Гаджиевых ожидало большое горе. В Петровске [1], по пути в Баку, Расула схватили захватившие власть в городе белогвардейцы и бросили в тюрьму. Магомед поспешил к родным в Темир-Хан-Шуру. Дядя Муртазали, бакинский рабочий-нефтяник, прибывший домой на отдых, забеспокоился не на шутку. Он заторопил Магомеда:

— Поезжай, мальчик, скорей в Петровск! Послушай, разузнай, где Расул. Что с ним. И нельзя ли ему подать какую помощь.

Но помогать Расулу было уже поздно. Он лежал в белогвардейском застенке, простреленный пулей палача. Дошла об этом печальная весть и до Темир-Хан-Шуры. Муртазали запряг быков, положил в арбу побольше сена и потащился с Магомедом в Петровск. Тело горца, по обычаю предков, должно быть предано земле в родном краю.

До города добрались ночью. Оставив арбу, оба пошли тайком, темными улочками, туда, где, как они слышали, белогвардейцы сваливали тела расстрелянных.

Часовой спал, уронив голову на грудь, и не заметил, как мимо него в черное зево подвала проскользнули две тени. Гаджиевы нашли Расула у дальней стены. Он казался спящим. Ни одна царапина не обезобразила его красивого, мужественного лица. Пуля пробила сердце.

Муртазали бережно взвалил на спину печальную ношу и, крадучись, понес ее из подвала. Вместе с Магомедом они уложили тело Расула на арбе, прикрыли буркой и поверх нее сеном.

---

[1] Петровск — порт, ныне Махачкала.

Магомед не задавал по дороге никаких вопросов. За всю ночь он даже не вздохнул ни разу. Магомед ожесточился и молчал. Муртазали поглядывал на племянника и думал: «Из этого парня получится со временем настоящий мужчина! С характером мальчуган!»

Многочисленные родственники Расула собрались проводить его в последний путь. Кто-то сказал у раскрытой могилы, что за кровь Расула надо «взять» кровь убийцы. Надо отомстить белогвардейцам.

Никто не удивился, когда тут же после похорон исчезли и мальчик, и Молния.

Магомед направился в горы. Командир красного отряда приказал выдать ему серую солдатскую шинель и вместо привычной уже матросской бескозырки — красноармейский шлем с красной пятиконечной звездой. Юный моряк стал воином.

...Магомед вел на поводу завьюченного коня. Перед ним высились знакомые горы. По узкой дороге громыхали орудия. Слышались понукания и ругань ездовых. Третий легкий артиллерийский дивизион 28-й стрелковой дивизии покидал место дневки.

Огонь в горах

Ночью сушились у жарких костров. Дым ел глаза. Артиллеристы чистили карабины, курили махорку, ели подогретые мясные консервы.

Пожилой солдат-усач, смазывая затвор, затянул вполголоса:

...Матросы вмиг убийцу раскачали,
И смерть нашел в пучине подлый враг.
А на могучем корабле подняли
К восстанию зовущий красный флаг...

Магомед стал подтягивать звучным тенорком.

— Ишь ты! Наши песни поет! — сказал другой артиллерист.

— Флотская, — отозвался Магомед. — Меня брат мой Расул научил ее петь, каспийский военный моряк. Деникинцы его расстреляли... Мы вместе на одном корабле служили. Из-за него я и в Красную Армию пошел...

— Значит, моряковал?! А ноги, как у кавалериста!..

Тут солдат достал из вещевого мешка кусок сала и нарезал его на мелкие ровные части.

— Как кличут-то тебя, парень? — спросил он.

— Керим! — придумал Магомед.

— Хорошее имечко... Ешь, паренек! Доброе сало, полтавское!

— Благодарю.

— Не нравится, что ли?

— Мы это не едим.

— Ах ты, коза тебя задери! Закон, что ли, не позволяет?

— Дело не в законе, а в привычке, — ответил Магомед и, развязав хурджун, предложил однополчанину сдобные чуреки и сладкий пирог-чуду.

Усач-артиллерист после ужина растянулся на земле и снова запел:

А он лежал, шинелькою накрытый,
Белела надпись на груди его:
«Чтоб был народ, как тот матрос убитый,
Один за всех и все за одного!»

И Магомед опять подтягивал усачу.

— Хорошая песня, — заметил сосед-артиллерист. — Я, когда хорошую песню слышу, так волнуюсь, сказать не можно...

Наутро снялись в поход. Многие солдаты хромали, срываясь при ходьбе по камням. Магомед утешал:

— У нас в горах нет человека, который бы не падал. У каждого найдете какую-нибудь отметину.

— И сколько у вас этих гор! Видимо-невидимо... — послышался молодой голос.

— Говорят, — балагурил усач, — когда бог сотворил землю и пролетал над Кавказом, у него мешок возьми да прохудись! А из того мешка камни и посыпались. Мешок был знатный, камни с твою гору. Он их, значит, для всего света определял, а они в одном месте оказались. И получился Кавказ... Вот оно что!..

В горах Дагестана Гаджиев был переведен в другую воинскую часть, где было больше молодежи. Отряд, с которым наступал Магомед, был сформирован по приказу Ленина в октябре 1920 года. Это была одна из двух бригад московских курсантов. Никто из них не знал ни местных языков, ни горных тропинок, высеченных в отвесных скалах. Кони, чувствуя опасность, ступали осторожно по узким тропам и жались к скале.

Магомед шел ровным горским шагом, неся в руках винтовку. За спиной у него был приторочен большой круг-

лый моток телефонного кабеля. Он старался не показывать ничем, что ноша ему тяжела.

В одном из аулов горцы встретили курсантов с особым гостеприимством. Зарезали в их честь баранов, напекли, наварили и нажарили много всякой снеди, подали на стол хмельную бузу. Как потом выяснилось, этот аул был в длительной вражде с соседним и рассчитывал, что курсанты помогут им выполнить обычай кровной мести.

Напрасно предупреждал Магомед командира отряда, что в аулах еще прячутся одураченные Гоцинским люди, прикидываются друзьями Красной Армии, а на самом деле сеют смуту в горах и ждут только момента, чтобы нанести удар в спину.

Радушное гостеприимство жителей аула подкупило курсантов, ослабило их бдительность, и когда полк уходил дальше «в колонне по три», на склонах неожиданно показались вспышки ружейного огня. Прикинувшиеся друзьями бандиты завалили камнями узкую дорогу. Курсанты бросились в атаку и потеряли около сотни бойцов. Ранило и командира отряда. Бандиты захватили его в плен, изрезали кинжалами, выкололи глаза . . .

После боя начальник штаба полка вызвал Магомеда к себе и сказал:

— Ты, паренек, можешь оказать нам ценную услугу. Надо отучить бандитов нападать из-за угла. Мы сами решили устроить им засаду. Ты наведешь на нее бандитов. Оденься в гражданское платье, чтобы тебя не узнали, и действуй!

Магомед задумался. Он был приучен с детства не бросать слов на ветер. Обещать и не выполнить — это позор.

— Чего молчишь? Говори! — заторопил его начальник штаба.

— У нас в горах спешат, когда за огнем идут, — ответил мальчик. — Я думаю, товарищ начальник штаба . . .

— Ну, что же, думай, думай, Магомед! — одобрительно покачал головой командир. После непродолжительного молчания мальчик решительно заявил:

— Товарищ начальник, дело это нелегкое, но я пойду в аул. Ты покажи мне место по карте, а в горах я уж сам разберусь . . .

Магомед переоделся и ушел выполнять приказание.

Ушел и пропал.

Командование стянуло бойцов в назначенное место и стало поджидать противника. Ночь выдалась темная, беззвездная. Тучи застилали небо, цепляясь за верхушки гор. Курсанты замерли, прислушиваясь к шорохам и завываниям ветра. Магомед не возвращался.

— Уж не схватили ли мальчонку? — забеспокоился начальник штаба. Он собирался уже отправить отряд обратно, в исходное положение, как вдруг раздался условный выстрел Магомеда.

— По врагу революции частый огонь! — скомандовал начальник.

Курсанты открыли стрельбу. Магомед успел спрятаться за скалистый выступ и переждал там, пока стрельба не затихла.

Бандиты были разгромлены. Магомед получил благодарность от командования.

Ветер на открытых склонах доходил временами до штормового. Тропинки стали вовсе не пригодными для подъема и спуска. Непривычные к горному климату курсанты обмораживали руки и ноги, выбывали из строя . . .

Командир роты сказал Магомеду:

— С телефонной связью у тебя, орел, что-то слабовато! Каждый день нарушения. Нам связь дороже всего. Необходимо восстановить ее во что бы то ни стало!

Магомед весь день доискивался до непонятной причины частого нарушения связи. За каждой скалой и выступом чудился ему невидимый враг. Кто же рвет телефонные провода? Кто лишает связи курсантов? Магомед ходил злой-презлой. И вдруг однажды заметил баранов, выбивавших из-под снега траву копытами и рогами.

— Так вот они — нарушители! Вот где наши враги! — воскликнул Магомед. Он опрометью бросился к командиру. «Враг» был разоблачен.

На досуге Магомед был занимательным рассказчиком, в аулах — переводчиком. Он знал кумыкский, лакский, даргинский и аварский языки. В горах его понимали всюду. Керим не боялся ни встреч с противником, ни огня и сам вызывался всегда на самые опасные операции. Недаром полюбили его в отряде.

В гололедицу на горных тропах гибли кони, ишаки, срывались с кручи повозки. Достаточно было завалить тропинку камнями, как наступление невольно захлебывалось. Один меткий стрелок, скрывшись за завалом, мог

в такие минуты нанести значительный урон целой роте.

Полтора десятка курсантов едва удерживали орудие на крутом горном склоне. Казалось, вот-вот оно сорвется в бездну после выстрела. С помощью троса спускались вниз на первую близлежащую площадку. Порванная местами проволока, из которой был свит трос, ранила до крови руки. Темная ночь скрывала опорные выступы. Леденящий ветер рвал одежду. Обмороженные пальцы пухли и деревенели.

Подоспевшие части Красной Армии сломили сопротивление противника в горах Дагестана. Богачи бежали из аулов. Магомед Гаджиев жалел, что до этого радостного часа победы не дожил его брат матрос Расул. Счастливый день победы омрачился печальным событием. Под Магомедом убило любимого коня. Мальчик плакал навзрыд. Комиссар долго утешал его и гладил иссиня-черные волосы юного воина.

Путевка в жизнь

Все изменилось в семье Гаджиевых. Умерла неожиданно Хюрбече. Отец взял в дом новую хозяйку. Мачеха не взлюбила пасынков и падчериц. Дети ложились спать голодными, с заплаканными глазами. Все ждали возвращения Магомеда с фронта.

Война в Дагестане завершилась полным разгромом белогвардейцев. Горские контрреволюционеры, деникинцы, бичераховцы, германо-турецкие и английские интервенты оставили после себя такие глубокие следы разрушений, что жизнь надо было строить заново.

Магомед вернулся в Буйнакск, как стала именоваться в честь Уллубия Буйнакского старая Темир-Хан-Шура, и поступил в педагогический техникум.

Не стало в доме Гаджиевых былого спокойствия. Больше всех от мачехи доставалось маленькой Хадижат. Однажды Магомед увидел, как мачеха хлестнула девочку мокрой тряпкой по лицу. Он бросился на обидчицу и, цепко ухватив ее за руки, сказал в гневе:

— Если еще раз увижу, что бьешь моих сестер или братишек, — не посмотрю на то, что ты женщина! С врагами расправились на фронте — изгоним врага из семьи!

Мачеха пошла к соседкам жаловаться на пасынка, вернувшегося с фронта, чтобы наводить дома свои порядки. Хадижат всхлипывала в углу.

— Перестань плакать! — сказал ей Магомед.

— Кушать хочу, — ответила Хадижат и зарыдала еще сильнее.

Магомед подошел к старенькому, обшарпанному буфету, потрогал дверцы — они были заперты. Тогда Магомед взломал их ржавым штыком и накормил сестру досыта. Только после этого успокоился и пошел в техникум.

В Буйнакском техникуме царила почти военная обстановка. Увольняться в город позволялось лишь с особого разрешения начальства. По вечерам весь личный состав вызывался на поверку. Дежурный обходил и общежитие, проверял, все ли учащиеся налицо. Отсутствовавших записывали, им объявлялись строгие выговоры.

Магомед Гаджиев переименовал себя в Кима Гунибского. В те дни самоназвания были модны среди учащихся техникума. Каждый старался выбрать себе имя позвонче. Магомеда звали еще и Корняшкой, от слова корень, корешок, что по-морскому означает друг, товарищ.

В техникум он явился бывалым человеком. Рассказы Керима о фронтовой жизни привлекали к нему внимание. Все с уважением слушали его. Он преображался, когда вспоминал о фронте.

Если в классе возникала ссора, шли к Корняшке на суд. Ему доверяли. Его любили. И он единогласно был избран секретарем комсомольской организации.

Учителя техникума как на подбор оказались пантюркистами — последышами Гоцинского. Большинство из них получило дипломы в Стамбуле. Русский язык был в загоне. Магомед выпустил стенную газету с крупным заголовком: «Долой турецкий язык в педагогическом техникуме!». Он говорил: «Я дойду до самого Ленина, но так дела не оставлю!»

Преподавание в техникуме перевели на русский язык. По-русски говорил основатель Советского государства Ленин, русскому языку учился Карл Маркс. Читая Толстого, Горького, Магомед говорил: «Вот это таланты! Вот это силища!»

И добавлял иногда не без грусти:

— Горький вырос в крендельном заведении... А сколько у нас, в Дагестане, пропадало даром талантов в старое время...

Магомед и в техникуме был похож на моряка. Он стал снова носить широкие, черного сукна, матросские брюки,

тельняшку и флотский ремень с медной бляхой. За это его прозвали еще и Моряком. Он так любил оружие, что даже снялся с двумя пистолетами, лихо засунутыми за ремень.

Весь буйнакский комсомол знал Гаджиева и его заветную мечту — служить на флоте. Но до призыва на действительную военную службу оставалось без малого пять лет! Казалось, не выдержать юноше столь долгого срока!

Хотелось снова на корабль. Но как это сделать? Магомед писал в Ленинград, Москву . . .

— Вряд ли сумею работать в школе, — говорил друзьям Магомед. — Какой из меня преподаватель? На эту работу надо подбирать людей с другим характером . . .

Гаджиев так и не окончил педагогического техникума. Беспокойная натура тянула к морю. Здоровье отца пошатнулось. Заказов на дорогие шапки не стало. Повывелись богатеи-заказчики . . . Надо было помогать семье, и Магомед нанялся на фруктово-консервный завод в Буйнакске паяльщиком. Молодежь и на заводе, как недавно в техникуме, полюбила юношу за сноровку в работе, прямоту и честность. Он и здесь был единогласно избран секретарем комсомольской организации. Своей же давней мечте о море Магомед не изменил . . .

Комсомол принимал в то время шефство над Военно-Морским Флотом страны. Канонерская лодка «Ленин» и другие военные корабли прибыли в Махачкалу. Магомед ездил туда из Темир-Хан-Шуры, чтобы поглядеть эти корабли. Вернулся на завод в понедельник, приступил к работе. Вдруг прибегает кладовщик, кричит на весь цех:

— Магомеда Гаджиева срочно к секретарю райкома комсомола!

— Зачем вызывают? Неужели фитиль? [1] Но за что?!

Никакого нагоняя не было. Секретарь райкома уважительно поднялся навстречу Гаджиеву и сказал без обиняков:

— Вот, Корняшка, какие дела! В Военно-морском училище есть одно местечко. Дали Дагестану четыре вакансии, одну из них для Буйнакска. Комсомол выдвигает твою кандидатуру. Как смотришь на это?

Секретарь ждал. У Магомеда перехватило дыхание. Ему казалось, что секретарь смеется, испытывает его.

---

[1] Здесь — выговор.

— Что же молчишь?

— Да ты шутишь надо мною . . .

— Так вот оно в чем дело! — понял, наконец, секретарь. — Не веришь? На! Смотри, вот бумажка из обкома. А вот и наше решение! — и он показал протокол последнего заседания.

Магомед быстро пробежал глазами документы и вдруг бросился секретарю на шею, крепко обнял и поцеловал его. Потом рванулся из комнаты и помчался бегом до самого дома. Встречным, пытавшимся его остановить, он кричал:

— Я снова флотский! В Питер еду! Буду моряком!

Никто из товарищей не удивился, когда стало известно, что из всего Буйнакска именно Магомеду Гаджиеву дали возможность поступить в Военно-морское училище. Никому из горцев, казалось, так не подходило морское дело, как Магомеду.

Старшая сестра Патимат напекла брату на дорогу чуреков. Попросила, как бывало мать, беречь себя в пути, обняла и поплакала немного, братья проводили его на вокзал, и поехал Магомед по путевке комсомола в далекий Ленинград, к берегам седой Балтики.

Буду командовать кораблем

Волосы Магомеда были жесткие, как щетина, уши мягкие, будто бархат, а сердце словно костер на ветру. Он был вспыльчив, но отходчив. К его скуластому широкому лицу шла бескозырка. Форма, всегда аккуратно выутюженная, сидела на нем ладно, и он умел носить ее, показывая пример молодым курсантам.

В их глазах Магомеда возвышало еще и знание многих восточных языков, но больше всего уважали Гаджиева за то, что он был участником гражданской войны. Фронтовик! Это звучало гордо. С первого дня появления Гаджиева в Военно-морском училище имени М. В. Фрунзе запомнилось его однокашникам волевое лицо молодого горца, его упрямый подбородок, коренастая фигура и ровная походка.

Весь подготовительный курс вместе с Гаджиевым отправили после военных занятий на буксире в Кронштадт. Курсантов поселили на крейсере «Аврора». Как много заключалось в этом коротком слове для сердца советского патриота!

Жизнь на «Авроре» началась буднично, по корабельному расписанию. Курсантская рота несла третью вахту. Думалось, придут курсанты на корабль и отправятся с утра в дальнее плавание . . . Не тут-то было! . .

— Женихи, грузи чернослив! — слышались прибаутки старослужащих матросов, взваливавших на плечи курсантов тяжелые корзины с углем.

Один из курсантов упал с непривычки под тяжестью груза. Магомед подбежал, поднял товарища, помог собрать рассыпанный уголь и показал, как надо таскать его . . .

В первое заграничное плавание Магомед пошел на «Авроре» . . . Не хотелось покидать верхнюю палубу. Все вспоминалось далекое Каспийское море, брат Расул и кровь его, запекшаяся на тельняшке в деникинском застенке . . . Сколько бывало рассказывал Расул об «Авроре», о революционных балтийцах . . . Не мог Магомед забыть брата своего, первого морского наставника.

Гаджиева увлекала и теория и практика военно-морского дела.

Приказали как-то одному из курсантов во время учебного плавания поднять позывные «Авроры». Погода выдалась ветреная, штормовая. «Аврору» изрядно покачивало. Проходили мимо норвежских берегов. Сильным порывом ветра у курсанта вырвало из рук конец фала.

Кто полезет к ноку реи, на птичью высоту? Кто решится в такую качку достать конец фала, взвившийся так высоко? Вызвался небольшого роста, малозаметный, смуглый курсант. Ловко работая руками и ногами, он быстро и смело поднялся по вантам до реи, затем по рее бесстрашно — к самому ноку и под восхищенные, одобрительные возгласы товарищей, залюбовавшихся работой юного моряка, спустился вниз счастливый, что выполнил задание.

Это был курсант Магомед Гаджиев.

Поход за границу усилил в комсомольце стремление к путешествиям. И впоследствии с особой легкостью он, будучи офицером, переходил служить из одного морского бассейна в другой, а мечтал о том, чтобы обойти весь свет, собрать побольше знаний и опыта для того, чтобы использовать его в родном военно-морском флоте. Трудно было поверить, что Магомед Гаджиев пришел в училище, не зная грамматики русского языка. Курсант сел за книги.

Три года учился только на подготовительном курсе и в течение этого долгого срока полностью овладел знаниями за среднюю школу и освоил в совершенстве русский язык.

Гаджиев любил шлюпку. Расстояния его не смущали. Он вызвался идти в поход Ленинград — Астрахань по Мариинской системе и был назначен командиром одной из шлюпок.

Среди прибывших с Балтики в Астрахань была и шлюпка, которой командовал Гаджиев.

Учение близилось к концу. Гаджиеву исполнилось двадцать три года. Курсант подал заявление о приеме в кандидаты партии.

Кто комсомольцем взял винтовку в руки, защищая свое социалистическое Отечество, кто на горных, крутых и опасных тропах бился с врагами революции, тот пришел в партию, как в родной дом, и двери ее гостеприимно раскрылись перед ним.

Гаджиев учился упорно и говорил товарищам:

— Нас учат в спокойной и мирной обстановке. Мы, как губка, должны впитывать военно-морские науки. И когда придет день и сыграют боевую тревогу, будем биться во всеоружии знаний.

На партийном собрании коммунисты училища единогласно голосовали за Гаджиева, и в тот же вечер перед дудкой «отход ко сну» он написал Муртазали в Буйнакск открытку, впервые поставив перед подписью: «С коммунистическим приветом!»

Молодежь, пришедшая в училище с разных концов страны, подчинялась единой дисциплине, приучалась к одним навыкам, питалась из одного котла, жила, росла и училась под одной крышей. Это и создавало ту крепкую дружбу будущих моряков, которую они несли затем с собой на корабли, надводные и подводные, по всем морям Советского Союза.

«Буду командовать кораблем, дорогой Муртуз! — писал Магомед своему дяде в Буйнакск. — Не забывай племянника, который не хочет жить дома . . . »

— Он далеко пойдет, — говорил друзьям Муртазали, с гордостью показывая фотографию племянника.

— Счастливый, тебя на юг посылают, — прощались товарищи с Магомедом, разъезжаясь после окончания училища по разным флотам.

— Почему же счастливый?! Ведь я же дагестанец! Я родился на юге. Мне интересно посмотреть и другие края . . . Я бы и Крайнего Севера не испугался . . .

На прощание сфотографировались вместе и поклялись не забывать друг друга нигде и никогда. В этом шумном, торопливом и потому немного бестолковом расставании с училищными друзьями были и задор, и грусть, напоминавшие о том, что закончен какой-то большой и важный этап в их жизни и начинается новое, иное, неведомое.

Гаджиева назначили минером в бригаду подводных лодок Черноморского флота.

Жесты моряка были резки и убедительны. Казалось, что лихой кавалерист сечет лозу на всем скаку. Все приказания выполнял только бегом. Если медлили с зарядкой торпедных аппаратов, сам бросался всегда на помощь, не боясь испачкать рук в тавоте.

— Керим, не горячись! — успокаивали его товарищи.

— Не могу смотреть: разворачиваются, как мокрые курицы!

Он выспрашивал у инженер-механика, как добиться того, чтобы подводная лодка производила на ходу меньше шума, и вносил ценные предложения, удивлявшие порой и самого механика. Он искал журналы с описаниями иностранных лодок. Его всегда интересовали вопросы: «А что у них? А чего они добились?»

На Балтике корабли зимой простаивали бывало у стенки. Льды замыкали Финский залив. В Черном же море зимой кораблям оставался такой же простор для плавания, как и летом. Вот почему оно пришлось по душе моряку. Его манил простор.

Дорога жизни и учения привела Гаджиева снова в Ленинград, но ненадолго. Здесь он совершенствовал свои знания в учебном отряде подводного плавания. Затем его видели опять на Черном море, где он служил помощником командира подводной лодки «Политработник». Он дослужился до временно исполняющего обязанности командира подводной лодки «Карбонарий», но самостоятельно командовать подводной лодкой стал несколько позднее, на Тихом океане, в 1933 году . . .

По воскресеньям подводники ездили дачным поездом за город, в Стрельну, на лыжные прогулки. В загородных спортивных прогулках участвовали две сестры, недавно окончившие среднюю школу. Они были заметнее

других физкультурниц, одинаково одевались и причесывались. Их отличала скромность. Одна из них, которую звали Катюшей, показалась Магомеду более застенчивой, и это было по душе моряку. Девушка служила в учебной части бронетанковой школы. После шести дней труда она с жадностью ждала воскресенья, вылазки за город.

Воскресным утром Катюша вместе с сестрой приехала в Стрельну позже своих подруг. Едва Катюша переступила порог лыжной базы, как увидела нового человека. Это был Магомед. Он представился, щелкнув звонко каблуками.

Сестрам Магомед не понравился. Рябинки на лице (следы перенесенной в детстве оспы), маленький рост, какая-то резкость в жестах... Не таким рисовался им флотский командир, горец, о котором они уже немало были наслышаны.

Гаджиев весь вечер не отходил от сестер. Рассказывал им о том, как тонул в родной мегебской речке, напоенной до краев промчавшимся в горах ливнем, восторженно вспоминал о дагестанских садах в пышном цвету, говорил о знаменитых кубачинских мастерах-чеканщиках, пел вполголоса аварские песни и даже... плясал лезгинку. Куда девалась первая минутная неловкость, скованность Магомеда. Глаза его горели, рябинки сгладились на лице и, казалось, он стал даже выше ростом.

— Давайте споем, — предложила сестра Катюши.

— Споем. Конечно, споем! — поддержал ее Магомед. — Есть у меня одна любимая песня...

— Не она ли? — спросила Катюша и затянула ровным, но сильным голосом:

Раскинулось море широко,
Лишь волны бушуют вдали...

Девушка угадала. Эту песню больше всех любил Магомед, ее пел когда-то брат Расул на каспийском корабле. Катюша заметила, что Магомед загрустил, перестала петь и спросила участливо:

— Что с вами, Магомед?

— Да так, ничего. Получил назначение. Уезжаю завтра. У моряка всегда так. Вот, кажется, счастье близко, и вдруг... Мы стоим с вами, Катюша, как два цветка на разных горах...

Катюше стало не по себе.

— Приходите на вокзал со мной проститься, — предложил, расставаясь с девушкой, Магомед.

— Приду, непременно приду, — ответила Катюша и зарделась.

— Обещали, не передумайте! Иначе обидите меня...

Долго не мог он заснуть в ту ночь, все думал о Катюше.

У вагона на перроне толпились провожавшие Гаджиева подводники. Магомед держался за поручни и, высунувшись вперед, смотрел по сторонам, все искал Катюшу. Ее не было.

— Уж не влюбился ли ты, Магомед? — спросил один из провожавших. — Ты же совсем не слышишь, о чем тебе говорят...

И вдруг Магомед увидел Катюшу. Она была в том же ярком свитере, что и вчера. От спешки и мороза девушка разрумянилась и выглядела еще краше. Уже в последний раз прозвонил колокол. Кондуктор дал свисток к отходу. Катюша записала торопливо свой домашний адрес на папиросной коробке. Поезд тронулся. За вагоном, ускоряя шаг, пошли друзья. Пуховый платок Катюши сбился на затылок. Магомед стоял на подножке, махал рукой, посылал воздушные поцелуи, потом вдруг спрыгнул на перрон, подбежал к Катюше, поцеловал ее и погнался за поездом, набиравшим ход...

Гаджиев писал о том, что думал: в каждом письме предлагал Катюше руку и пламенное сердце горца, которое всегда будет верным...

У Катюши с Магомедом завязалась бойкая переписка. Девушка, возвращаясь с работы, прежде всего спрашивала о письмах. Родители ее затревожились не на шутку.

— Выйдешь замуж за моряка, наплачешься. А тем более он обидчив, горяч... Ты ему не пара! Выбрось из головы! Будешь с ним всю жизнь мыкаться: по морям, по морям, нынче здесь, завтра там...

Уговоры не помогли...

Осенью Гаджиеву был обещан отпуск. И в тот самый день, когда отпуск уже оформлен и выписаны проездные литера, Магомеду неожиданно объявили приказ: немедленно выехать в Николаев, принять там подводную лодку и следовать эшелоном на Дальний Восток!..

Служба есть служба! Приказ не удивил Магомеда. Но как ни был воспитан он в крепком воинском духе, как ни научился за долгие годы подчиняться приказу, на этот раз почувствовал моряк, что заколебалась под ним земля... Катюша!.. Их дороги разойдутся и, быть может, навсегда. Она не поедет за ним в такую даль...

Моряк не мог заснуть до самого Николаева, вертелся на жесткой полке, все думал о Катюше. Из Николаева он послал ей литер и деньги на дорогу. Звал немедленно на юг...

Все отговаривали девушку, даже те, кто познакомил ее с Керимом. Но увещевания не помогли.

Свадьбу отпраздновали в кругу друзей-моряков перед отъездом на новое место службы. В самый последний момент выяснилось, что брать жен на Тихий океан морякам не разрешили. Гаджиев поехал на Дальний Восток один, а Катюша обратно — в Ленинград.

— Клянусь честью, ты долго без меня не будешь! — говорил Катюше Магомед. — Мы встретимся с тобой хоть на краю света.

Почти каждый день получала Катюша горячие письма от Магомеда. И, наконец, принесли радостную телеграмму: «Получил комнату. Документы и деньги высылаю. Жду Владивостоке. Керим».

Десять суток ехала Катюша из Ленинграда через Урал, сибирские степи, тайгу, байкальские туннели... Магомед встретил ее на вокзале во Владивостоке и прежде всего попросил прощения за «святую» ложь. Оказалось, никакой комнаты он не получил. С жильем здесь плоховато. Он просто соскучился по Катюше. Жизнь без нее невмоготу. Катюша не обиделась, а только улыбнулась.

— Надежда на получение квартиры для командира-одиночки весьма слабая, — уверял Магомед. — А теперь, Катюша, когда мы с тобой вдвоем, землю буду рыть, но добьюсь полной победы на жилищном фронте!

Гаджиевы получили комнату. Родилась дочь. Ее назвали Галиной.

От родителей из Ленинграда приходили письма, в которых чувствовалась уже полная перемена к Магомеду. Старики гордились зятем-моряком. Галинку заглазно называли самородком, веря Катюше, расписывавшей каждую ее улыбку и каждое новое словечко, которое она впервые сумела произнести.

Командир подводной лодки Гаджиев возвращался с моря утомленный, но, побыв день — два на берегу, снова начинал разговор о море. Перед ним открывались большие океанские просторы.

Кавалер ордена Ленина

Тихий океан, таежные скалистые берега, бесконечные водные просторы пришлись Гаджиеву по душе. Он приучал личный состав к штормовому плаванию.

— Случится война — хорошей погоды не закажешь! — говорил он своим подчиненным на подводной лодке. — Надо учиться плавать и воевать в любой шторм.

Когда-то пятибалльный шторм считался предельным для плавания подводников. Гаджиев был одним из тех, кто опрокинул это представление.

Есть такое чувство у матроса: уверен в командире корабля — готов идти с ним в любую операцию. Гаджиеву верили подводники и шли с ним охотно в любой поход.

Обязанности командира корабля наложили отпечаток на характер Гаджиева. Он понял — ничего нельзя решать сгоряча. Можно было иной раз ошибиться, когда служил минером, старпомом, но теперь, став командиром корабля, ошибаться нельзя! Ошибаться преступно. За твоей спиной люди, ты отвечаешь за них и за корабль. Решения надо взвешивать очень строго, приказания давать не спеша, прислушиваться к мнению и советам старослужащих, учитывать их опыт. И Гаджиев невольно смирял свой пылкий характер.

Каждого своего матроса Гаджиев знал, с каждым говорил, как с родным сыном.

После одного из боевых походов Гаджиев прилег на диванчик в своей каюте на береговой базе. К нему постучались. Вошел матрос-подводник с обычным рапортом. Офицер сразу обратил внимание на то, что матрос чем-то огорчен.

— Что глядите невесело, товарищ матрос? — спросил офицер.

— Разрешите доложить, товарищ капитан 2 ранга, женюсь!

— Так радоваться надо! Не расстраиваться! — удивился начальник. — Дело хорошее, похвальное!

— Совершенно точно, товарищ командир! Да вот

заминка вышла. Получку всю матери отослал в колхоз. А тут вдруг свадьба . . . расходы . . . Из денег выбился . . .

— Триста рублей тебя устроит? — спросил вдруг Гаджиев, перейдя душевно на «ты», и полез в карман кителя, висевшего на спинке стула.

Матрос начал было отказываться:

— Товарищ капитан 2 ранга, когда же верну вам такую сумму?

— Когда сам будешь командиром и к тебе обратится по такому или подобному случаю молодой матрос, — верни ему мои триста рублей, и мы будем с тобой квиты! Ясно?

— Ясно! — ответил матрос, а у самого от волнения вдруг затуманило глаза.

— Только обязательно позови на свадьбу! Буду тамадой . . . — добавил командир дивизиона.

Гаджиева перевели с «Малютки» на «Щуку». К моменту вступления на большой подводный корабль нового командира экипаж на нем сменился почти полностью.

Норд-вест захлестывал всплывшую на поверхность моря лодку. Она обмерзала. Пушки обрастали льдом. С топорами и ломами выходили люди наверх, обвязавшись концами, скалывали лед и возвращали кораблю нормальную плавучесть.

Новый командир доверял экипажу, но и проверял его. В походе он ежедневно осматривал все отсеки, от носа до кормы, и для каждого подводника находилось у него задушевное слово, и к каждому механизму он приглядывался.

Учебные торпедные стрельбы проводились часто. На Тихоокеанском флоте в те дни обстановка по своему напряжению была близка к боевой. Провокации самураев не утихали, а становились с каждым днем нахальнее. Экипажи подводных лодок усиленно готовились к вероятным военным действиям, ожидавшимся с часу на час.

На флоте шепотком говорили об одном специальном задании, которое Гаджиев выполнил с присущим ему блеском. Его подводная лодка вернулась из этого особо длительного плавания в полном порядке. Недаром его экипаж был на лучшем счету в бригаде.

И вот радио принесло нежданную радостную новость: ряд тихоокеанцев удостоен правительственных наград. Магомед Гаджиев награжден орденом Ленина.

Когда моряк узнал об этом, то забеспокоился:

— Здесь какая-то ошибка! С кем-то спутали, видно. Я еще не достоин.

Керима шумно поздравляли. Жали руки, тискали в объятиях. На торжественном вечере выступали с речами. Слово предоставили Гаджиеву. Он замялся, не знал, с чего начать. Медленно, подбирая слова, он сказал:

— Я ничем не отличаюсь от других командиров подводных лодок. Мне очень неловко было слушать здесь похвалы и поздравления. Я — простой горец. Только Советская власть дала мне возможность стать командиром-подводником. Комсомол определил мою судьбу. Мог ли я когда-нибудь мечтать . . .

Тут Керим запнулся, но, быстро овладев собой, закончил так:

— Заверяю вас, товарищи, что все силы, а если потребуется, и жизнь свою отдам за нашу любимую Родину!

Получать награды ездили в Москву. В пути на станциях в вагон, где ехали моряки, приходили корреспонденты, просили рассказать о каком-нибудь выдающемся эпизоде из походной морской жизни.

— Не мастера мы, подводники, хвастать. Да и рассказывать, собственно, нечего, — говорил Гаджиев.

Магомед давно не был в Москве и не узнал ее. Улицы изменились, стали широкими, красивыми. Выросли высокие дома, новые магистрали. Кругом высились леса новостроек. Страна досрочно выполняла план второй пятилетки.

Морозным ноябрьским утром тихоокеанцы подходили к Спасским воротам Кремля. Вдоль старинной зубчатой стены стройными рядами стояли голубые ели. Подтянутые часовые проверили документы моряков. Тихоокеанцы поднялись в правительственное здание. В зале было торжественно тихо. К столу президиума вызвали и Гаджиева. Крупными шагами он направился туда, где в лучах прожекторов стоял Михаил Иванович Калинин. Кинооператоры усиленно крутили ручки аппаратов.

— Поздравляю вас. Очень рад за вас! — сказал Гаджиеву Калинин, вручая награду и крепко пожимая руку подводника. — Желаю дальнейших успехов!

Вечером после торжественного ужина в Большом Кремлевском дворце знатный подводник Гаджиев танце-

вал со знатной ткачихой, также получившей в тот день правительственную награду.

Тихоокеанцы были задержаны в Москве для беседы с руководителями партии и правительства. Ворошилов спросил Гаджиева на этой встрече:

— Как расцениваете вы, командир, тренировку личного состава подводных лодок в длительных автономных плаваниях? Не считаете ли это дело ненужным? Существует некая точка зрения, будто длительные плавания подводных лодок ничего, кроме ненужного износа механизмов и большого материального расхода, не дают. Верно ли это?

Гаджиев отвечал, как всегда, горячо, чувствуя себя безусловно правым.

— Товарищ народный комиссар! Считаю, что, сидя на берегу, подводником не станешь! Война будет, несомненно, напряженной, особенно для нас, подводников. Сумеем в мирное время плавать далеко и в любую погоду — научимся и по-настоящему воевать. В большом походе каждый моряк скорее привыкнет к морю и кораблю. Для такого никакие случайности страшны не будут. Я — за тренировку личного состава в длительных автономных плаваниях!

Тихоокеанцы были направлены на заводы, обеспечивавшие военно-морской флот своей продукцией. Подводники поговорили по душам с рабочими и инженерами, предъявили им претензии.

Часть подводников вернулась на Тихий океан и вместе с ними Гаджиев. На этот раз ему недолго привелось служить на Дальнем Востоке. Орденоносец был откомандирован в Военно-морскую академию.

Гаджиев любил учить и любил учиться. Он говорил:

— Учись — как будто проживешь сто лет, живи — как будто умрешь завтра.

Он слышал эту поговорку от моряка, побывавшего в революционной Испании.

Дорога жизни вновь привела моряка к берегам Балтики.

В родном гнезде

В очередной краткосрочный отпуск Магомед Гаджиев поехал в Дагестан.

Пахло полынью, мятой, чайной травой. Сердце Гаджиева стучало сильнее при виде белой, каменистой, такой

знакомой дороги, поднимавшейся змейкой все выше и круче. Не болела голова Магомеда, не давило на уши горца, привыкшего к разреженному воздуху горных аулов.

В родной Дагестан моряк приехал не один, не с приятелями-однокашниками, как бывало, а с женой, которую должен был представить своим близким.

За поворотом давно уже скрылось Каспийское море, встревожившее воспоминаниями о встречах с Расулом.

Шофер лихо задерживал машину на частых крутых поворотах. Внизу, под горой, паслись коровы. Горный орел, будто отлитый из бронзы, недвижимо сидел на самой вершине скалы, украшая ее, как изваяние. Шум машины ничуть не тревожил царственную птицу. Белая пыль, клубившаяся за автомобилем, оседала на высокой траве, меняя ее цвет. Встречные тяжело груженные ишаки, заслышав гудки, жались ближе к скале, уступая дорогу. Перекинув через плечо хурджуны, горцы шли пешком в аулы, согнувшись под тяжестью ноши. Их шаг был нетороплив. Они сберегали силы для далекого и трудного пути. Местами из скалы сочилась студеная родниковая вода, и, утомленный летней жарой, путник здесь останавливался, сбрасывал наземь поклажу и утолял жажду.

— Здесь хаживал я с товарищами в годы гражданской войны, — говорил жене Магомед. — Мальчонкой был совсем. Сгибался под тяжестью винтовки, как эти горцы под своей поклажей. Где они теперь, мои далекие боевые друзья? Куда раскидала их дорога жизни? Может быть, вспоминают маленького Керима, как он вспоминает их сегодня? . .

Незаметно подкралась ночь с ее прохладой. Пыль скрипела на зубах. Мечталось об отдыхе. Магомед жалел, что выехал из Махачкалы лишь под вечер. Вечерняя мгла быстро окутала горы своей синевой. Все меньше и меньше попадалось встречных. Вот, наконец, показались и огни Буйнакска. Никак не ожидал Муртазали Гаджиев увидеть в тот вечер племянника-моряка, да еще с женой.

Гости вошли в дом, внеся шум и суету нежданного приезда. Тетя Нюра — жена Муртазали, как водится, поплакала тихонько от радости, увидев Магомеда, да и самому Магомеду стоило немало усилий, чтобы не показать своего волнения. В гостеприимном доме не знали, куда усадить дорогих гостей, чем потчевать. Вслед за Магомедом стали нежно называть его жену Катюшей и в доме

Муртазали. И дядя и племянник были оба женаты на русских женщинах.

По обычаю горцев, гостей надо принять как можно лучше, а если не хватает средств у хозяина, не грех одолжить для такого случая у соседа.

Проговорили весь вечер до глубокой ночи. Заснули лишь под утро, вспомнив перед тем всех стариков и старух, всех родных и знакомых, бесчисленные детские проказы Магомеда, его побеги из дому, и радовались приезду в Дагестан.

Все наперебой поздравляли Магомеда с орденом Ленина. Об этой награде в Буйнакске услышали еще по радио. Больше всех радовался старый Муртазали. В глубокой тайне он считал, что малая частица высокой награды принадлежала в какой-то степени и ему, Муртазали, так много отдавшему времени, забот и хлопот для воспитания любимого племянника на первых порах его жизни.

Школьные друзья, сами ставшие уже отцами, приходили на квартиру Муртазали. Всем хотелось посмотреть на Магомеда, своего земляка, дослужившего до высшей награды Советского Союза и командовавшего подводным кораблем. Говорили о том, что до Гаджиева на аварском языке совсем не было слова «подводник». Его ввел в обиход горец из Мегеба, один из первых комсомольцев Дагестана.

С утра пошли за город, в сад, на целый день. Несли на себе большой чайник, кастрюлю, баранью тушу, лук, помидоры, огурцы... Это была предлинная процессия, которую возглавляли Муртазали с Магомедом.

Магомед был очень оживлен. Он часто повторял:

— Катюша, скоро будет дым!

Он намекал на дымный костер, без которого немыслима ни одна встреча друзей-горцев.

Щекочущий запах жарившегося шашлыка приманил издалека сторожа сада, древнего старика с нависшими усами и бровями. Этот сторож некогда владел всем садом. Потом отдал его колхозу, но обусловил свой подарок уговором:

— Воровать я из сада не буду ни одного яблока. Аллах свидетель! Но, когда ко мне придут в сад осенью мои лучшие друзья, такие вот, как вы, я угощу их так, как захочу.

Уговор был принят. И вот сейчас он выказывал семейству Гаджиевых, своим лучшим друзьям, наибольшее гостеприимство. Вместе с мальчонкой, помощником, он приволок к пепелищу костра большой ящик с яблоками, только что собранными в саду.

Яблони и груши еще были усыпаны плодами, отяжелявшими ветви. Желтые, зеленые, красные и совсем фиолетовые, будто осыпанные пудрой, плоды делали сад живописным, ярким, манящим своей красотой. Сорванные ветром яблоки и груши-падалки, ставшие уже коричневыми, наполняли сад винным, пьяным запахом . . .

В обратный путь двинулись лишь с вечерней прохладой. Наутро предстоял отъезд в горы, в родной аул Мегеб.

За подъемом следовал крутой спуск и вновь начинался подъем, еще круче и обрывистей. Глубина крутостенных обрывов казалась такой, будто человек совершал свой путь на самолете. В горах шумела вода, низвергались водопады. Здесь недавно прошли дожди. Речки вздулись. Разъяренная вода с грохотом выворачивала камни и уносила их далеко вниз. По дороге тянулись арбы, запряженные быками и буйволами. Кричали встречные ишаки. Абрикосовые сады, освобожденные давно от плодов, стояли все еще в зелени. На гудеканах, местах сборищ в аулах, перебирая четки, сидели старики, курили трубки и обменивались новостями или воспоминаниями, которым не было конца. Магомед знакомил жену с Дагестаном, рассказывал ей о горских обычаях, нравах, былом и настоящем, показывал скалы, где некогда происходили горячие бои.

В аулах, где они останавливались на короткий отдых, их обступали тесным кольцом, забрасывали вопросами, откуда и куда они едут и что слышно на свете и что такое подводная лодка? Верно ли, что люди могут плавать под водой хоть целый день?

Приглашали гостей к столу и говорили радушно-шутливо:

— Ну, будем сейчас делиться!

Катюша заглядывала украдкой в бездонные пропасти, и с непривычки у нее кружилась голова.

— Ну как, Катюша, — спрашивал Магомед, — нравится тебе наш Дагестан?

— Конечно, — отвечала жена. — Мне нравится все, что тебе нравится, только не находишь ли ты, что здесь высоковато? . .

— Зато горы помогают человеку воспитывать характер, — говорил Магомед. — Природа делает горца бесстрашным, приучает быть равнодушным к опасности. Не мог же горцев победить и могущественный персидский завоеватель Надир-шах...

Из Чоха в Мегеб дороги не было. Пришлось оставить машину, пересаживаться на коней. Ехали в Мегеб верхом. Выложенные серым слоистым шифером скалы осыпались, как ветхие стены заброшенных хозяевами домов. После каждого ливня росли холмы наносов мелкого камня на тропе. Горцы выходили с лопатами из аулов и сбрасывали всю осыпь в пропасть. Перед приездом Магомеда случилось здесь несчастье: конь испугался шороха сползавших с гор мелких камней, рванулся в опасном месте, всадник свалился, и тело его нашли на дне глубокой пропасти после долгих поисков. Вот почему, приблизившись к этим суровым и сыпучим скалам, Муртазали протяжно крикнул:

— Иуэ-эээй!

За ним прокричал так же и Магомед. Было в этом крике что-то первобытное, и Катюша удивленно посмотрела на горы и Магомеда, которого видела таким впервые. Его обуревал восторг перед этими скалами, их крутизной и великолепием.

— Иуэ-эээй! — повторно прокричал Магомед. Катюша невольно поежилась от крика, размноженного в горах гулким эхом.

— Почему кричите? — спросила Катюша мужчин.

— У нас в горах случается, — пояснил Муртазали, — что от одного только резкого голоса камни сверзаются вниз, грозя путнику бедою. И еще надо кричать для того, чтобы предупредить пастухов наверху, — внизу проходят люди! Каждый камень, сброшенный сверху, может убить, как снаряд...

Всем, кто пришел в дом колхозника Али навестить Магомеда и гостей из Буйнакска, хотелось помочь хозяину как можно лучше принять дорогих гостей. Принесли в тарелке «чуду» — многослойный горский пирог с творогом, весь в блестках масла, много яиц, баранины, брынзы, бузы — и все ставили на стол для угощения...

Хозяйничал приземистый старик Али. Женщины помогали ему. Этот горец не считал для себя зазорным заниматься этим, не мужским. делом... И все получалось

у него ловко, быстро, красиво. Он заботливо следил за всеми, кто получил место за столом. Он следил и за теми, кто этого места не получил из-за тесноты в сакле. Этих он потчевал возле сакли, на плоской крыше...

Дагестанский аул Мегеб, в котором родился Герой Советского Союза *Магомед Гаджиев*

Аульцы пили бузу — горскую брагу и воздавали хвалу и честь приезжим. Слышалось звонкое «дерхаб!» — застольное горское приветствие. Весь аул был взбудоражен вестью о прибытии земляка-подводника.

Вершина скалы, на которой разместился аул Мегеб, была охвачена амфитеатром улочек. Сакли облепили скалу, как ласточкины гнезда.

Али определил гостям лучшие кровати, перины, подушки, невесомые теплые одеяла. Пол и стены сакли были украшены узорчатыми коврами, не потерявшими свежести давних сочных красок.

Сильный, широкоплечий старик Али ходил с легкостью танцора в неслышных чарыках. Он служил в колхозе почтальоном и слыл в округе неутомимейшим ходоком. В его руках все спорилось.

— А помнишь, какая история приключилась с тобой у нас на речке? — начал Али, подсаживаясь поближе к Катюше и Магомеду. — Было ему в то время девять лет. В горах прошел дождь. Воды в речке прибавилось. Магомед задумал переходить ее вброд. Он любил такие штуки... И вот подхватило его потоком, сбило с ног, поволокло вниз. Возле не оказалось ни души. Долго тащило его так среди камней и пены. Вынесло метрах в двухстах ниже брода. Он добрался до дому мокрый, избитый о камни в кровь. Хюрбече наказала сына по-своему: после каждого ливня она приказывала Магомеду снимать штаны и прятала их в сундук под замок. Только в таком случае она была уверена, что ее Магомед не посмеет показаться в ауле, а значит, будет и в полной безопасности — не утонет в реке, не сорвется с кручи...

Магомед, улыбаясь, слушал старика.

Приходил повидаться с Магомедом его друг детства — Абдурашид. Он вырастил дагестанского коня-рекордиста Унгуса. «Унгус» по-даргински означает «Маленькие уши». Над ним смеялись:

— Что за конь! Ушки маленькие, смешные... Где ты взял его, Абдурашид?

Близилось время скачек. Магомед решил принять в них участие и упросил своего друга Абдурашида тренировать его к состязанию. Перед самым началом скачек Абдурашид посоветовал другу:

— Ты, Магомед, не торопись сначала. Дай другим показать себя. Приберегай Унгуса! Соперники скоро выдохнутся, тогда и покажи полную силу Унгуса. И ты поведешь скачку! Валла!

Магомед сел на коня босиком, без седла, как принято на горских скачках.

— Ой, свалишься, Магомед! — забеспокоилась Катюша.

— Не в первый раз! Бояться этого, на коне не ездить! — ответил моряк, усаживаясь поудобнее.

Скакали на три километра, и не по кругу. Трудно в аульской тесноте разыскать прямую трехкилометровку. Унгус замыкал колонну. Магомед сдерживал его двумя руками. Одной рукой, он знал, Унгуса не удержать!

Не понукал, не дергал коня за поводья. На втором километре сказал негромко:

— Пошел, Унгус!

И отпустил слегка поводья.

В толпе, следившей за скачками, раздавались выкрики. Среди этого многоголосого хора не слышалось только одного слова: Унгус.

Магомед все еще замыкал колонну. И вот послышались смешки:

— «Маленькие ушки» позади всех!

Как раз в это время конь под Магомедом прибавил шаг и стал быстро догонять соперников. Абдурашид стоял в толпе, любовался конем, своим питомцем, и покрикивал:

— Ай да Унгус! Молодца! Молодца!

Под конями завивалась дорожная пыль...

Одного за другим обгонял Магомед, не мог обогнать только Араба — неоднократного аульского победителя на скачках. Магомед знал: Араб — главный соперник Унгуса!

Араб вел скачку, за ним скакал Магомед, глотая пыль. И вдруг Араб поплыл назад. Все замолкли в толпе, дивясь «Маленьким ушкам». Унгус, вырвавшись вперед, уверенно повел скачку. Он шел к финишу Магомед уже не видел ни людей, стоявших стеной, ни Араба, не била в лицо ему едкая мелкая пыль. Вот показался красный флажок, обвеховывавший место финиша...

— Давай, Унгус, давай! — говорил с конем, как с человеком, Магомед. Ему казалось в этот миг, что он не скачет, а летит, летит, будто птица.

Унгус пришел первым.

Магомед соскочил с коня, поцеловал его в лоб, затем, порывшись в карманах, достал кусок сахару и угостил скакуна.

Унгуса как победителя покрыли красивыми цветными шелковыми платками, вплели в его гриву яркие ленты и повели по всем улочкам напоказ.

Уже говорили по-иному в ауле:

— Вот самый лучший конь — Унгус! Унгус! — вот победитель!

Все спрашивали Абдурашида:

— Где взял такого коня? Как вырастил такого? Что за конь! Что за красавец!

Абдурашид ответил:

— Старики говорят так: всадник с сильным характером и любящий лошадей доедет и на плохом коне. В конце

концов к нему в руки попадет и хороший конь. Человек же с дурным характером, дурным языком и на хорошем коне никуда не доедет . . .

— Но где же ты взял Унгуса, Абдурашид?

— А помните близ нашего аула убило свалившимся с горы камнем колхозную кобылицу? Остался после нее двухмесячный жеребенок. Его не принимала в табуне ни одна кобылица. Жеребенку грозила смерть. Тогда я обмыл маленького Унгуса молоком одной кобылицы, и та подпустила жеребенка к себе. Как видите, Унгус окреп, вырос и превратился в доброго коня . . .

Сакля Али с утра до ночи была полна людьми. Погода держалась сухая, и вспомнил Али, как бывало прежде во время засухи молили аллаха о ниспослании дождя. Отыскивали черного барашка, у которого не было ни одного белого волоска, или белого барашка, у которого не нашлось ни одного черного волоска, носили вокруг аула при большом стечении народа, затем резали и съедали жертву.

— Такие шествия, — говорил Али, — давно прекратились в Мегебе. А ведь бывало кровь жертвенного барашка собирали в сосуд и выливали на самый верхний камень в ауле, призывая дождь скорее излиться на сухую землю. Теперь этому никто не верит в ауле. А кто действительно помогает нам, так это наш колхозный агроном, наш зоотехник . . .

На прощальном вечере слово предоставили уезжавшему на море Магомеду. Он сказал:

— Однажды на досуге я занялся подсчетом представителей разных национальностей, служащих на подводной лодке, которой я командую. И что же? Оказалось, что у меня в экипаже одиннадцать человек разной национальности. Их матери не могли бы понять друг друга без переводчиков. А вот сыновья отлично понимают друг друга и делают одно общее благородное дело — крепят мощь своей Родины, невзирая ни на какие опасности.

На каждом советском корабле, на каждой нашей подводной лодке, да и повсюду на советской земле, вы можете увидеть эту великую дружбу. И я поднимаю бокал за нее, за дружбу народов. Дерхаб! Дерхаб! Да будет урожай! Чтобы все цвело! Чтобы вся жизнь была в цвету!

Когда гости заговорили об отъезде, колхозники забеспокоились, просили повременить, хотя бы до подхода всех

чабанов и табунщиков с далеких кутанов. Но Магомед торопился попасть на службу без опоздания.

Первые утренние краски тронули горы. Искристым хрусталем заиграли далекие снежные вершины. Затеяли озорные петухи звонкую перекличку. На колхозных конях выезжали гости из аула. Их провожали до самой автомобильной дороги, до Чоха.

Старики гордились своим земляком, который опускался не раз на дно океана и нашел дорогу домой, в горы, из такого далека. Магомед смотрел на знакомые лица и думал о том, когда попадет еще он в свой аул, приведет ли его сюда жизненный путь или ляжет где-то стороной, не сворачивая к милому Дагестану.

За шестьдесят девятой параллелью

В Военно-морской академии имени Ворошилова Гаджиев получал отличные оценки по всем предметам. Финская кампания оторвала моряка от учения. Он был направлен на Северный флот.

На «Полярной стреле» — железнодорожном экспрессе Гаджиев мчался на Крайний Север. Снежные облака лохматились на темно-лиловом горизонте. С каждой сотней оставшихся позади километров мельчала растительность. Деревья виднелись из окна низкорослые, комлистые, чахлые. Редели леса. Буреломы проложили по этим лесам свои широкие просеки. Лиственницы лежали вповалку, как сраженные воины.

День укоротился. За целые сутки в Мурманске едва насчитывалось три часа светлого времени.

Корабль давно стал родным домом Гаджиева. Без моря ему было скучно. Жена ревновала его к . . . морю. Гаджиев говорил:

— Катюша, сколько лет плаваю, а знаю подводную лодку еще недостаточно хорошо. Вот почему приходится уделять кораблю так много внимания. Прости, родная, иным быть не могу. Я полагаю так: чем лучше командир знает свой корабль, тем спокойнее и ему и его семье на берегу . . .

В финской скоротечной кампании Гаджиеву воевать не пришлось. До осени 1940 года он служил в штабе Северного флота начальником отдела подводного плавания. В академию его так и не вернули, оставили на Север-

ном флоте, назначив командиром дивизиона крейсерских подводных лодок, которые подводники любовно называли «Катюшами».

С этими лодками Гаджиев ушел в море и, как обычно, на прощание сказал жене:

— Вернусь, Катюша, в конце месяца...

Прошел обещанный срок, Магомед не вернулся на базу.

Ночью у дочурки Галинки разболелся зуб, проплакала до утра. Утром соседка по квартире, жена подводника, спросила Катюшу.

— Кто из вас плакал сегодня ночью?

— Галочка...

— Слышь, Гоша, — сказала соседка мужу, — я тебе говорила: это же совсем и не Катюша плакала, а Галочка.

Эти слова кольнули сердце Катюши. Значит, разговор был о том, что плачет она, Катюша... А почему бы ей плакать? Видно, с Магомедом что-то случилось!

Набросив на плечи пальто, Катюша бросилась к приятельнице, муж которой служил в штабе флота. Офицер был дома.

— Скажите мне всю правду! Не таите! Что с Магомедом?

Его многословное, туманное объяснение еще больше расстроило Катюшу. Ей стало ясно: что-то скрывают!.. С мужем — несчастье!..

Катюша не стала больше расспрашивать, выбежала опрометью на улицу и долго смотрела с крутого скалистого берега на студеные воды Кольского залива, все надеялась увидеть среди кораблей силуэт знакомой подводной лодки и флажок командира дивизиона — ее Магомеда.

Бухта жила своей жизнью. Оттуда доносился слитный рокот дизелей, пулеметное татаканье электроклепки, звонкие голоса людей. Временами бухту из конца в конец озаряли голубые сполохи электросварки или вдруг рассыпался точками и тире луч сигнального прожектора. Лодки Гаджиева в бухте не было. На второй день к Катюше пришла подруга. Она сказала:

— Говорят, чья-то лодка... Говорят... но Магомеда не было там...

Сердце Катюши сдавило ледяными пальцами, ноги налились свинцом, приросли к полу. Она прижала дочур-

ку к груди и безутешно разрыдалась. Соседи притихли в квартире.

Время для потрясенной горем женщины, казалось, остановилось. Катюша звонила по телефону каждый день в штаб флота знакомым подводникам, выбегала на улицу и подолгу смотрела на залив. Муж не возвращался. Она прислушивалась к каждому телефонному звонку и, опережая всех, бросалась к двери, заслышав стук на лестничной площадке. Вот опять зазвонил телефон. Катюша в глубоком волнении схватилась за трубку. Спирало дыхание. Ей не хватало воздуха. Не успела она сказать «алло», как вдруг услышала знакомый голос:

— Катюша, здравствуй, родная! Здравствуй, милая! .. Не волнуйся. Все в порядке. Минут через пятнадцать буду дома. Пожалуйста, приготовь ванну. Чертовски устал ... Поцелуй Галинку ...

Катюша стояла, ошеломленная счастьем. По ее лицу текли слезы. Ее окружили соседки, обнимали, поздравляли.

— Ну вот, а ты волновалась, ночей не спала. Я же тебе говорила, Катюша, все обойдется по-хорошему ...

Комната наполнилась людьми. После долгой и напряженной тишины здесь снова стало весело.

Пришел домой Магомед, обветренный, обросший бородой за время похода. Он обнял Катюшу, подхватил Галинку на руки и целовал бесчетное число раз.

— Папка, какой же ты стал колючий, бородатый, — смеялась девочка, отвечая отцу поцелуями.

— Где же ты пропадал, Магомед? — спросила Катюша после того, как муж вышел из ванной комнаты и сел за стол, празднично сервированный к его приходу.

— И совсем-то я, родная, не пропадал. Задание выполнял секретное ... Сама понимаешь, я — человек военный. Ты меня только не расспрашивай, Катюша! Об исполнении задания уже докладывал по начальству и получил хорошую оценку ...

И он снова обнял свою боевую подругу.

По делам службы Гаджиев поехал в Ленинград в учебный отряд подводного плавания имени Кирова, где некогда сам совершенствовал свои знания. Он знакомился на Балтике с экипажами подводных лодок, переводившихся на Север, отбирал в свой дивизион лучших людей. В торпедном кабинете не удержался, попросил разреше-

ния провести несколько атак. Полдня тренировался, как тренируют руки виртуозы-пианисты, чтобы не потерять высокого класса игры, и атаковал игрушечные кораблики с таким азартом, будто перед ним были всамделишные боевые корабли ненавистного врага.

Над главной базой Северного флота еще 17 июня 1941 года впервые появился гитлеровский самолет с фашистским пауком — свастикой на крыльях и фюзеляже. Его обстреляли. Назавтра вновь говорили зенитные орудия в главной базе. 21 июня самолет сыпанул пулеметной очередью по окнам одного из больших жилых домов в центре городка.

Войны ещё не было...

Подводники смотрели вечером кинокартину на плавбазе. Ушли с киносеанса северной солнечной ночью и тут же узнали новость: по флоту объявлена боевая готовность № 2, за нею последовала готовность № 1. Всем кораблям, выполнявшим в море задачи боевой подготовки, было приказано срочно возвратиться в базу.

Война! Это стало ясно всем сразу.

Первый день войны застал Гаджиева, как и многих подводников, в море, где личный состав проходил курс боевой подготовки. Никто не думал, что гитлеровская Германия, заключившая с СССР договор о ненападении, решится вероломно нарушить его.

Корабли Северного флота пришли к бонам, но в базу подводные лодки дивизиона Магомеда Гаджиева не пустили. В шесть утра к ним прибыл катер. Начальник политотдела соединения зачитал подводникам первое сообщение о развязанной фашистами войне.

Трудное начало

По всей стране, к западу от Свердловска, города затемнялись. Но за шестьдесят девятой параллелью затемняться было не к чему. Полярное солнце светило круглосуточно. Кричали над Кольским заливом горластые чайки, тарахтели юркие катера и мотоботы. У штаба, как обычно, нес вахту часовой с винтовкой. Залив казался спокойным. В его голубых водах отражались мачты и корпуса военных кораблей, готовых по первому сигналу выйти в море. Над сопками, будто мелом, по темно-голубому небу чертил свой путаный след фашистский разведчик-высотник. Черные вспышки снарядных разрывов близ самолета торо-

пливо обозначали его путь, когда летчик делал попытки снижаться над заливом.

Каждый день командира дивизиона подводных лодок Гаджиева был расписан по минутам. Его маленькая, ладно скроенная фигура мелькала то на береговой базе, где личный состав выходящих в море лодок получал довольствие, то в учебных кабинетах, где он проводил тренировки с подчиненными офицерами, то на пирсах, где, тесно прижавшись друг к дружке покатыми бортами, стояли подводные лодки его дивизиона.

Каждого командира подводной лодки, впервые направлявшегося в боевой поход, обязательно сопровождал советчик и наблюдатель — командир дивизиона. Комдив Гаджиев, как и другие командиры дивизионов, обеспечивал успех боевых действий вверенных ему «Катюш».

Подводники уходили в Баренцево море на боевые позиции. И когда возвращались с моря, командующий Северным флотом вице-адмирал Головко иной раз спрашивал шутливо:

— Ну как, печенеги, плавалось?

Гаджиев пропадал со своими командирами в кабинете торпедных атак, отрабатывал в заливе срочные погружения на подводных лодках, учил людей на ощупь, впотьмах управлять механизмами и приборами, использовать аварийные средства и бороться за живучесть кораблей.

Мурманские сопки уже прославила морская пехота. Североморцы совместно с частями Советской Армии остановили наступление гитлеровцев на Мурманск. Стала известна всей стране сопка «Исаакиевский собор», на которой кровопролитные бои завершились разгромом противника. Герой-моряк Сивков, отбиваясь от наседавшего врага, остался один и последней гранатой взорвал себя вместе с фашистами.

На мурманском Севере появились новые названия мысов, гор и бухт в честь героев-моряков. Гремело имя отважного летчика-североморца Бориса Сафонова — грозы фашистов. Уже говорили о подводниках, наводивших страх на фашистов в Баренцевом море. Только в дивизионе Гаджиева еще не было боевых успехов. Но он твердо верил в победу и готовил к ней экипажи своих подводных лодок. Возвратившись с моря, он докладывал на командном пункте о завершенном походе, а у самого от досады чуть не навертывались слезы. Ему, одному из пер-

вых подводников, отмеченных еще в мирные дни высшей правительственной наградой страны, было стыдно возвращаться ни с чем в родную гавань после боевого похода.

Одна из наших подводных лодок потопила фашистский транспорт, груженный десятком тысяч полушубков. Подводники одним ударом обрекли дивизии противника на лютую зимовку в летнем обмундировании. Другая подводная лодка потопила гитлеровский транспорт с боеприпасами и живой силой. В газете Северного флота печатались портреты героев-североморцев, показавших себя в начале войны. Не было никаких заметок лишь о «Катюшах» — подводных лодках гаджиевского дивизиона.

В августе, находясь в походе у вражеских берегов, Гаджиев обнаружил фашистский танкер водоизмещением около трех тысяч тонн. Лодка изготовилась к торпедному залпу, но было уже поздно: танкер вошел в фьорд, его закрыло мысом. Атака сорвалась.

Гаджиев оценил обстановку и посоветовал командиру подводной лодки капитану 3 ранга Уткину не выжидать, а следовать за танкером в фьорд.

— Под килем шесть метров! — послышался тревожный доклад штурмана.

Выскочить на мель в логове противника, что могло быть хуже этого! Подняли перископ: танкер уже скрылся за молом, как за надежной броней, и был теперь вне досягаемости торпед. Волей-неволей пришлось отказаться от атаки и проложить курс из фьорда на свою прежнюю боевую позицию.

Здесь долго поджидали тот же танкер. За время тягостного ожидания Гаджиев перечитал едва ли не все захваченные в поход книги. Наконец-то вахтенный офицер доложил: танкер вышел из бухты! Но, видно, счастливая была судьба у того фашиста. Противолодочные зигзаги танкера, который петлял, прижимаясь к самому берегу, мешали подводникам дать верный залп. Напрасно терять дорогостоящие торпеды Гаджиев не хотел. Атаки не получалось из-за невыгодного положения подводной лодки. Однако Гаджиев не отступался от цели.

Противник заметил погоню. Дым густым черным облаком косматился за трубой бензовоза, стелясь над горизонтом. Корабль был искусно и надежно камуфлирован под полосатые, заснеженные берега. Убедившись, что танкер скрылся за косой, Гаджиев прекратил преследование.

Опять неудача!.. Командир подводной лодки капитан 3 ранга Уткин стоял на мостике хмурый, раздосадованный потерей цели.

— Ничего, командир, — утешал его Гаджиев, — как говорится, первый блин...

Отошли мористее. Осмотрели горизонт. Заметили тральщик и транспорт противника. Погнались за ними, но безуспешно. Спустя пару часов вахтенный офицер снова доложил:

— Вижу миноносец и транспорт противника на весте!

Герой Советского Союза капитан 2 ранга *Магомед Гаджиев* (1941 год)

У Гаджиева с самого начала войны выработалось правило:

«Услышал шум винтов — узнай, кто идет наверху! Увидел противника — выходи в атаку!»

К тому были приучены и его подчиненные.

Гаджиев и Уткин решили идти на сближение с противником. Но, когда вторично подняли перископ, то увидели только один миноносец. Он шел прямо на лодку, собираясь таранить ее. Срочно погрузились на большую глубину. Гаджиев спустился из боевой рубки в центральный пост, сел на разножку и задумался. Вдруг неподалеку от лодки громыхнул первый взрыв.

— Во! Это бомба! — сказал Гаджиев, будто кто-нибудь сомневался в этом.

Акустик докладывал о шуме винтов миноносца.

— Пронесло! — сказал кто-то в центральном посту.

Уже в некотором отдалении от лодки вновь послышались взрывы глубинных бомб.

Акустик ставил в своей тетрадке «галочки», вел подсчет сброшенных противником бомб.

— Получили двадцать хороших глубинок! — закончил запись акустик и убрал тетрадку в стол.

— Почему хороших?! — удивился Гаджиев.

— Потому что мимо, товарищ капитан 2 ранга.

Напряженное молчание сменилось оживленным разговором. Акустик продолжал временами докладывать о том, что противник все еще бомбит в отдалении.

— Не мешайте ему, пусть «прозванивает»! — пошутил Гаджиев.

В центральном посту засмеялись. Раздражительно вкусно запахло с камбуза. Гаджиев вызвал к себе кока:

— Что готовите сегодня на обед? — спросил комдив.

— А что получится, товарищ капитан 2 ранга! — ответил молодой кок, поправляя колпак на белокурой, под машинку стриженной голове.

— Веселый вы, однако, человек! — сказал Гаджиев.

— Профессия такая, товарищ капитан 2 ранга... Сама жизнь подсказывает. Какой же у личного состава будет аппетит, если кок на корабле окажется меланхоликом?..

Погода резко ухудшилась. Во мгле пропадал чужой берег и, как говорил штурман, «видимость приближалась к нулю».

В просветах тумана обнаружили караван противника, шедший под прикрытием небольшого охранения. На первых порах гитлеровское командование явно недооценивало наши военно-морские силы и переоценивало свои. Вот почему в первые месяцы войны многие транспорты под фашистским флагом ходили Баренцевым морем вовсе без охранения, полагаясь на свою скорость и вооружение.

Гаджиев определил примерную скорость хода и курс вражеского каравана, посовещался с Уткиным и высказался за то, чтобы идти на сближение и выходить в атаку.

В окуляре перископа, как на фотопластинке, опущенной в проявитель, постепенно рождались смутные вначале силуэты кораблей противника. Вот очертания их стали более отчетливыми и близкими. Подводная лодка легла на боевой курс, но и сторожевики повернули все вдруг прямо на нее...

Лоб Гаджиева стал влажным. «Нас обнаружили!» — мелькнула мысль.

Корабли быстро сближались. «Катюша» не меняла курса и по-прежнему шла навстречу врагу. Вдруг сторожевики резко отвернули в сторону. Торпеды подводников уже вышли из аппаратов. Прошли томительные секунды ожидания, но взрывов не последовало. Противник сбросил на лодку несколько глубинных бомб и все мимо.

Такой тишины после атаки давно не наблюдалось в отсеках. Все были поражены и подавлены очередной неудачей. «Опять пустой поход!»

Гаджиев ушел в командирскую каюту и долго оттуда не показывался. Хотелось побыть одному, обдумать наедине причину неудачи ... Он вышел только к ужину.

Комдив разработал подробный план налета на гитлеровскую базу, поговорил с Уткиным и комиссаром. Лодка направилась к другому фьорду. Перед входом в него ходил тральщик. Фашисты, заметив лодку, стали рубить тралы, чтобы получить маневренность и большую скорость. Гаджиев выпустил торпеду, но тральщик резко отвернул вправо и разошелся с ней.

Тогда подводная лодка всплыла и открыла по нему артиллерийский огонь. Противник, обрубив тралы, удирал полным ходом к себе в фьорд под защиту береговых батарей.

Когда цель вышла за пределы досягаемости лодочных пушек, было приказано прекратить стрельбу и всем комендорам спуститься вниз, в отсеки.

Лодка возвращалась в базу.

Командующий Северным флотом вице-адмирал Головко пришел на пирс, выслушал рапорт Гаджиева и сказал:

— Товарищ капитан 2 ранга, задача, которую поставило перед вами командование, выполнена. Ваша стрельба не прошла впустую. Своими решительными действиями в водах противника вы заставите его призадуматься и оттянуть свои надводные силы от набеговых операций для охраны собственных караванов в море. Теперь вряд ли рискнут фашисты пускать без охранения свои транспорты на восток и на запад!

От сердца Гаджиева отлегла большая тяжесть. Слова командующего он и все подводники его дивизиона посчитали наградой за трудный поход.

Первый салют

Тот, кто хоть раз бывал в боевом походе на подводной лодке и слышал тревожный, саднящий душу скрежет минрепов о борт корабля, кто ожидал, что вот-вот вслед за этим взорвется мина, находящаяся на верхнем конце минрепа, кто хоть раз стоял на боевом посту при погасшем внезапно свете и отсчитывал разрывы глубинных бомб, сыпавшихся сверху на лодку, — тот понимает, что значит возвращение домой с моря после боевой позиции. И не потому ли так повелось у североморцев с первых дней войны — встречать и провожать подводников. Прощаясь, жали крепко руки, желая товарищам скорее вернуться с победой. Находили какие-то простые, теплые слова, шумно и радостно поздравляли вернувшихся с моря, старались чем-нибудь, хоть невесть где раздобытой головкой чесноку, порадовать друга. Хотелось напутственным словом рассмешить, подбодрить и, во всяком случае, сказать такое, чтобы не получилось даже намека: «Быть может, видимся, друзья, в последний раз! ..»

О минных полях, выставленных противником в море, начальник штаба бригады подводных лодок капитан 1 ранга Скорохватов подробно инструктировал командира дивизиона. Немало было заштриховано синим карандашом квадратов и прямоугольников на морской карте. Но нередко о новых минных полях подводники узнавали специальными приборами и еще... корпусами своих кораблей, скрежетавших о минрепы. Не просто было преодолеть минный барьер, выставленный на той именно глубине, на которой обычно ходили наши подводные лодки.

Командир дивизиона капитан 2 ранга Гаджиев собирался в море опять на подводной лодке Уткина. Напрасно отговаривал его командир бригады контр-адмирал Виноградов. Это задело за живое комдива. Он был обижен.

— Никто тебя не собирается обижать, и не выдумывай, Магомед, — ласково говорил Виноградов. — Просто тебе следует отдохнуть. Ты без перерыва ходишь в море. Нервы вымотались. Поспи, погуляй и снова пойдешь в море, — урезонивал Гаджиева начальник.

— Добро, товарищ контр-адмирал! Но я никак не могу согласиться, чтобы на одной из моих лодок пошел командир другого дивизиона, — горячо возразил Гаджиев. — Мне действительно не везло, но разрешите еще

раз сходить на той же лодке с Уткиным. Клянусь, мы утопим фашистов! У нас в горах принято говорить так: если обнажил кинжал — надо его вонзить обязательно.

— Настоящий джигит! — сказал, улыбаясь, командир бригады.

— Товарищ контр-адмирал! У нас на аварском языке нет такого слова «джигит», потому что все аварцы джигиты, — ответил Гаджиев.

— Ну вот и поговори с ним! Ты ему одно, он — другое. Тебя, я вижу, не переубедишь!

Гаджиев вмиг повеселел. Почувствовав, что разрешение на поход получено, он торопливо откозырял и выбежал из командного пункта. По пути, в тесном коридоре, высеченном в огромной массивной скале, едва не сбил с ног оперативного дежурного. «У Магомеда какая-то радость! — подумал оперативный. — Небось снова напросился в поход».

Ранним сентябрьским утром подводная лодка капитана 3 ранга Уткина покидала базу, уходя в боевой поход. На ее мостике рядом с командиром стоял и комдив — капитан 2 ранга Гаджиев.

— По местам стоять! Со швартовых сниматься! — раздалась команда с мостика.

Подводная лодка медленно отошла от пирса, развернулась и, деловито постукивая дизелями, направилась к выходу из базы. С берега по заливу неслись торжественные звуки Патетической сонаты Бетховена, передававшейся по радио из Москвы. Казалось, что война идет где-то далеко отсюда. Небо было спокойно-синее, чистое. В сопках стояла такая тишина, про которую старые поморы говорили, что от нее в ушах больно. . .

Бурная пенная дорожка протянулась за кормой подводной лодки. Боевой поход и тревожил и манил своей неизвестностью. Перед выходом в море несколько матросов и старшин подали заявления о приеме в партию. Среди них были и торпедисты, и трюмные, и мотористы. Подводники-комсомольцы хотели идти в бой коммунистами.

Вот растаяли очертания знакомых берегов. Все сильнее стала чувствоваться океанская широкая волна. Слегка покачивало.

Возле Гаджиева на мостике стоял командир минно-

артиллерийской боевой части корабля лейтенант Зармаир Арванов.

— Лейтенант, а побриться вам, пожалуй, не помешало бы, — сказал Гаджиев.

— Есть! Сменюсь с вахты, побреюсь... — отчеканил Арванов и смущенно добавил: — Борода у меня, что проволочная, — все бритвы тупит.

После недолгого молчания он переступил с ноги на ногу и нерешительно спросил:

— Товарищ комдив, разрешите вопрос?.. — И, не ожидая ответа, продолжил: — Вот мы, когда с моря возвращаемся, почему-то никак не оповещаем об одержанных победах...

— Так у нас и побед еще не было, — пожал плечами командир дивизиона.

— А когда они будут?

Гаджиев засмеялся.

— Не из пушек ли палить предлагаешь?

— А хотя бы из пушек, — не унимался лейтенант. — Вот, говорят, англичане сиреной извещают о числе потопленных кораблей противника или поднимают на мачте фашистские флаги «вверх ногами». Потопил, к примеру, два корабля, поднял два фашистских флага...

— Фашистские флаги?! Чепуху порете, товарищ лейтенант! — возмутился Гаджиев. — Сунься к нам в гавань под фашистским флагом, не поглядят, что он вверх ногами, так разделают под орех — мама родная не узнает.

— Но вы же, товарищ комдив, не против того, чтобы как-то отмечать победы?

— Вот заладил! У нас с вами нет еще побед и потому разговор о салютах преждевременный! Ясно?

— Ясно! — ответил Арванов, а про себя подумал: «Клюет!»

Он знал отходчивый характер командира дивизиона.

Перед рассветом, не доходя до боевой позиции, подводная лодка погрузилась и продолжала поход на перископной глубине. Когда, по расчетам штурмана, рассвело, подняли перископ. Лодка прибыла к тому месту, где ей предстояло искать противника.

Вахту стоял Арванов. Обнаружили транспорт противника. С большой скоростью он шел на запад без охранения.

Гаджиев отдыхал в каюте командира корабля, когда

раздался сигнал боевой тревоги. Комдив выбежал в центральный пост в тапочках, в расстегнутом, на ходу наброшенном ватнике. Арванов был в своем торпедном отсеке. Уже торпедистам передана команда «Товсь!», по которой они изготовили к залпу торпедные аппараты. Следом за ней вот-вот должна была последовать команда «Пли!», но ее почему-то не давали. Это взволновало торпедистов и неугомонного Арванова.

Переминаясь с ноги на ногу, лейтенант думал: «Из-за чего медлят в боевой рубке? Где же командир корабля? Где командир дивизиона?»

Только было собрался он запросить о причине задержки торпедного залпа, как последовало неожиданное приказание:

— Арванова в рубку!

Приказание было передано тихо, почти шепотом, чтобы торпедисты сгоряча не ошиблись и не выстрелили, приняв любое, громко произнесенное командиром слово за долгожданное «пли».

В боевой рубке рядом с Уткиным стоял Гаджиев. Он торопливо застегивал ватник.

— Расстрелять транспорт из пушек сможете? — спросил Арванова Гаджиев.

— Так точно, товарищ капитан 2 ранга, только разрешите посмотреть на цель.

— Смотрите быстрее!

Арванов приложился к окуляру перископа, мигом определил дистанцию и опустил перископ.

— Все в порядке!

— Всплывать! Всплывать! — скомандовал тут же Гаджиев.

Уткин повторил этот приказ.

— Механик, продувайте балласт!

Цистерны подводной лодки с шумом освобождались от балласта. Казалось, рядом клокочет водопад.

Теперь секунды решали успех дела.

— Быстро! Быстро! — командовал Гаджиев. Ему казалось, что все происходит медленнее, чем следует.

Всплыли. Командир корабля Уткин первым открыл люк. Все, кому полагалось по расписанию, выскочили наверх.

В обнаруженном судне опознали германский быстроходный военный транспорт последней постройки.

— Учтите его высокую скорость, — предупредил Арванова комдив.

— Есть! — ответил лейтенант и попросил пока готовят орудия к стрельбе следовать на сближение с целью.

— Так и будет! — подтвердил Гаджиев.

Североморский подводник *З. М. Арванов* (1945 год)

— Самым полным ходом.

— Добро!

Мотористы старались как могли. Во время быстрого хода в свежую погоду звучно захлестывало носовую надстройку. Волна облизывала округлые борта и с шипением перекатывалась в море. «Катюша», идя наперехват, заметно сближалась с противником.

— Командир, передайте благодарность мотористам! — сказал Гаджиев.

— Молодцы, мотористы! — сказал по переговорной трубе Уткин.

Вся в буруне и пене, подводная лодка продолжала идти вперед. Арванов с восторгом вглядывался в цель: «На этот раз, кажется, не уйдет!»

Лейтенант не отрывал глаз от бинокля. Окружающая обстановка, казалось, совершенно не интересовала его. Он не замечал теперь ничего, кроме транспорта. Горячность, целеустремленность, оптимизм роднили лейтенанта с командиром дивизиона.

Все виднее становился транспорт, все отчетливей вырисовывались его контуры. Фашисты уже заприметили подводную лодку и первыми повели обстрел. Цветные линии трассирующих снарядов протянулись от транспорта к «Катюше». Снаряды падали с высокими всплесками поодаль от лодки.

Поединок начался.

Расстояние между кораблями быстро сокращалось. Лодка полным ходом шла на врага, стрелявшего из всех пушек.

— У них недолеты! — сказал Уткин и потер ладони.

— Не доплевывают! — пошутил старшина у носового орудия.

Все небо было в огнях.

Выйдя на параллельный курс, подводная лодка также открыла стрельбу. Третьим залпом цель была накрыта. Об этом доложил наблюдатель. Это видели и сами артиллеристы. Обрадованный Арванов даже подпрыгнул. Но Гаджиев расхолодил его:

— У нас плохо с подачей снарядов!

Внизу мешкали, задерживали стрельбу.

— Давайте снаряды! Давайте снаряды! — приказал в переговорную трубу с мостика вниз Гаджиев.

— Снаряды давайте! — вторил ему разгоряченный лейтенант.

Люди, работавшие на подаче снарядов, устали. Узкий люк затруднял их работу. Артиллеристы у пушек взмокли, сбросили с себя ватники, несмотря на сентябрьскую полярную стужу.

— Меняйте чаще внизу личный состав! Больше снарядов! Больше! Быстрее! — неслись в центральный пост приказы Гаджиева.

Комиссар корабля торопливо спустился вниз.

Людей на подаче сменили. Снаряды пошли наверх непрекращающимся потоком.

В отсеках было слышно, как один за другим раздавались наверху хлопки выстрелов.

— Не дайте фашисту улизнуть к берегу под защиту своих батарей! — предупреждал Гаджиев. Голос его охрип и казался угрожающим.

У артиллеристов шапки-ушанки сбились на затылки. То и дело слышался хриплый голос Арванова, управлявшего огнем. Вот когда пригодился опыт стрельбы из лодочных орудий по движущемуся щиту и по самолетам противника.

Били метко. Много снарядов попало точно в транспорт. Расстояние до цели резко сократилось. Вдруг Гаджиев сказал предостерегающе:

— Смотреть внимательней кругом! Не увлекаться транспортом!

— Что означает это приказание?! — удивился Арванов. — Как не увлекаться, когда фашист еще наплаву?!

Он отставил бинокль, недоуменно взглянул на

Гаджиева и не узнал его. Лицо комдива пылало, зрачки расширились. Темно-серые с голубизной глаза блестели.

Вот когда заявил о себе неукротимый характер!

У Арванова на секунду промелькнуло воспоминание о том, что сказал ему как-то в шутку Гаджиев:

— Нас на бригаде три кавказца: ты, Мелкадзе и я... У меня есть предложение к комбригу: приказать запаять наши кортики, чтобы нельзя было вынимать их из ножен. Спокойней будет. Мало ли что!..

Арванов не выдержал и сказал недоуменно:

— Товарищ капитан 2 ранга, я не могу отрываться от транспорта!

— Не тебе говорят, не тебе! — крикнул ему Гаджиев. — Сигнальщиков предупреждаю. Ты стреляй, управляй огнем! Добивай гадов!..

Люди глохли от частой стрельбы. Пот струился по их лицам. Но все знали одно: бить по цели, топить ее как можно скорее, чтоб не дать ей уйти к берегу под защиту своих дальнобойных батарей или дождаться, когда прилетят самолеты воздушного прикрытия. Ведь недаром радист гитлеровского транспорта вопил в эфир открытым текстом, взывая о помощи. Только потом, когда мачты фашиста скроются под волнами, можно будет нырнуть в люк, отогреться, рассказать внизу товарищам, которые участвовали в бою, но боя не видели...

Радоваться успеху было еще преждевременно. Транспорт хотя и медленно, но продвигался к берегу, под защиту батарей.

Сигнальщик громко доложил:

— На берегу движение противника!

Затем последовали другие доклады:

— Противник готовит самолет к спуску на воду!

— Самолет спущен!

— Самолет взлетает!

Так вот почему предупреждал Гаджиев. Комдив, видевший всю картину боя, звал к бдительности сигнальщиков, а не людей Арванова... Снаряды со свистом и грохотом впивались в транспорт, дырявили его борт. Нос судна высоко поднялся, корма осела, но оно еще двигалось понемногу. Противник, очевидно, собирался выброситься на берег. Наши артиллеристы заставили смолкнуть его пушки. Погас цветной фейерверк в море, и тут же сигнальщик доложил:

— Транспорт погружается кормой в воду. На нас идет самолет противника!

Вовремя призвал к бдительности Гаджиев. Увлеченные поединком, сигнальщики могли пропустить нападение, готовившееся с другой стороны.

— Срочное погружение! — скомандовал Уткин. Все, кто находились на палубе у орудий и на мостике, бросились к рубочному люку. Через несколько минут после погружения подводной лодки были отмечены оглушительные взрывы. Это, видимо, взорвались котлы на затонувшем транспорте...

Дело было завершено. Казалось, после бури наступило затишье.

Когда подвсплыли и подняли вновь перископ, транспорта на поверхности уже не было. Его поглотило море.

— С победой, товарищи! — объявил Гаджиев по всем отсекам.

— Честно поработали! — сказал капитан 3 ранга Уткин. — Не стыдно и в базу возвращаться.

Через центральный пост проходил Арванов. Гаджиев схватил его, потряс в своих сильных объятиях и спросил по-армянски:

— Вонцес? [1]

— Все в порядке, товарищ капитан 2 ранга!

— У нас в порядке, у фашистов недочет! Спасибо, лейтенант, за службу! Командующий был прав: заставим гитлеровцев распылять силы для охраны судов!

Это была первая победа подводной лодки из дивизиона Гаджиева.

Из торпедного отсека послышалась матросская песня.

В кают-компании накрыли стол. Гаджиев поздравил командира корабля и весь артиллерийский расчет с первой победой.

— Скажи, командир, а почему все же я разрешил тебе всплыть и топить фашиста артиллерией, а не торпедами? Понимаешь? — спросил, ласково улыбаясь, Гаджиев.

— Понимаю, товарищ комдив, — ответил Уткин. — Во-первых, обстановка была для нас благоприятной: без охранения и воздушного прикрытия он шел. А во-вторых, вначале была слишком большая дистанция для торпедной атаки и он мог бы ее еще больше увеличить, использовав преимущество в скорости.

---

[1] Как поживаешь?

— Верно, командир, — согласился Гаджиев. — Не расстреляй мы его из пушек, ушел бы фашист и поминай, как звали. А риск, скажешь? Риск, конечно, был. Но ведь идет война, а в бою без риска никак не обойтись. Только он должен быть продуманным и оправданным, этот риск. Да, да, командир, — раздумчиво повторил Гаджиев, — продуманным и оправданным...

Когда лодка всплыла, в отсеки ворвался живительный свежий воздух. Светило осеннее, неяркое солнце. Чайки кружились над мостиком. Было необычайно легко и радостно при мысли, что скоро откроется родной берег, подводники ступят на землю и будет время поговорить о том, как встретили противника, как били по цели, как возвращались домой.

— Мы, моряки, — народ гостеприимный, хлебосольный, но, товарищи, чаек хлебом не кормить, к кораблю не приваживать! Их постоянный эскорт может выдать наше присутствие противнику, — предупреждал на мостике Гаджиев. — Нам, подводникам, требуется бдительность. Иначе запросто потопят нас!

Гаджиев спустился вниз, прошел в отсек, к артиллеристам, долго с ними беседовал. Увидев Арванова и подмигнув задорно, сказал:

— Вот теперь, пожалуй, стрельнем, лейтенант, в гавани? А?

У лейтенанта от радости перехватило дыхание.

— Стрельнем, товарищ капитан 2 ранга! — восторженно повторил он.

— Ишь, на гауптвахту захотелось? — погрозил ему Гаджиев.

Так и не понял Арванов: будет ли лодка салютовать в базе по случаю победы?

Вот из-за мыска открылся знакомый пирс. К нему с береговой базы спешили по крутому деревянному трапу подводники. С мостика уже называли по именам тех, кто шел встречать победителей.

Показался катер командира бригады контр-адмирала Виноградова.

Едва только катер после встречи с лодкой повернул к причалу, как Гаджиев вдруг встрепенулся и приказал Арванову:

— Действуй!

Приказание было понято правильно. Комендоры подняли орудийный ствол, и прогремел выстрел.

Это было ровно в полдень 19 сентября 1941 года. Эхо подхватило и умножило первый победный салют.

Сами подводники еще не ведали, что этим выстрелом они положили начало победным салютам на флоте в Отечественную войну.

Люди повыбегали из домов. Оперативный дежурный штаба флота стал обеспокоенно звонить на Подплав, чтобы скорее дознаться, по какому поводу открылась стрельба.

Командующий Северным флотом вице-адмирал Головко шел по деревянному настилу причала встречать лодку. Услышав выстрел, нахмурился и ускорил шаг. Подводная лодка уже швартовалась к пирсу, когда командующий заметил Гаджиева, стоявшего на мостике.

— У тебя артиллеристы с ума, что ли, посходили — в гавани стреляют?

— Выстрелили из той пушки, товарищ командующий, которая транспорт потопила. Это в ознаменование нашей первой победы, — оправдывался Гаджиев. И про себя подумал: «Ну вот, схлопотал себе фитиль. . .»

— Вот уж бомбардиры! — нахмурился командующий, но видно было, что он перестал сердиться. — А ты, бомбардир, — сказал он Арванову, — похож на курда! Бриться следует!

Арванов провел по своей синей щеке, как по наждачной бумаге. Да, ничего не скажешь, командующий был прав! Лейтенант покраснел и торопливо юркнул за широкие спины товарищей.

Сойдя на пирс, Гаджиев доложил о проведенном боевом походе. Командующий приказал представить к наградам оба артиллерийских расчета, управляющего огнем Арванова и командира подводной лодки.

Насколько Гаджиев был дерзок и горяч в бою, на корабле, в море, настолько держался незаметно, скромно на докладе командующему. Слушая его, можно было представить себе дело так, будто сам Гаджиев являлся в завершенной дуэли кораблей всего лишь сторонним наблюдателем. Славу победы он, не колеблясь, отдал своим соратникам, сам отойдя в тень. Эту черту в его характере высоко ценили боевые товарищи.

Утром Гаджиев вместе с Уткиным осматривал свои лодки.

— Гляди, какая красота! — восхищался Гаджиев, поглядывая с пирса на дивизион «Катюш». — После войны мы их выкрасим, поднимем флаги расцвечивания и построим все в кильватер от Полярного до самого Мурманска. Вот какой будет у нас Северный подводный флот!

Проходил в это время по пирсу контр-адмирал Виноградов. Услышал, о чем мечтает Гаджиев, остановился.

— Здравствуйте, отцы-командиры. Что, Магомед, на хозяйство свое любуешься?

— Поглядываю, товарищ адмирал, — подтвердил Гаджиев. И, посмотрев на притихший залив, на резвящихся чаек, на величавые, побеленные свежим снегом сопки, добавил:

— Эх, товарищ адмирал, а в Дагестане у нас сейчас такой виноград, такой виноград!

Он никогда не забывал о родном Дагестане.

Такими удивительно чудесными, необычными казались сейчас море, облака и солнце, золотившее воду, и так радостно было при мысли «вернулись домой с победой», что Гаджиев взволнованно прошептал:

— Как хороша жизнь!

— А вы знаете, товарищ адмирал, — заметил вдруг Уткин, — мы собираемся закрывать на лодке комсомольскую организацию.

— Как так?! — удивился и встревожился контр-адмирал Виноградов.

— Верно говорит Уткин, — серьезно подтвердил Гаджиев и, не удержавшись, широко улыбнулся. — На его лодке все комсомольцы уже подали заявления в партию. Комсомольцев на лодке никого не остается. Все коммунисты будут! Вот какая история!

Коммунисты, вперед!

— Не видал Гаджиева? — спрашивали на береговой базе.

— Магомед в море, — был неизменный ответ.

Гаджиев только что вернулся с моря и уже вновь собирался в поход. В кубрике, где жил экипаж подводной лодки «К-3», прошел слух:

— С нами пойдет Гаджиев!

Это воодушевляло матросов.

Был конец ноября 1941 года. На «К-3» вспоминали недавно завершенный переход из далекой Балтики к северным берегам. Вспоминали бомбежки, сопровождавшие путь корабля... Сегодня предстоял первый выход корабля на боевую позицию.

На собрании коммунистов-подводников комиссар лодки старший политрук Николай Галкин сообщил о последних успехах североморцев на морских коммуникациях противника, напомнил о строжайшей секретности выхода каждого корабля из гавани. Парторг зачитал новые заявления о приеме в партию. В них говорилось об одном: «Желаю идти в бой коммунистом!»

Матросы, старшины и офицеры внимательно слушали любимого комиссара. Радостно было узнать, что наша армия перешла в наступление на главных участках фронта. За короткий срок гитлеровским полчищам Советская Армия нанесла один за другим мощные удары под Ростовом-на-Дону, Тихвином и под Москвой. Московская и Тульская области, десятки городов, сотни селений и других областей были освобождены от захватчиков.

Следом за комиссаром слово взял Гаджиев.

Он сказал:

— Товарищи, уже началось изгнание фашистов с советской земли. Наша армия бьет хваленые гитлеровские дивизии. Наш флот топит фашистские корабли. Наши партизаны и партизанки взрывают, жгут фашистские эшелоны. Нас, подводников, учат долго. Родина не жалеет средств, чтобы сделать нас хорошими моряками. Сейчас — война. Такое время, когда особенно проверяется человек...

Хорошо бьем противника — хорошо служим Родине. Чем сильнее и сокрушительнее наши удары по врагу, тем ближе окончательная победа. В первый ваш поход пойдем вместе, — продолжал Гаджиев. — Ну, а потом сами станете ходить, сами будете искать и топить противника! Помните: победа достается упорным трудом, дружной работой всего экипажа. Один человек, каким бы сильным и отважным он ни был, не в силах добыть ее. Если же каждый из вас будет думать о том, что он отвечает за успех похода перед народом, перед партией, мы вернемся победителями.

Где-нибудь на берегу, в сопках или в поле, в самый критический момент боя комиссар поднимается во весь

рост и командует: «Коммунисты, вперед!» За ним поднимаются коммунисты, и все бойцы с возгласами «За Родину!» устремляются вперед на врага. У нас, подводников, война иная. На лодке не прикажешь: «Коммунисты, вперед!» Но когда я стою в боевой рубке или в центральном посту, то знаю — рядом со мной командир корабля, молодой советский офицер, верный сын партии. Знаю, что на корабле коммунист акустик. Он выслушивает шумы вражеских кораблей в море. Знаю, что не подведет нас и боевой товарищ коммунист механик. Надеюсь на старшину трюмных и на старшину торпедистов. И когда вижу перед собой цель, когда подан сигнал торпедной атаки, я уверен: корабль готов к бою! В бой идут коммунисты, а за ними и весь личный состав корабля. Я уверен, что каждый старается выполнить свои обязанности как можно четче, быстрее. Коммунисты подают пример и на суше и на море. Коммунисты, будьте примером в бою для всего личного состава. Коммунисты, вперед! — закончил Гаджиев.

Дружное «ура» раздалось в ответ.

После собрания весь экипаж строевым шагом направился на пирс готовить подводную лодку к далекому и долгому боевому походу. Дежурный по береговой базе, принимая ключи от закрытого на замок и опечатанного кубрика, долго тряс руку лодочному боцману и посоветовал на прощание:

— До свидания, друзья! Меняйте фашистам адрес на постоянный: Баренцево море, Дельфинград, триста метров глубины!..

Гаджиев собрал и уложил в походный чемодан бритвенные принадлежности и другую мелочь и оживленно сказал зашедшему проститься с ним закадычному другу командиру береговой базы Морденко:

— Ну, Гриша, я пошел воевать!

Это было у Гаджиева вроде присказки, когда он прощался с друзьями перед выходом в море. Не хотелось говорить чуть грустное «прощайте»...

Мела пурга. Снег струился по широкому двору Подплава. Снежные сыпучие струйки наперегонки спешили к широкой деревянной лестнице, спускавшейся с крутой скалы к самому пирсу, где стояли борт к борту подводные корабли. Гаджиев на секунду задержался на самом верху лестницы, посмотрел на затемненные окна береговой базы

и, запахнув концы обмотанного вокруг шеи шарфа, стал решительно спускаться навстречу морскому ветру.

На лодке его ждали. Командир доложил:

— Подводная лодка готова к походу.

— Добро, снимайтесь со швартовых, — приказал командир дивизиона.

Послышались отрывистые слова команд, свистки. Полярная ночь приняла подводную лодку в свои объятия.

Удалились родные берега.

Гаджиев положил руку на планширь, чуть влажный от морской соленой пыли. Внизу под мостиком разбивалась о подводную лодку волна. Мелкие брызги проносились над кораблем, оседая на его надстройке. Вспомнились аульские туманы и росы, детство, высокие скалы...

Подводный корабль держал курс к боевой позиции. На мостике не слышалось голосов. И вдруг Гаджиев почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Нащупал руку соседа. Отозвался комиссар. Гаджиев обрадовался ему. В настороженной тишине, прерываемой мерным стуком дизелей да шумом волны, разбивавшейся о корпус лодки, приятно было Гаджиеву ощутить дружеское рукопожатие боевого товарища.

— Коммунисты, вперед! — сказал комиссар.

— Да, коммунисты, вперед! — подтвердил Гаджиев и вновь пожал руку друга.

Боевой поход начался.

Разгром

Командир минно-артиллерийской боевой части лейтенант Борис Виноградов, небольшого роста, очень подвижной моряк, проходил по второму отсеку. Гаджиев заметил его, остановил и спросил вдруг:

— Товарищ лейтенант, специальность свою знаете?

— Хвалиться не привык, но думаю, что знаю, товарищ комдив!

— Где служили?

— На Краснознаменном Балтийском.

— Как служилось?

— Хорошо служилось...

Минут десять говорил Гаджиев с лейтенантом о его специальности, будто экзаменуя, потом спросил:

— Ну, а торпеды как у вас?

— Честные, хорошие торпеды, товарищ капитан 2 ранга, — доложил лейтенант.

— Оригинал! Что ни спросишь, все хорошо. А скорость у них какая?

Виноградов ответил не задумываясь.

— Дайте формуляр! — приказал командир дивизиона.

Ответы сошлись с формуляром в точности к обоюдному удовольствию подводников.

В этом походе Гаджиев «обеспечивал» командира «К-3» Кузьму Ивановича Малафеева. Кузьма Иванович слыл на Подплаве самым неразговорчивым из командиров лодок. Не любил он много говорить. Выступал редко, только перед своим экипажем, да и то в начале похода. Но море он любил, кораблем управлял отлично, а эти качества Гаджиев всегда расценивал высоко.

Гаджиев прибыл на «К-3» не один, а в сопровождении дивизионного штурмана капитан-лейтенанта Васильева, который «обеспечивал» корабельного штурмана Соболевского. Васильева знали на больших подводных лодках и уважительно звали только по отчеству: «Кузьмичом». Недаром дорожил им Гаджиев. Это был опытнейший специалист-навигатор на Северном флоте. Он обладал замечательными морскими качествами — не укачивался даже в самый жестокий и длительный шторм. За Васильевым давно укоренилась слава остроумного рассказчика. Впрочем, он и был им: знал много поговорок, прибауток. О самом смешном он мог говорить без тени улыбки; напротив, на лице его в эту минуту была написана какая-то грусть, но слушатели хохотали до упаду. С ним не скучно было на подводной лодке даже во время бомбежки. На любой глубине он знал всегда точно местонахождение своего корабля. В глубинах чужого фьорда он вел подводную лодку так, будто видел обрывистые берега, навигационные знаки или маячные огни.

Гаджиев перешел на «К-3» с другого корабля, не отдохнув и нескольких часов после долгого боевого похода.

Как за Чапаевым Петька, так следом за Гаджиевым шагал с лодки на лодку его боевой друг Кузьмич. Подводники привыкли видеть их всегда вместе в боевых походах.

Команда недавно прибывшей с Балтики подводной лодки «К-3» еще не знала Гаджиева, но уже много слышала о нем. Он прошел по отсекам и со всеми поздоровался — таков был его обычай. На нем был серый ватник, как у рядовых матросов.

— Кто это? — поинтересовался один из матросов в центральном посту.

— Это же наш командир дивизиона!..

— Комдив?! Незаметно что-то...

— А ты его в бою заметишь обязательно, — послышалось в ответ.

«К-3» уходила на боевую позицию в надводном положении. Штурман Соболевский сутки не спал из-за срочной и важной работы перед самым выходом в море. Он решил наверстать потерянный сон в самом начале похода, когда в штурмане особой нужды не было, тем более, что на лодке находился общепризнанный специалист Кузьмич.

Едва только Соболевский задремал на своей узкой и короткой койке, как вдруг вахтенный центрального поста разбудил его и доложил:

— Появились звезды!

Выход на позицию был замечен Соболевским точно по часам. Штурман знал счислимое место и решил пока по звездам не определяться. Повернулся на другой бок и безмятежно заснул. Вскоре вновь открылась дверь каюты. На этот раз явился сам Гаджиев.

— Штурман, звезды есть! — сказал он возмущенно и хлопнул дверью.

Отбросив усталость (куда и сон девался!), Соболевский мигом поднялся на мостик, «взял звезды» — определил место лодки в море астрономическим методом. Оно сходилось с его прежним определением. «Зря и будили-то!» — подумал про себя Соболевский.

Пришли в назначенное для боевой позиции место. Гаджиев стоял на мостике. Начинался так называемый «ночной поиск». Клочья тумана и рваных облаков громоздились по крутым и голым бокам скалистого берега. Выбрав хорошую минутку, дивизионный штурман доложил Гаджиеву:

—Товарищ капитан 2 ранга, разрешите насчет звезд? Штурман Соболевский не спал целую ночь перед походом. Благодаря его старанию...

— Так что же он сам не доложил мне об этом! — воскликнул Гаджиев. Выкурив папиросу, он подозвал к себе Соболевского и сказал: — Когда командующий или командир бригады приказывает мне, я исполняю приказ без промедления. И того же требую от своих под-

чиненных. Выполняйте приказ, если даже считаете себя умнее командира дивизиона. Выполняйте, если это труднее, чем хватать голыми руками колючки! Победа — в повиновении! Без настоящей дисциплины мы с вами будем плохо воевать. Запомните это!

Баренцево море сурово встречало вчерашних балтийцев. Волна шагала широко, по-океански. Ватные брюки, фуфайки и шапки-ушанки тех, кто находился на мостике, побелели от морской соли. Казалось, что они пробивались сквозь пургу. Командир носового орудия, он же вахтенный наблюдатель, старшина второй статьи Конопелько стоял у своей пушки, держась за ствол, чтобы не свалиться в море. Четыре часа выстоял он на посту, сплевывая с губ горькую морскую соль и глядя на косившийся горизонт, где могли показаться силуэты вражеских кораблей. Искал в белой пене плавающие, сорванные с минрепов мины.

— Ну как вахта? — спросил Гаджиев, желая подбодрить старшину.

— Все в порядке, товарищ комдив! — отрапортовал Конопелько, вытирая рукавом соль с губ.

Отдыхать Гаджиев пошел в каюту лейтенанта Виноградова.

Попалась Гаджиеву интересная книжка. До минных полей было как будто далековато. Такими минутами и пользовался в походе командир дивизиона, чтобы почитать вволю.

В каюту вошел перед вахтой лейтенант Виноградов и переобулся в резиновые сапоги, чтобы не промокнуть наверху. Валенки поставил на определенное для этого место. К такому порядку приучали курсантов еще в военно-морском училище. Гаджиев начитался досыта и собирался вздремнуть часок. Он подвинул слегка валенки Виноградова и на их место поставил свои бурки. Валенки оказались как раз под бачком с дистиллированной водой. Шторм набрал большую силу. Подводную лодку несколько раз изрядно встряхнуло. Во время крена вода полилась в валенки Виноградова. Лейтенант вернулся с вахты. Он промок и промерз наверху до костей. После такой погодки хорошо прийти к себе в каюту, переобуться, попить горячего чайку, отогреться хоть немного. . .

Виноградов снял резиновые сапоги, в которых стоял

вахту, сунул было ногу в валенок и затанцевал на одной ноге по каюте. Гаджиев проснулся;

— В чем дело, лейтенант? Чего расплясался? Мы как будто еще не стреляли?

— Похоже, и без стрельбы пробоина в валенке, товарищ комдив! Воды полнехонек. И сам не пойму, в чем дело.

Гаджиев догадался, вскочил с постели и, несмотря на отговорки, заставил лейтенанта надеть бурки.

— Обувай мои, а я твои надену, резиновые... Ты — после вахты! Тебе необходимо согреться! — говорил Гаджиев.

Через трое суток, когда шторм заметно ослабел, Соболевский определился по берегу, и лодка вошла в фьорд противника. Было уже темно. Сложную и опасную операцию надо было провести скрытно. Командир корабля предупредил всех наверху коротко:

— Жить захочешь — помолчишь!

Из фьорда после выполнения операции вышли в открытое море для зарядки батарей. Утром снова разыгралась непогода. Шторм достиг девяти баллов. Близко к берегу не подходили. Семь суток штормовало. О сне люди позабыли, его заменяла дремота.

Часы показывали одиннадцать утра. Ходили под водой.

В районе было множество островков, больших и малых. Маршруты противника вились между ними хитрыми ломаными линиями. Чтобы обезопасить свои конвои, фашисты минировали все подходы к этим маршрутам. Это было известно североморцам-подводникам...

Гаджиев удачно поднырнул под минную банку и оказался на самом пути вражеского конвоя. Подводная лодка стала поджидать встречи с кораблями противника. Ее долго не было. Офицеры сели обедать. Ели торопливо. Командир корабля Малафеев и вовсе не явился на обед. Он был в рубке у перископа. За столом во втором отсеке еще оставались Гаджиев, штурман Соболевский и командир электромеханической боевой части инженер капитан-лейтенант Агранович.

— Торпедная атака! — вдруг объявил по переговорным трубам командир корабля.

Гаджиев сорвался с места и выбежал в центральный пост.

Он услышал доклад акустика:

— Шум винтов транспорта!

В боевой рубке было тесно. Гаджиев тронул за плечо командира. Тот понимающе кивнул и уступил место у перископа. Комдив взялся за эбонитовые ручки и прильнул глазом к окуляру. В круглом поле окуляра шел транспорт в охранении сторожевого корабля и двух катеров. Корабли казались совсем маленькими, игрушечными.

— Твоя удача, командир. Атакуй! — радостно прошептал Гаджиев и отошел от перископа.

По всем отсекам прокатилась весть о встрече с противником. Конопелько за минуту до того мечтал об отдыхе после долгой и тяжелой вахты. Но куда там! Какой там отдых! Спокойное лицо его оживилось. Он с нетерпением ждал заветной команды, зная о гаджиевском правиле: «Встретил противника — атакуй и топи!»

Сейчас будет дело!

Лейтенант Виноградов был уже в торпедном отсеке на посту, поджидая команду «Пли!». И едва послышался приказ командира Малафеева, как он нажал на рукоятки стрельбового устройства.

— Торпеды вышли! — доложили в центральный пост торпедисты.

— Торпеды идут хорошо! — радостно прокричал в переговорную трубу акустик.

Конопелько по толчкам лодки догадался, что торпеды пошли на цель. В отсеках притихли. Каждому хотелось услышать взрывы. Малафеев приказал держать большую глубину, едва прогремели взрывы.

— С победой! — сказал Малафеев.

— С победой! — воскликнул Гаджиев, проходя в торпедный отсек и пожимая руки Виноградову и торпедистам.

— Молодчина, лейтенант! Теперь я убедился в том, что торпеды у вас действительно честные. Достигают своей цели! — сказал Гаджиев, близко притягивая к себе за руку Виноградова, будто собирался сообщить ему что-нибудь по секрету. Комдив всегда так здоровался с очень близкими друзьями.

На поверхности, над лодкой, рубя воду винтами, с бульканием и скрежетом пронесся один из кораблей охранения потопленного фашистского транспорта.

— Ну, сейчас начнется большой байрам! — заметил Гаджиев.

Люди притихли. К месту погружения подводной

лодки должны были собраться морские катера-охотники.

— Потопили транспорт — пора и честь знать! — сказал Гаджиев, вернувшись в боевую рубку. — Давай, Кузьма Иваныч, на выход из фьорда!

Подводная лодка стала разворачиваться. Малафеев часто менял скорости и курсы, обманывал своими маневрами фашистских акустиков, выслушивавших сейчас шум гребных винтов «К-3».

Гаджиев заглянул в штурманскую рубку. Там над картой склонились Кузьмич и Соболевский. Чтобы дать возможность войти комдиву и получше рассмотреть карту, Соболевский вышел из рубки — так тесно было в ней втроем.

Для точного доклада командующему флотом надо было проследить за гибелью корабля противника. Подняли перископ. Вновь нырнули. Но, очевидно, на катерах противника заметили перископ, и снова началась бомбежка.

— Кузьма Иванович, прижмемся к одному из островков, — посоветовал Гаджиев. — Глубины, я смотрел по карте, позволяют вполне. Там будет безопасней . . .

Вдруг лодка остановилась. Люди в штурманской рубке качнулись от удара.

— В чем дело? — озадаченно спросил Гаджиев. — Какая глубина?

— Глубина по карте здесь бо́льшая, чем показывает глубиномер, — доложил дивизионный штурман.

— Что случилось? — спросил оказавшийся тут же возле штурманской рубки комиссар.

— Открыли, как видно, неизвестную банку, — печально покачал головой Гаджиев. Глаза его стали злыми.

Комиссар пошел по отсекам. Надо было объяснить личному составу создавшуюся обстановку. В самый тягостный момент во время боевого похода не должно быть места мучительному раздумью, сомнениям. Каждый должен верить в желанный исход, в победу. Надо лишь приложить все старания, все умение, чтобы вызволить корабль из беды. Комиссар обходил каждый отсек, говорил с североморцами. Выход будет непременно найден. С нами такие командиры, как Гаджиев, Малафеев, дивизионный штурман Васильев . . . Помощь каждого из нас заключается в том, чтобы особенно четко, точно и без промедлений исполнять любое приказание, которое будет передано в отсек.

— Что бы ни случилось, а победа уже есть! Мы уничтожили торпедным залпом большой транспорт противника! Будут у нас и другие победы, — говорил комиссар.

Лица моряков прояснялись, крепла уверенность: «Выйдем из беды!»

Малафеев попытался сдвинуть лодку с места. Она то задирала корму, то нос.

Начали продувать главный балласт. Была подана команда: «Пузырь в среднюю!» Это означало, что в среднюю цистерну подана изрядная порция сжатого воздуха высокого давления. Подавался воздух и в концевые цистерны главного балласта. Но подводная лодка словно приросла к грунту.

Частые продувания цистерн не могли остаться не замеченными врагом. Ведь море над лодкой то и дело вскипало пузырями.

Началась методичная глубинная бомбежка. Подводную лодку встряхивало. Казалось, что стальной ее корпус обжимают гигантскими клещами и он вот-вот хрустнет, как яичная скорлупа.

В отсеках становилось все более душно. Одолевала докучливая зевота, знакомое явление при кислородном голодании подводников . . .

Бомбы рвались совсем близко. Один из молодых матросов, широко раскрыв рот, прислушивался тревожно к каждому разрыву глубинок. Гаджиев заметил его и невольно улыбнулся.

— Ну что, орел? Останешься после этого на сверхсрочную? — шутливо спросил комдив, желая немного развеселить матроса.

Матрос оторопел. Он никак не предполагал, что в такие грозные для корабля минуты его — матроса первого года службы — заметят, да еще кто — сам Гаджиев, командир дивизиона! Но, увидев улыбку на лице начальника, матрос воспрянул духом и сам заулыбался, подумав: «Начальство не страшится, а мне чего робеть?»

— Так как же, орел? — повторил свой вопрос Гаджиев после очередного бомбового удара.

— Как все, так и я, товарищ капитан 2 ранга! — ответил первогодок. — Мы — североморцы, — добавил он гордо, — службы не боимся.

— Молодец!

— Служу Советскому Союзу!

Подводная лодка «К-3» продолжала лежать на грунте недвижимо. Обойдя отсеки, Гаджиев поднялся в боевую рубку к Малафееву. Он тщательно оценил обстановку, и в уме его сложился рискованный, но и единственно верный в данных условиях план прорыва. Теперь комдив торопился поделиться своими мыслями с командиром подводной лодки.

— В результате бомбежки, видимо, повреждены топливные цистерны, — сказал он Малафееву. — И соляр, всплывающий на поверхность, показывает противнику наше место. Сам удивляюсь, Кузьма Иванович, как это они до сих пор не разделались с нами. В этих условиях продолжать отлеживаться на грунте не только бессмысленно, но и просто опасно. Я предлагаю всплыть и прорываться в надводном положении под прикрытием артиллерии. Мы можем развить приличную надводную скорость. Обстоятельства вынуждают нас на крайний шаг... Но, если вы можете предложить что-либо иное, я готов вас выслушать.

Кузьма Иванович внимательно выслушал Гаджиева и теперь напряженно думал. Он предполагал, оторвавшись от банки, устремиться на выход из фьорда, если этот маневр не будет раскрыт противником.

— Над нами три корабля противника! Сторожевик и два катера-охотника! — доложил акустик.

— Слышишь, командир? — спросил Гаджиев Малафеева. — Я прав. За нами внимательная слежка. Все наши маневры будут немедленно разгаданы противником, кроме одного. Мы внезапно всплывем на виду у фашистов и откроем артиллерийский огонь. На нашей стороне будет одно большое преимущество — внезапность!

«А ведь прав Гаджиев! — подумал Малафеев. — Другого выхода и я не вижу. Надо всплывать».

И коротко, вместо ответа командиру дивизиона, Малафеев решительно скомандовал:

— Всплывать! Артрасчету приготовиться!

Послышались команды, предшествующие всплытию. Корабль оторвался от грунта. Побежала стрелка прибора, показывая быстро уменьшавшуюся глубину.

— Какая глубина? — спросил командир корабля.

— Глубина двенадцать метров! — доложил громко боцман.

Двенадцать метров... На такой глубине враг еще не

видит ни корпуса подводной лодки, ни даже ее рубки. Рубка под водой . . .

Но вдруг одновременно с докладом боцмана из штурманской рубки раздался тревожный бас Соболевского:

— Глубина четыре метра! Быстрей открывайте люк! Нас уже видят фашисты . . .

Когда подводная лодка уходила на большую глубину, глубиномер, служивший для измерения малых глубин, перекрывался краником. Это делалось для того, чтобы прибор не раздавило огромным избыточным давлением столба воды. Из-за нежданного и стремительного всплытия краник забыли открыть. Это и ввело боцмана в заблуждение и чуть-чуть не погубило корабль. Соболевский вовремя доложил об истинной глубине.

— Командир, открывай люк! — приказал Гаджиев вслед за Соболевским. В минуту опасности его мягкий голос становился резким, металлическим. И все, кто услышали его приказ, поняли: сейчас наступает решительный момент!

Протяжно, призывно звучал по всем отсекам заливистый электрозвонок. Артиллерийская тревога! Из переборочных дверей в центральный пост выскакивали артиллеристы, на ходу застегивая ватники, нахлобучив шапки на самые брови, чтобы не сдуло ветром там, наверху. Впереди всех Конопелько, за ним гуськом — остальные товарищи.

Лейтенант Виноградов схватил свой бинокль и, как был, в кителе, без ватника, без шапки, кинулся вслед за Малафеевым и Гаджиевым к рубочному люку. Кто-то из комендоров сунул Виноградову на бегу рукавицы, кто-то подал шапку-ушанку. В тесной и глубокой шахте люка, на узком трапе, будто всунутом в фабричную трубу, стояли, как в спортивной пирамиде, друг над другом, Малафеев, Гаджиев, Виноградов, а под ними — артиллеристы. Голова Виноградова почти касалась колен Гаджиева, и тот спросил задорно:

— Ну как, лейтенант?

— Порядок! Справимся, товарищ капитан 2 ранга! — ответил без колебаний Виноградов.

Малафеев открыл люк и первым выскочил наверх. Давление в лодке было выше наружного. Едва открылся люк, как во втором отсеке громко звякнули запаянные банки с галетами. Жесть, еще недавно сжатая давлением

лодочного воздуха, звучно выпрямилась, будто подтянул ее вслед за собой сжатый воздух, вырвавшийся со свистом из люка наружу. Малафеева вынесло на мостик, сбило шапку в море, волосы вздыбило. Оглянулся Малафеев, увидел Гаджиева.

— Действуй! — коротко приказал командир дивизиона и поспешил к зенитной пушке, к которой уже бежали люди.

Сторожевой корабль противника, оказавшийся всего лишь в двадцати кабельтовых справа от лодки, открыл по ней стрельбу из орудия, автоматов и крупнокалиберных пулеметов. Два катера поддерживали его своим огнем.

Заалело небо от трассирующих снарядов. Огненные шнуры протянулись от кораблей противника к всплывшей лодке. Казалось, что работали сверхмощные брандспойты, поливая подводников.

Когда Виноградов выскочил на мостик, Гаджиев с матросами возился у замка зенитной пушки. Ее смазка застыла. Замок не открывался. Из поданной снизу толстой проволоки согнули крючок и им открыли замок. Зенитную пушку развернули и прямой наводкой стали бить по ближайшему кораблю. Из горловины рубочного люка подавали наверх ящики со снарядами.

Лейтенант Виноградов и с ним вся артиллерийская прислуга спешили на свои посты. Командир носового орудия горячий и бесстрашный Чигрин стремился первым, раньше Конопельки, ударить по врагу. Но дверца носовой части ограждения ходового мостика оказалась принайтовленной, чтобы своим назойливым стуком в походе не вводить в заблуждение и не пугать зря акустика. Чигрин добрался до носового орудия, перепрыгнув через ограждение. Недаром он считался хорошим спортсменом. Вот Чигрин очутился возле своего орудия. Глянул хозяйским глазом и сразу увидел — оно неисправно! Снарядный осколок перебил рукоятку переключателя замка. Открыть замок не удастся! Орудие вышло из строя! Чигрин оглянулся, чуть не плача от досады.

— Ты что? Ранен? — спросил лейтенант Виноградов и, увидев тут же, что носовое орудие не в порядке, скомандовал:

— Всем к кормовому орудию!

Чигрин со своими артиллеристами бросились назад, к корме, где действовал Конопелько. Тот уже отдал поход-

ные крепления, принял короткие доклады от номеров артрасчета о готовности к бою и доложил управляющему огнем Виноградову. Лейтенант скомандовал:

— Огонь по сторожевику!

Виноградов поставил заряжающим у кормового орудия опытного Чигрина.

— Два всплеска по носу в двух кабельтовых от подводной лодки, — доложил сигнальщик.

— Один всплеск с недолетом пятьдесят метров по траверзу!

Враг заметно пристрелялся. Снаряды ложились кучно уже возле подводной лодки. Новый всплеск поднялся метрах в двадцати от правого борта. «Катюшу» слегка качнуло. Над морем взметнулся белый пенистый фонтан. В его каскаде радугой заиграли цветные трассы снарядов. Водяной столб медленно осел и исчез в море.

Гаджиев вцепился руками в планширь. Пальцы его побелели. Он надеялся на свои две пушки, а стрелять приходилось из одной, не считая зенитки. Однако, когда Конопелько выстрелил, досада забылась. Первый же снаряд лег вблизи сторожевика. Настроение на мостике поднялось.

Еще несколько раз выстрелил Конопелько.

— Сторожевик взят в вилку! — объявил Гаджиев и приказал: — Беглый огонь!

Еще один снаряд противника взорвался близ газоотвода правого борта. Лодку бросило, как с крутой волны.

Идея Гаджиева, дерзкая и отчаянно-смелая, претворялась в дело. Лодка вела артиллерийский бой с фашистскими кораблями.

Штурман Соболевский в горячке боя не высидел внизу, выскочил наверх, на мостик. Командир корабля тут же приказал ему вернуться на свой пост согласно расписанию по боевой тревоге. Но Соболевский уже увидел огоньки гаджиевских глаз, услышал металлические перекаты его голоса, ощутил вокруг себя и своего корабля какую-то невидимую, непроницаемую броню. Это чувствовал в тот час каждый, кто был рядом с Гаджиевым.

Те, кто были во время боя на палубе, видели все. Те, кто находились внизу, в тесных отсеках, лишь могли догадываться о том, что происходит на поверхности.

Четыре выстрела один за другим сделала кормовая пушка Конопельки. Видно было, как сторожевик стал раз-

ворачиваться. Лодка шла в это время курсом на выход из фьорда, а сторожевик двигался по траверзу правого борта на подводную лодку. Сблизились. Когда сторожевик развернулся на девяносто градусов, чтобы вести огонь из всех своих орудий, пятый выстрел Конопельки угодил ему в корму, где хранился запас глубинных бомб. К небу взметнулся огромный столб дыма и воды.

Главный враг был повержен. Уже хлопотал один из катеров, подбирая тонувших фашистов. Вмиг поредел огонь противника. Окрашенное заревом небо разом поблекло и приняло свою естественную окраску.

В отсеках лодки жадно прислушивались к тому, что происходило на палубе.

— Кажется, один отпахался! — заметил матрос Назаров, занятый на подноске снарядов.

Гул отдаленного взрыва слился с восторженными криками «ура!» Рассеялось черное облако дыма — сторожевика уже не было видно. Он навсегда исчез в морской пучине.

— Молодцы, артиллеристы! Какие же вы молодцы, орлята! — восторженно воскликнул Гаджиев, повернувшись лицом к Конопельке и его расчету. И, встретившись с ним взглядом, добавил:

— Добивайте гадов!

В ватнике нараспашку подбежал еще в начале тревоги комиссар корабля к рубочному люку, пропустил впереди себя весь артрасчет и следом за комендорами поднялся наверх. Свежий ветер пахнул в его разгоряченное лицо. Увидев командира корабля без шапки, он тут же отдал ему свою. Первое, что увидел комиссар, поднявшись наверх, это золотые блики на море, отсветы огня. Затем разглядел вражеские корабли, их огневые щупальца, протянувшиеся к подводной лодке. И когда сторожевика не стало, комиссар подумал о тех, кто оставался внизу. «Надо скорее сообщить им об успехе. Приобщить к великой радости».

Комиссар спустился вниз. Все в центральном посту бросились к нему с расспросами. И когда узнали о потоплении сторожевика, повеселели, заговорили, послышались восторженные восклицания.

— Крепко досталось фашистам!

— Силен Конопелько!

Комиссар переходил из отсека в отсек, рассказывая о результатах боя.

Все громко выражали радость первой победы. Хотелось поскорее подняться наверх, чтобы самим посмотреть картину боя. Но комиссар напомнил о дисциплине...

Назаров сидел с самого начала боя в артиллерийском погребе. Чуть рябоватое лицо матроса покрылось росинками пота. В погребе стало душно и жарко. Назаров сбросил ватную фуфайку, заботясь только об одном: не задержаться с подачей снарядов ни на секунду! Ведь и от доли секунды иной раз, он понимал, зависит в бою судьба корабля.

Русский матрос Назаров, родом из Астрахани, отлично знал татарский язык, схожий с кумыкским, на котором свободно изъяснялся Гаджиев. На корабле, во время похода, Гаджиев, встречаясь с Назаровым, непременно заговаривал по-татарски. В часы досуга, когда позволяла обстановка, даже пел с ним вместе татарские песни.

Назаров опасался, как бы не передали ему в артпогреб гаджиевского приказа:

— Больше снарядов!

Такой приказ матрос посчитал бы для себя хуже выговора. Но Гаджиев был удовлетворен подачей снарядов, а значит, и работой матроса Назарова.

Кормовое орудие продолжало бить по оставшимся катерам.

Всего минуты две назад нельзя было узнать Гаджиева. Он был в гневе. Лодка всплыла и открыла ожесточенный огонь по кораблям противника. Надо было срочно запустить дизели, чтобы занять наиболее выгодную позицию для боя.

— Один дизель запущен, другой не запускается! — доложили в центральный пост.

Командир электромеханической боевой части инженер-капитан-лейтенант Аграноник бросился в пятый отсек и увидел такое, от чего холодок невольно пробежал по его спине. Одна машина работала сверх своей мощности, а вторая еще не была запущена. Инженер сам взялся за штурвал, но не смог запустить вторую машину.

«Если сейчас и левый дизель выйдет из строя — мы останемся без движения и противник легко расстреляет нас», — ясно представил себе Аграноник.

Лодка не могла дать полный ход в самый ответствен-

ный момент боя. Об этом узнал Гаджиев. Он вихрем слетел по трапу в рубочный люк. Разыскал Аграноника, набросился на него со всем жаром.

— Чего возитесь? За нами погоня, три корабля против одного, а у вас дизель стоит!

До этого боя лодка неделю штормовала в открытом море. На продувание цистерн стравили весь сжатый воздух. Запустить дизель, казалось, было нечем.

— Думай, механик. Думай! — сдерживая гнев, сказал комдив, которому Аграноник скороговоркой доложил о своей беде. — Понимаешь, очень нужен нам полный ход. Очень!

Аграноник на секунду задумался, потом метнулся к машине. Он приказал отключить муфту и прогреть одну машину для пуска на задний ход. После прогрева включили муфту и дали полный ход назад. Дизель был запущен и даже быстрее, чем ожидал инженер. Его сметка спасла дело. Дали полный ход вперед. Остыл гнев Гаджиева. . .

Катера были сравнительно небольшой целью и потому трудноуязвимы.

— Передышки катерам не давать! Добивай гадов! — подбадривал Гаджиев артиллеристов.

У Конопельки шапка сбилась на затылок, глаза заливал пот.

— Есть! — воскликнул один из наблюдателей, а за ним хором и артиллеристы, когда с пятнадцатого выстрела фашистский катер вдруг запарил, и его не стало видно на горизонте.

— Вторая победа! — сказал Малафеев, потирая ладони.

— Последнего, последнего ущучьте! — кричал Гаджиев.

Ему было мало победы над транспортом, сторожевиком и одним катером-охотником. Он хотел потопить и последний корабль противника.

— Недорубленный лес вырастает, — приговаривал Гаджиев. — Рубить так рубить! По-североморски! Без остатка!

Огонь вели по последнему кораблю противника. Лодка стреляла, маневрируя полными ходами.

Вот и последний корабль был взят в вилку подводни-

ками. Окутанный густым облаком пара, он скрылся за мыском.

Лейтенант Виноградов закоченел на ветру. Лицо его стало синим, пальцы одеревенели и не слушались.

В течение всего боя он оставался наверху без ватника, в одном кителе и простыл настолько, что зубы стали выбивать дробь. Он едва произносил слова приказов.

— Внизу! — позвал Гаджиев, склонившись над рубочным люком. — Мой реглан на мостик!

Снизу подали меховой реглан командира дивизиона. Гаджиев укутал им Виноградова.

Виноградов только посмотрел на комдива счастливым благодарным взглядом и устало улыбнулся. Стрельба затихла. Ветром разнесло дым, стелившийся над морем.

— Погляди, полюбуйся, комиссар, какая красотища! — сказал Гаджиев, увидев показавшегося из рубочного люка боевого друга. — Теперь я спущусь вниз, поговорю с людьми.

Он спустился в люк. Соболевский, безотчетно повинуясь какому-то неведомому внутреннему порыву, рванулся к комдиву.

— Товарищ капитан 2 ранга. . .

Гаджиев не дал ему договорить, а только поднял в ответ большой палец правой руки.

— Якши. Хорошо! Да, да, хорошо! — и пошел по отсекам.

Конопелько выпустил еще несколько снарядов, хотя противника уже не было видно. Пришлось Виноградову остановить разгоряченного артиллериста. Тот, виновато поглядывая на лейтенанта, объяснял:

— Руки чешутся на проклятого фашиста! У меня за мою Украину, за детей и стариков загубленных особый счет к этим катам . . .

— Ну, старшина, — обратился комиссар к Конопельке, — за вами заметка в боевой листок!

— Есть! — ответил Конопелько. — Только какой из меня корреспондент, товарищ комиссар!

— Я вам помогу написать заметку.

— Есть! — повторил артиллерист.

Бой закончился, когда уже совсем стемнело.

— Горизонт чист! — доложил лейтенант Виноградов, завидев поднявшегося наверх Гаджиева.

Из отсеков доносилось «ура».

— Дробь! — скомандовал Малафеев. — Орудия в исходное положение! Команде — вниз!

Пожимая руку командира корабля, Гаджиев сказал:

— С таким личным составом, Кузьма Иванович, можно творить чудеса!

Лейтенант Виноградов записал в вахтенный журнал:

«Бой начался в 14 часов 30 минут 3 декабря 1941 года. Потоплены транспорт, сторожевик, катер и... секундомер».

Во время боя секундомер выпал из бокового кармана виноградовского кителя, когда лейтенант свесился над бортом, следя за всплесками вражеских снарядов.

В наружном корпусе подводной лодки отыскали несколько пулевых пробоин.

В боевой рубке на «перекур» собрались матросы. Слышались крепкие словечки.

— За семь минут — два корабля!

— А транспорт не в счет?!

— Да, три победы — это дело!

Гаджиев сказал Соболевскому:

— У вас, штурман, морской глаз!

Комдива поддержал дивизионный штурман Васильев:

— Вовремя поправил штурман доклад боцмана! Хороши мы были, если бы вылезли из воды на виду у противника с закрытым люком!

— Следить за горизонтом внимательней! — приказал Гаджиев. — У кого есть закурить?

К нему потянулось несколько рук с портсигарами. Гаджиев никогда и ничего не приберегал для себя на корабле, последнюю папиросу и ту без сожаления отдавал товарищу.

Наступило время отдохнуть Гаджиеву. Он спустился вниз, сказав на ходу:

— Лейтенанта Виноградова в каюту командира корабля!

Явился лейтенант.

— Ну как, Борис? Отогрелся? Пришел в себя? — спросил Гаджиев, назвав впервые лейтенанта по имени.

— Так точно, товарищ капитан 2 ранга.

— А может, холодно еще? — лукаво спросил комдив.

— Хорошо сегодня действовал, — сказал одобрительно командир корабля.

— Да, и хорошо, и грамотно действовали, — подтвер-

дил комдив. — Так и командующему докладывать буду: молодцы артиллеристы лейтенанта Виноградова. Ну, устал? — спросил он участливо.

— Устал, — ответил лейтенант.

— Мы с Кузьмой Ивановичем тоже малость простыли. А я так устал, будто весь день кирпичи таскал в гору, — признался Гаджиев.

Хотелось Виноградову что-нибудь сказать, но говорить он был не мастак и лишь посмотрел нежным, сыновним взглядом на обоих командиров. Дух перехватило от радости — все так хорошо получилось. . .

С главной базы получили «добро» — подводной лодке «К-3» приказано было возвращаться с боевой позиции. Гаджиев достал чемоданчик, где хранились бритвенные принадлежности, расстался со своей бородкой, отращенной в походе. Однако усов все-таки не сбрил.

— Иначе, пожалуй, и не поверят, что в море был! — шутил Гаджиев, покручивая усы.

Внешний вид его мало чем напоминал о пережитом. Постепенно забывалось, как швыряло с борта на борт, как сидели на мели под самым носом у врага, как взрывались глубинные бомбы и падали возле борта снаряды.

На переходе с позиции в базу лодка шла на большой глубине. Противник не прослушивался. Подводники стали просить Гаджиева спеть что-нибудь на аварском языке. Вместо этого он прочитал стихи, слышанные еще в детстве от бабушки.

Окончив чтение, он перевел стихи на русский язык.

Кто сегодня в бою смягчит свое сердце,
Тот мне не попутчик!
Кто воевать будет робко,
Тот тоже мне не товарищ!..

Подводники упрашивали комдива сплясать лезгинку. Командир дивизиона отказывался:

— В такой тесноте?! Лезгинке требуется прежде всего простор! . .

Утреннее эхо повторило в полярных сопках три победных выстрела. В полярном городке все услышали стрельбу. Открылись двери многих домов. Всем хотелось узнать, кто стреляет, кто вернулся домой с тремя победами? . .

Луна давно уже скрылась, ночь минула, но солнце так и не показывалось в течение суток в Заполярье, прочерчивая свой путь где-то за горизонтом. И снова на

смену затишью приходила шумливая, беспокойная погода. Штормовой ветер запевал дикие протяжные песни, а ревуны в заливе вторили ему. От сильного ветра звенели оконные стекла в казармах подводников.

После горячего душа команда «К-3» ужинала, но никому и не думалось об отдыхе. Хотелось быть как можно дольше на людях и говорить, говорить без конца.

Чувствовался большой праздник. В офицерских каютах и кубриках было шумно, людно.

Не спал и Гаджиев. Он перечитывал письма, полученные от жены с Урала и от родных из Дагестана. Дядя Али из аула Мегеб сообщал, что два его сына бьют фашистов... Катюша писала о том, что ждет не дождется встречи с любимым Керимом.

До утра писал Магомед ответные письма. Он так и заснул за столом, положив голову на руки. И во сне ему грезился морозный Урал, изба, в которой жили Катюша с дочуркой Галинкой, потом грезы перенесли его в родной Дагестан, к высоким, выше облаков, горам и узким скалистым тропам...

Военные будни

Внутри красной звезды, нарисованной на боевой рубке вернувшейся с моря подводной лодки «К-3», обозначилась первая победная цифра «3», выведенная яркой желтой краской. Открылся боевой счет потопленных кораблей противника. Цифра на рубке свидетельствовала о тяжелом ратном труде подводников, о бессонных ночах, проведенных в надводном и подводном положениях, о напряжении боевого похода, преследованиях, кислородном голодании... В этой цифре заключался боевой рапорт подводников любимой Родине. Каждый, кто проходил по пирсу, видел эту цифру и по ней судил о боеспособности экипажа корабля.

Подводников с «К-3» и их комдива награждали орденами зимой на пирсе, возле которого плескались холодные воды незамерзающего Кольского залива.

Вручал награды командующий флотом вице-адмирал Головко. Шум волн, дробившихся о пирс, смешивался со звуками духового оркестра, вызванного по случаю торжества.

На товарищеском ужине, устроенном в честь победителей, первым взял слово командующий, за ним выступили член Военного совета Николаев, командиры и политра-

ботники. Поднимались здравицы в честь Гаджиева, Малафеева, метких артиллеристов, торпедистов, вспоминали о тех, кто в море.

Весь зал громом рукоплесканий приветствовал победителей. За столами, вытянутыми в длинную линию, тесно сидели подводники, чьи кители были украшены многими боевыми орденами. Подобно морскому прибою, слышался рокот голосов.

К Гаджиеву подошел матрос Назаров и сказал что-то по-татарски. Гаджиев улыбнулся. Порывшись в кармане, Назаров извлек крошечный сверток и передал его комдиву. Тот развернул и увидел эбонитовый самодельный, тонкой работы наборный мундштук, искрившийся при свете электричества.

— Вас ценят в море! — сказал Назаров, передавая подарок комдиву.

— В горах я показал бы себя лучше, — ответил Гаджиев.

— Есть у меня для вас особое задание, товарищи победители, — сказал в конце ужина командующий флотом Гаджиеву и Малафееву.

— Какое? — в один голос воскликнули комдив и командир «К-3».

— Задание получите завтра в штабе и сразу же приступайте к подготовке людей и корабля к походу, — закончил адмирал.

В Тронхейме, на севере Норвегии, в удобном и хорошо защищенном фьорде стоял гитлеровский линкор «Тирпиц». Его командир поджидал появления в море союзного каравана, следовавшего к нашим мурманским берегам.

Для того чтобы обезвредить этого опасного противника, Гаджиев и Малафеев получили задание выйти на «К-3» к норвежскому берегу. Здесь подводная лодка должна была нести вахту на тот случай, если «Тирпиц» отважится выйти в открытое море.

На лодочном пирсе командир бригады подводных лодок и начальник политотдела провожали «К-3» в боевой поход. Подводная лодка выходила без огней, без шума, без всякой торжественности.

«Добро» на выход из гавани было получено. Лодка медленно удалялась. Сигнальщик обменялся позывными с сигнальным постом базы. Еще немного оставалось времени до того, когда исчезнут в туманной дымке свои бе-

рега и лодка останется одна среди просторов Баренцева моря.

В чистом небе не видно самолетов. Инженер-механик Аграноник доложил командиру корабля о готовности лодки к погружению и задержался на мостике. После угарного дизельного отсека хотелось надышаться свежим морским воздухом, напоенным ароматом соли, прежде чем лодка надолго уйдет под воду.

Сколько раз уходили в море воевать, но прощание с берегом заметно волновало каждого. На пирсе остались друзья, которые совсем недавно вернулись с боевых позиций или собирались на днях уходить в очередной поход.

Берега скрывались постепенно. Тюлень играл на спокойной воде, показывая временами свою лоснящуюся, будто полированную, голову. Замолкли дизели, разом оборвав свою монотонную песню. Послышался длинный ревун, что означало: «Срочное погружение!»

Погрузились. Акустик занялся привычным делом. Выслушивание «шумов» было его специальностью.

На уроках прослушивания по патефонным пластинкам, передававшим шумы кораблей различного класса, он до тонкостей научился распознавать их.

Море никогда не остается беззвучным даже на большой глубине. В гидрофоне непрерывно слышатся отдаленные шумы, какие-то трески, всхлипы, щелчки. Во время осенних походов хороший акустик без особого труда распознает движение сельдяных косяков, подслушивая своеобразный рыбий «разговор». Вот и сейчас на сосредоточенном лице акустика «К-3» написано само внимание. Он плотнее прижимает к ушам блестящие кружки наушников. От него во многом зависит, будет ли заблаговременно предупрежден командир подводной лодки о встрече с кораблями противника. . .

На вахту заступала очередная смена. Гаджиев прошел во второй отсек позавтракать. Здесь аппетитно пахло горячим какао. Розовым пятном лежало на тарелке крабовое нежное мясо. Слезился жирный тонко нарезанный сыр. . . После торопливого завтрака комдив вернулся в боевую рубку.

Теперь очередь завтракать пришла Малафееву. Он спустился во второй отсек.

Боцман стоял у рулей. Горизонтальные рули перекладываются легко и плавно. Одно лишь неприметное дви-

жение рукоятки — и лодка послушно изменяет глубину. При трех баллах волна была короткой, с гребешками. В ней нелегко противнику разглядеть перископ. Плавание протекало относительно спокойно.

Хотелось курить. Были бы сейчас на берегу, подымили бы... Но в подводном положении курить воспрещено. Нельзя отравлять воздух. Надо также помнить и о том, что аккумуляторная батарея выделяет взрывоопасный газ — водород...

Ночью всплыли. Небо было все в звездах. Виноградов стоял вахту на мостике. Он всматривался в горизонт, изломанный волнами. Ночное небо вдруг прорезала яркая ракета. Вахтенный командир тут же скомандовал: «Срочное погружение!»

Когда погрузились, Гаджиев подошел к Виноградову и спросил:

— В чем дело? Почему погрузились?

— Ракета! Товарищ капитан 2 ранга... — коротко доложил лейтенант Виноградов.

— Ракета?! Не может того быть, лейтенант! — сказал Гаджиев и тут же запросил акустика: «Не хлюпает ли там кто?»

— Горизонт чист! — был ответ.

— Пожалуй, лейтенант, вы немножечко ошиблись! — заметил Гаджиев спокойно. — Спутали метеор с ракетой! Тут их, метеоров, на Севере, до дьявола! Всплывем, командир! — обернулся Гаджиев к Малафееву.

Всплыли. И снова на мостике нес вахту Виноградов. Снова до рези в натруженных глазах всматривался он в изломанный, ершистый горизонт. Снежные заряды временами скрывали от него и море и звезды. Но лейтенанту очень хотелось первым увидеть линкор.

И снова, но на этот раз уже не ракету, а вспышку огня ясно различил Виноградов. Вспышка была далекой, но совершенно отчетливой.

«Срочное погружение!»

— Где видали огонь? По какому пеленгу? — допытывался у лейтенанта Гаджиев уже в центральном посту после погружения.

Виноградов указал пеленг. Дали полный ход. Шли долго. Никаких шумов акустик не обнаружил.

Всплыли в третий раз.

— Слева по корме перископ! — вдруг доложил наблюдатель Конопелько.

Круто отвернули от опасности. Гаджиев поднял бинокль к глазам.

— Это не перископ! Это хвост касатки! — объявил он с усмешкой.

Виноградов сменился с вахты и спустился вниз. Не прошло и минуты, как Гаджиев вновь вызвал его на мостик.

Виноградов надел теплую одежду и поднялся наверх по приказу комдива.

— Видел наконец и я ваши ракеты, лейтенант! Видел и ваш огонь! — оживленно встретил Гаджиев Виноградова. — Это метеоры и зарницы. Стойте возле меня и сами увидите!

И он показал лейтенанту его ошибку.

— Ясно?

— Ясно, товарищ капитан 2 ранга!

— Тогда ступайте отдыхать и больше нас не стращайте!

На горизонте в темноте показался небольшой конвой противника. Отчетливо виднелись транспорт и охранявшие его катера. Но приказ гласил точно: «Операцию провести скрытно! Не обнаружить себя! В атаку выходить только на «Тирпица»!»

Линкора в море не было. Он не показывался. Большие и малые советские подводные лодки караулили его на разных боевых позициях.

Долго бродила подводная лодка «К-3» в Баренцевом море. Редко кому из ее экипажа удавалось подняться наверх, подышать свежим морским воздухом. Люди жили в душных отсеках, слушали монотонную песню дизелей в надводном положении или монотонный гул электромоторов в подводном плавании.

В центральном посту было холоднее, чем в других отсеках. Здесь не помогали и электрические грелки. При каждом выдохе изо рта вылетало белое облачко, как в морозный день на улице в Полярном.

Даже на большой глубине иной раз изрядно покачивало в сильный шторм. И эта качка казалась еще нуднее, чем на поверхности моря.

Вот штурман определил по карте, что подводная лодка вышла в океан и находится вблизи Лофотенских остро-

вов... Подняли перископ. Определили свое место по береговым предметам. Гаджиев стоял у перископа. Он приказал Соболевскому вызывать матросов по одному к перископу.

— Погляди, матрос, на бережок! Небось соскучился по нему...

И каждому давал на минутку поглядеть в окуляр.

«Тирпиц» не показывался. Он отстаивался в фьорде. Там было ему спокойнее. «К-3» еще долго держалась вблизи вражеских берегов, утюжила позицию. Копилось количество бессонных ночей. Сбежали остатки румянца с лиц. На людей будто напала желтуха. Дышали часто и тяжело, широко раскрывая рты и жадно заглатывая спертый воздух. Движения становились вялыми. Нападала докучливая, неотвязчивая зевота. Чувствовалось длительное кислородное голодание. Это и были трудовые ратные будни подводников...

Штормовая погода, сменившая штиль, держалась много дней подряд. Лодку бросало с борта на борт. Злая океанская волна повышибала стекла в ограждении мостика. С противником так и не пришлось встретиться. Это огорчало не одного только Гаджиева...

Он не находил себе места. Ему нигде не сиделось. Вдруг острый нюх горца подсказал ему, что в лодке слегка запахло гарью. Он вмиг очутился в центральном посту... Командира электромеханической части инженера Аграноника на месте не оказалось.

В шторм залило электрическую подстанцию, питающую механизмы пятого отсека. Вода прорвалась через шахту подачи воздуха к дизелям. От короткого замыкания загорелись оплетневка кабелей, обшивка корпуса, пробка и краска. Было и без того душно, а теперь по всем отсекам потянуло едким запахом гари. Люди надели спасательные приборы. В пятом отсеке уже работали с огнетушителями. По лодке передали: «Пожар в пятом отсеке».

Командир электромеханической части инженер Аграноник, заметив пожар, бросился из центрального поста в пятый отсек. Он скомандовал, задыхаясь от дыма и смрада:

— Обесточить отсек!

Сразу отключили электропитание, чтобы не дать пожару распространиться по кораблю, остановили дизели.

Слышался шум разряжаемых огнетушителей. Шипела пена, сбивая огонь. Густой, черный дым заполнил пятый

отсек. Несколько человек угорели и лишились чувств. Врач и матросы вынесли пострадавших во второй отсек и оказывали им там первую помощь.

Не найдя Аграноника на месте в центральном посту, Гаджиев поспешил к месту пожара. Комдив не вмешивался в распоряжения инженер-механика, а только внимательно следил за каждым его приказанием.

Пожар был вскоре ликвидирован. Аграноник распорядился пустить в ход вентиляторы. Его нежное, как у девушки, лицо стало черным, и только сверкали белизной зубы да белки глаз. Он утирался носовым платком, и платок становился черным.

На палубе валялась раскиданная матросская одежда, которой второпях тушили огонь. Валялись маты, разряженные огнетушители. . .

Аграноник проверил систему погружения — она оказалась в полном порядке. Когда он возвратился в центральный пост, к нему подошел комдив.

— Почему вас не оказалось на вашем командном посту во время пожарной тревоги? — строго спросил Гаджиев. — Кто разрешил вам покинуть центральный пост?

— Товарищ капитан 2 ранга, с объявлением пожарной тревоги переговорные трубы оказались задраенными, — объяснял Аграноник. — Голосовая связь оборвалась. Я принял решение лично руководить тушением пожара. В центральном посту оставался мой боевой заместитель. . .

— Не по уставу действуете! Не по уставу! — сказал Гаджиев, но металлических ноток в его голосе уже не чувствовалось. — С пожаром справились быстро и толково. Но об уставе забывать все же не следует, — стараясь сохранить строгость, предупредил комдив, отправляя Аграноника на отдых.

Было решено не покидать позиции, а ходить переменными курсами в ожидании линкора. Но «Тирпица» все не было. . .

Гаджиев повернул подводную лодку к родным берегам лишь после того, как получил приказание командующего флотом.

На пирсе, как и всегда при встрече возвращающейся из боевого похода подводной лодки, было людно. Подали трап. Подводники, обросшие бородами, усатые, поднимались из рубочного люка. И даже терпкий запах морской

тины, осевшей на прибрежных камнях во время отлива, был приятен и дорог каждому, вернувшемуся издалека.

Командующий выслушал рапорт и поздравил Гаджиева и весь экипаж с благополучным возвращением. Гаджиев молчал. Он был явно расстроен «пустым» походом. Кто-то из встречавших сказал, чтобы развеселить комдива:

— Когда Гаджиев приходит домой без выстрела, он лишается дара речи.

Гаджиев и дня не оставался в базе. На следующий день он снова уходил в море на другой подводной лодке своего дивизиона. Он уходил за победой.

Снова в море

Репродукторы передавали знакомую песню:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море...

На мостике подводной лодки «К-21», отдававшей швартовы, рядом с Гаджиевым стоял ее командир Герой Советского Союза капитан 2 ранга Николай Лунин. Он впервые шел в море на одной из гаджиевских лодок. Вот почему с ним шел и командир дивизиона «Катюш». До этого похода Лунин командовал подводной лодкой другого класса.

Было время, когда и с Гаджиевым так же, но только в мирной обстановке, на Тихом океане ходил командир дивизиона. «Обеспечивающему» надо проявлять в походе много такта. Тогда молодому подводнику Гаджиеву не очень нравилась опека начальства. Он настороженно и мнительно прислушивался ко всему, что говорил на корабле командир дивизиона. Казалось Магомеду: а не умаляют ли его достоинства как командира корабля? Он сдерживал свой пылкий характер, чтобы в полном согласии с комдивом довести подводную лодку до места назначения без происшествий. Он отлично знал Корабельный устав Военно-Морского Флота СССР. Ему хорошо запомнилась статья из этого устава: «Если флагман, находящийся на корабле, признает необходимым взять на себя непосредственное управление кораблем или его маневрами, то он тем самым принимает на себя и всю вытекающую из этого ответственность. . .»

Случилось это задолго до Отечественной войны в море, между бухтой Находка и Владивостоком. Командир диви-

зиона, «обеспечивавший» Гаджиева в походе, вдруг сказал:

— Командир, мы идем по учебным полигонам! Под нами могут быть наши лодки.

— Товарищ комдив, я иду правильно! — доложил Гаджиев несколько обиженно.

Прошли еще немного, комдив повторил свое предупреждение, приказав:

— Отверните влево!

— Я командую лодкой. Я иду правильно, — ответил Гаджиев, вспыхнув.

— Вы идете по полигонам! Отверните влево!

— Значит, вы будете командовать кораблем? .. Вниз! — крикнул в открытый рубочный люк Гаджиев. — Записать! «В командование кораблем вступает командир дивизиона».

Лодку повел командир дивизиона.

Перед подходом к месту назначения командир дивизиона приказал:

— Внизу! Записать! «В командование кораблем вступает командир корабля!»

Гаджиев помнил этот случай и на войне в каждом походе. Он старался никак не показать своего превосходства в знании и опыте никому из «обеспечиваемых» командиров. Лунин до войны много и долго плавал на транспортах советского торгового флота, исходил десятки тысяч миль по морям и океанам. Ему у Гаджиева было чему поучиться, как у опытного подводника. И в то же время Гаджиев знал Лунина как отличного моряка, Героя Советского Союза, уже много раз топившего вражеские корабли. Тем больше такта должен был проявить командир дивизиона, идя вместе с таким моряком на одном корабле. . .

Для обеспечения всей механической части корабля в поход с Луниным отправлялся любимец Гаджиева инженер-капитан 3 ранга Трофимов, удивительно аккуратный, на редкость невозмутимый человек и большой знаток техники. Он любил машины и приучал подчиненных беречь механизмы, заботиться о них, помогая тем самым добиваться победы. Подобно своему начальнику Гаджиеву, Трофимов говорил матросам и старшинам:

— О службе моториста я сужу так: хорошо работают моторы — значит, хорошо служат Родине мотористы. . .

Незадолго до начала походов Гаджиев зашел в каюту к Трофимову, квартировавшему на берегу.

Увидев на груди Гаджиева сверкавший золотом новенький орден Красного Знамени, Трофимов поздравил подводника с высокой правительственной наградой.

— Спасибо. Это и мой и твой орден, — сказал Гаджиев. — Я пришел к тебе, чтобы сообщить: вместе идем в операцию.

— Есть, товарищ капитан 2 ранга! — отрапортовал Трофимов.

— Тогда собирайся! — прервал Гаджиев.

Он больше всего опасался длительных поздравлений или какого-нибудь повышенного внимания к себе.

...За кормой стелилась бурливая дорожка. Боевой поход манил неизвестностью. «Чижик», как называли барометр на лодке, допрыгался до снегопада. В начале похода «К-21» «обеспечивала» переход нашего каравана транспортов, а потом пошла самостоятельно на свою боевую позицию. Снежные космы застилали путь, мешая поиску противника. На триста шестьдесят градусов не видно было ничего в море.

— Вытянутой руки не видать, вот так погодка! — сказал Гаджиев стоявшему рядом Лунину.

И только сказал это, как вдруг снежный заряд пронесло и вахтенный командир доложил:

— Прямо по носу три миноносца противника типа «Галстер»... следуют контркурсом...

Лунин скомандовал:

— Всем вниз! Торпедные аппараты, товсь! Приготовиться к срочному погружению!

Гаджиев удивился. Таких команд он что-то не слыхивал за все время своей военно-морской службы. «Приготовиться к срочному погружению!..»

Силуэты миноносцев виднелись уже отчетливо, а лодка не погружалась. Гаджиев начал нервничать, поглядывая на корабли. Надо было срочно, немедленно погружаться... Гаджиев едва сдерживал себя, он не знал о том, что незадолго до появления на горизонте миноносцев противника Лунин послал двух матросов околоть накипь в приводах верхних захлопок глушителей. Матросы работали наверху. Погрузиться срочно — значило потерять этих самоотверженных моряков, работавших сейчас в

трудных, опасных условиях и рисковавших ежеминутно сорваться в море, пропасть наверняка.

Миноносцы заметно приближались. С каждой минутой сокращалось расстояние между ними и лодкой.

— Побыстрей! Побыстрей! Шевелись! — послышался голос Лунина, стоявшего с Гаджиевым возле верхней крышки рубочного люка. Гаджиев покусывал губы.

Услышав шуршание резиновых комбинезонов торопившихся к люку матросов, Гаджиев все понял и тут же спустился вниз.

Подводная лодка стремительно пошла на глубину по команде «Срочное погружение!»

— Гора с плеч свалилась, — сказал Гаджиев, глубоко вздохнув, когда прибор показал большую глубину. — Какие-то секунды спасли нас от верного тарана. . .

Подводная лодка шла зигзагами, петлями, ныряла, подвсплывала, вновь уходила на большую глубину, меняла ходы, чтобы сбить противника с толку, скорее оторваться от преследователей. Вот разрывы глубинных бомб стали постепенно удаляться, они различались уже только акустиком, и то в большом отдалении. Когда обманутые Луниным фашистские корабли перестали прослушиваться даже акустиком, Гаджиев предложил подвсплыть, оглядеться и сообщить командованию о встрече с миноносцами противника.

Всплыли. Послышалось знакомое «ти-та, ти-та». . . Радист связался с берегом. Штаб Северного флота был своевременно предупрежден об опасности, грозившей нашему морскому каравану.

Вновь погрузились на перископную глубину. Назавтра радист вывесил боевой листок в центральном посту для всеобщего обозрения. В листке сообщалось, что три миноносца противника уже настигнуты нашими надводными силами. Идет бой. Один из фашистских пиратов охвачен огнем. . .

Так Гаджиев с Луниным навели наши надводные корабли на вражеские миноносцы. Не удалось им поживиться транспортами, следовавшими с ценными для фронта грузами в один из советских портов. . .

Неожиданно инженер Трофимов доложил Гаджиеву о том, что отказал один из механизмов. Надо было срочно возвращаться в базу.

— Доложите командиру корабля! — приказал Трофимову Гаджиев.

Лунин обследовал положение корабля и обратился к Гаджиеву:

— Плавать далее в таком состоянии нельзя!

— Инженеры, может быть, и правы, — сказал Гаджиев, выслушав подробный рапорт командира корабля. — Нас никто не осудит, если вернемся на базу. Но проситься домой для меня... смерть! (Гаджиев провел пятерней по горлу). Вы, товарищи инженеры, — обратился он к Трофимову и к командиру пятой боевой части, — посоветуйтесь со старослужащими! И не такие трудности большевики одолевали.

В конце концов механики нашли способ отремонтировать лодку. Остались на позиции и очень скоро обнаружили крупный транспорт противника, шедший в охранении военных кораблей.

Торпеды, пущенные Луниным, достигли своей цели. Было замечено в перископ, как погружался торпедированный транспорт.

— Скоро начнется байрам!—шутливо сказал Гаджиев.

— Осмотреться по отсекам! — скомандовал Лунин.

Это был сигнал ко всяким неожиданностям во время возможного преследования противником.

— Хоп! — произнес дивизионный механик Трофимов, прислушиваясь к первому разрыву глубинной бомбы. Гаджиев глянул на своего любимца, подмигнул ему и сказал шутливо:

— Не робей, воробей, не пропадем!

Лодку встряхивало. Опять переглядывались люди. Каждому хотелось видеть в это время соседа: «А как он переживает? Как на него влияет бомбежка?» Влияла поразному. Одни становились чуть бледнее обычного, другие вытирали росинки пота, выступавшие на лбу и на кончике носа.

— Надо привыкать, инженер, — сказал Гаджиев Трофимову. — Война есть война, служба есть служба!

Настроение стало ровным, спокойным у всех, когда преследование прекратилось. Кто-то вспомнил о прежних гаджиевских походах. Трофимов сказал:

— Наш комдив нападает, как лев!

— Как волк, — поправил его Гаджиев. — В наших понятиях, понятиях горцев, волк не так уж плох, как его

рисуют другие народы. У нас, в дагестанских сказках, он зверь поэтический. Он идет часто на более сильного противника, чем сам. Недостаток своей силы заменяет отвагой, ловкостью, дерзостью. Бродит в темную ночь вокруг аула или отары. От пастухов и собак ему грозит верная смерть. Попав в беду, он умирает молча, не выражая ни страха, ни боли. У нас, горцев, про темную ночь принято говорить: это — волчья ночь! В такую ночь ни волкам, ни молодцам не спится. Мы — подводники-североморцы — немного похожи на наших горских волков. Бродим в ночных потемках на боевых позициях у вражеских берегов под самыми батареями противника, под носом у стай противолодочных катеров. Они посильнее кавказских овчарок... Мы нападаем на караваны, прорываем кольцо охранения. Нас засыпают глубинными бомбами, ныряющими снарядами, против нас выставляют минные барражи. Нас поминутно подстерегает смерть. Одна подводная лодка выходит против многих кораблей. Недостаток силы мы заменяем отвагой, ловкостью, дерзостью. Ну, а если попадешь в безысходную беду, погибнешь молча, не выразив ни страха, ни боли...

Подводники подхватили охотничью тему. Каждый изощрялся, как мог. В завершение Гаджиев вспомнил о том, что о его родном ауле Мегеб гуляла некогда дурная слава в Гунибском районе. Что бы смешного ни случилось в горах, все обязательно валили на мегебцев. Говорили, что в Мегебе вода дурная и потому люди дурные. Рассказывали, что волк схватил однажды барана из отары и скрылся с добычей в ущелье. Хозяин барана — мегебец — был в большом огорчении и долго думал над тем, как насолить дерзкому волку. Наконец придумал — вышел из аула, стал над пропастью и крикнул громко, чтобы слышали в нижних аулах:

— Эй, тлалукцы и цельмесовцы! Не давайте проклятому огня и кастрюль! Посмотрим тогда, как он будет варить барашка!

Подводники смеялись от души, слушая комдива. Было весело, ведь шли домой «с выстрелом».

Обед был неожиданно прерван несколькими глухими взрывами и торопливым докладом акустика:

— Слышу мотоботы!

Разрывы глубинных бомб так же быстро прекратились, как и начались. Прошло минут пятнадцать, вокруг все

затихло. Лунин посмотрел на Гаджиева, вспомнил его боевой задор и подумал: «Я воюю осторожно, а если пру напролом, то наверняка. Гаджиев воюет смелее меня. . .»

И как бы в подтверждение этой мысли Гаджиев сказал Лунину:

— Всплывем, командир, поздороваемся с мотоботами. . . Добудем «языка»!

— Товарищ командир дивизиона, — усомнился Лунин. — А вдруг миноносцы? Знаем мы эти мотоботики! Один акустик так же доложил: «Мотоботы!» Командир всплыл, видит не ботишки, а транспорт на восемь тысяч тонн. «Вот какие пошли теперь мотоботики!» — сказал командир и потопил транспорт.

— Мышь играет в сарае, где нет кошки, — есть такая лакская поговорка, — заметил Гаджиев. — Хотелось бы, чтобы вместо мотоботов оказались транспорты, да покрупнее тоннажем. Хороший был бы доклад командующему.

Всплыли под перископ. На море не было видно ни одного корабля. Возможно, что мотоботы, камуфлированные под полосатую окраску берега, сливались с ним.

Кок, размахивая поварешкой, настойчиво приглашал покончить с начатым обедом. Улучив момент, он спросил у Гаджиева:

— Товарищ капитан 2 ранга, прошу прощения, скажите, было ли вам когда-нибудь страшно? Я вот спорю с ребятами. Говорю, бесстрашных людей нет!

— Да, было! — ответил Гаджиев без стеснения.

— Ну вот, что я говорил! — воскликнул обрадованный кок. — Когда же вам было страшно, товарищ комдив?

— Сегодня.

— Ну вот, что я говорил! . . Во время бомбежки, товарищ капитан 2 ранга? Она на меня тоже сильно влияла. Ребята, значит, зря надо мной смеялись. . .

— Нет, не во время бомбежки. Страшновато мне было, когда стояли мы в бездействии, дожидаясь матросов, занятых на околке накипи. Самое страшное на войне ждать и бездействовать.

Позднее кок говорил матросу-торпедисту, исполнявшему одновременно обязанности вестового:

— Силен наш комдив! Не бомбежки страшится, а вынужденного бездействия. Вот характер!

Гаджиев и Лунин вели горячий разговор о взаимодействии нашей авиации и подводных лодок.

— Наладим взаимодействие, станем по-другому воевать! Точно говорю! — пророчил Гаджиев, уверенный в своей правоте.

На родном берегу Гаджиева и Лунина, как водится, атаковали корреспонденты военных газет. Расспрашивали о завершенном походе, об отличившихся, фотографировали подводников, вернувшихся с моря.

Гаджиев отвечал неохотно, односложно.

— Хитрого ничего не было. Искали. Нашли. Утопили. Имели преследование. Ушли. Экипаж здоров. Механизмы в исправности.

Такое интервью никак не устраивало корреспондентов.

— С народом поговорите! — советовал Гаджиев. — С торпедистами, боцманом, мотористами... Покажите, как народ наш воюет. Могу сказать одно: чтобы хорошо воевать, надо учиться так, будто проживешь сто лет, а жить так, будто умрешь завтра...

Гаджиев достал свой пайковый шоколад и угостил собравшихся. Увидав Трофимова, обрадовался:

— Вот с кем поговорите, товарищи корреспонденты! Это он доложил, что механизмы на лодке не в порядке. Но потолковал с народом, разобрались, как устранить неисправности, — и что же? Потопили транспорт противника. Ушли бы мы без времени домой — тю-тю победа! Будем всегда учиться у народа. Об этом и пишите!

Герои бессмертны

Колышкин был ошеломлен тяжелым известием о гибели жены в ленинградской блокаде. Никогда не думал герой, провожая жену на юг перед началом войны, что больше уже не придется свидеться. Никогда не думал, что не увидит больше Гаджиева...

— Ну что, Миша, как тут наш Магомед? — спросил Колышкин друга Михаила Августиновича, придя в базу, из боевого похода.

— Магомед в море! — был ответ.

Первое мая 1942 года Гаджиев и его люди провели в ратном труде. Вся страна работала в этот весенний праздник, отдавая свои силы фронту.

Гаджиев ушел в море.

За короткий срок подводные лодки его дивизиона потопили большое количество вражеских кораблей. Один поход был рискованнее другого...

Однажды не вернулись товарищи с боевой позиции. Не вернулись те, с кем Магомед часто встречался на причалах, в Доме флота, с которыми дышал одним воздухом, жил одной жизнью.

— Погибли лучшие мои товарищи. Ни одной минуты не могу оставаться на берегу, — говорил Гаджиев. И, вспомнив о тех, кто не вернулся с моря, добавил: — Погибнуть с честью в бою — это значит надолго остаться в памяти людей и после своей смерти.

. . .Апрельской ночью 1942 года телефонный звонок разбудил Гаджиева. На командном пункте он узнал, куда посылают его с подводной лодкой.

— В следующем походе будете воевать во взаимодействии с нашей авиацией, — обещал начальник штаба Скорохватов. — Ждем вас с победой.

Уходили в непогоду. И снова вою ветра помогали ревуны, надрывно голося, предупреждая моряков о близости скалистого берега.

Густой туман накрыл всю главную базу флота. Перестали бегать по заливу юркие катера, перестали тревожить полярную тишину частыми пронзительными сигналами.

Гаджиев уже несколько недель был в море. От него не поступало никаких известий. Это не вызывало особой тревоги. Большие крейсерские лодки из дивизиона Гаджиева уходили обычно в море надолго. Их походы продолжались иногда свыше месяца. . .

В мае солнце согнало местами снег с каменистых берегов Мурмана. С гор стекали шумные веселые ручейки талой воды.

По подсчетам опытных механиков, уже кончился запас соляра и пресной воды на корабле Гаджиева, но он не возвращался. . . Уже все сроки возможного возвращения истекли.

Он был душевным товарищем, взыскательным и строгим, но справедливым начальником. О его бесстрашии ходили на Подплаве легенды.

Гаджиев любил дисциплину. Он считал, что в воспитательной работе необходимо как можно больше уважать человека и как можно больше предъявлять к нему требований. Гаджиев говорил: «Раз от человека много требуют, значит его уважают!».

Он любил повторять никем не писанное стародавнее правило подводников: «Командир подводной лодки должен обладать достоинствами старого рыболова, спокойствием следопыта, предприимчивостью охотника, хладнокровием опытного моряка, пылким воображением романиста и здравым смыслом делового человека».

Первые походы Гаджиева, в которых он нередко применял артиллерию, не были ухарством. Они были строго рассчитаны. Но, когда противник стал придавать своим транспортным судам сильное охранение, тогда и Гаджиев главным образом использовал в бою только торпедное оружие.

Подводники по телефону и при встречах осаждали тревожными вопросами начальника штаба и оперативного дежурного бригады подводных лодок. Все часто поглядывали на мысок, из-за которого могла показаться большая подводная лодка гаджиевского дивизиона. Вспоминали ушедших вместе с Гаджиевым товарищей: командира лодки Потапова, комиссара Галкина и других, с кем сжились и сроднились за долгие месяцы войны.

Нетерпение и тревога нарастали с каждым часом.

— Ну как? Есть что-нибудь от Магомеда? — то и дело спрашивали оперативного дежурного по телефону.

— Что с Магомедом? Что с товарищами? — волновались североморцы.

Не находил себе места командир береговой базы подводников капитан 3 ранга Морденко — друг Гаджиева. Бывало к возвращению Магомеда из боевого похода Морденко обязательно припасал соленый кавказский сыр — пиндир, красного сухого вина и, конечно же, головку чесноку. . .

Писарь, старшина 1 статьи Захаров, выполнявший обязанности почтальона бригады, собрал уже большую пачку писем для Гаджиева и его соратников и не знал, что с ними делать. Раздавать почту было некому. Бывало, приходя с моря, Гаджиев непременно звонил писарю:

— Ну как, товарищ Захаров? Нет ли писем от моей Катюши?

Как-то целую неделю бесновался штормовой ветер, переметая сугробы под окном. Снежные захлесты стучались в оконные стекла. Ветер запорошил подоконники и заровнял дороги и тропинки.

— Неуютно сейчас в море, — говорил Гаджиев, прислушиваясь к завываниям пурги.

Он и на береговой базе всегда помнил о тех, кто в море.

Магомед схватывал мысль собеседника на лету. Его обижал хотя бы слабый намек на недоверие. Тогда сдвигались черные брови, поджимались и становились тонкими и злыми губы — они и выдавали настроение Гаджиева. Чувствовалось, что струна натянулась слишком туго. . .

— Ерунда! Совсем не так! — перебивал он горячо собеседника, если считал правым себя.

Гаджиев никогда не приходил к начальнику штаба капитану 1 ранга Скорохватову попусту, не выпрашивал у него позиции для своих лодок «похлебнее», где можно легко отличиться, больше набить транспортов.

Скорохватов указывал ему очередную боевую позицию. Гаджиев говорил: «Есть!» — и уходил из командного пункта готовить лодку своего дивизиона к новому походу. Но горячие разговоры возникали у них порой по поводу того, где ставить лодки, вернувшиеся с моря. Хотелось командиру дивизиона «Катюш», чтобы они стояли там, где полюднее и веселее для экипажей. Напрасно доказывал ему начальник штаба, что пирсы, дескать, не резиновые, они не растягиваются, что на бригаде не один только дивизион Гаджиева, надо подумать и о других. . . Гаджиев вылетал из подземного кабинета разгоряченный, но потом, через час-другой, встречаясь вновь по делу со Скорохватовым, как ни в чем не бывало продолжал с ним беседу, вспоминал, как служили вместе на Дальнем Востоке или пускался в воспоминания о любимом своем Дагестане. . .

За эту отходчивость очень любили его моряки.

Командиры подводных лодок и дивизионов жили в одном коридоре и часто встречались друг с другом. Когда командир лодки возвращался из похода, к нему в каюту на базе набивалось столько офицеров, что трудно было поместиться даже стоя. Комдив «Катюш» Гаджиев и комдив «Малюток» Морозов брали в руки гармони, и вмиг замолкал многоголосый разговор — все слушали лихих гармонистов.

Захаживал к Гаджиеву и командир дивизиона «Щук» Колышкин, старейший североморец, чтобы поздравить с очередной победой или поделиться своими новостями

Рассказывал Магомеду, кого из своих подчиненных представляет к награде, а на кого налагает взыскание. Гаджиев иногда вставлял реплики:

— Это зря, комдив! Я его знаю, вместе с ним плавал! Он неплохой моряк!

Или, наоборот, советовал увеличить степень взыскания:

— Мало даешь, комдив! Дай ему все, что можешь! И я с ним повозился немало!

На кораблях Гаджиева объединились люди из разных советских республик, краев и областей. На их бескозырках сверкали золотом слова: «Подводные силы СФ». Люди в тельняшках, напоминающих своими синими полосами бегущие ряды волн, ласково называли друг друга «годками», потому что вместе, в один и тот же год, начинали военно-морскую службу. Русский командир Кузьма Иванович Малафеев, украинец Шуйский, аварец Гаджиев, еврей Аграноник воевали на одном корабле, как верные сыны своей великой советской Родины.

После долгих боевых походов, когда лодка приближалась к родным берегам, Гаджиев вызывал иногда матросов к окуляру перископа и говорил:

— А ну, матрос, погляди на бережок! Давно не видел! Соскучился небось!

Гаджиев знал, что сколько ни плавай, но всегда радостен будет моряку берег, пусть и на самом крайнем, суровом Севере, как дорога человеку даже самая строгая мать.

Обойдя многие моря и земли, он одинаково любил советские просторы. На Севере он стал патриотом Заполярья, полюбив его всей душой. Он говорил:

— Я потому люблю Север, что он мне Дагестан напоминает своими горами!

Из родного Гунибского района Керим принес с собой на флот беззаветную храбрость горца, его жажду битвы с врагом, каким бы сильным он ни казался. Он принес с собой на флот с высоких гор Мегеба аварскую честь и вежливость, ловкость и выносливость и, конечно, всю пылкость своего характера.

Видя неправоту, он не стеснялся сказать начальству:

— Разрешите доложить, это не так!

Возвращался из похода всегда в промокшей одежде. Мотористы из особой любви к нему, когда это представ-

лялось возможным, сушили в походе его бурки и комбинезон.

Он выслушивал терпеливо каждого, скупился на жесты, но когда входил в раж, то горячо доказывал свою правоту.

Будучи небольшого роста, он ходил большими шагами. Дюжие моряки едва поспевали за ним на пирсе и в сопках. Так шагал он и по жизни крупными шагами, оставив после себя заметный след.

Его примечали издали:

— Это идет Гаджиев!

Зимой на береговой базе становилось скользко. Друзья предупреждали его во время гололедицы:

— Не ходи, Магомед, упадешь!

— Но-но-но! Я же дагестанец! — отвечал Магомед. — Стыдно горцу падать в полярных сопках.

...Случайно в боевой поход с Гаджиевым не попал инженер-механик Трофимов. Обещал Гаджиев вызвать его на лодку, но так и не вызвал. Зря прождал его одетый по-походному инженер. Обошлись, значит, без него...

Трофимову часто казалось: вот-вот откроется размашисто дверь и, как всегда оживленный, веселый, войдет Магомед в походном комбинезоне, держа в руке маленький чемодан, и простится у порога чуть-чуть задорно:

— Ну, Трофимыч, будь здоров! Я пошел воевать!

Подводные лодки возвращались с моря, швартовались, из рубочных люков поднимались утомленные долгим пребыванием в отсеках люди. Их радостно встречали боевые друзья. Но лодки, на которой ушел Гаджиев, не было... Радисты вызывали ее каждый день в условный час, она не откликалась.

В души моряков заползало беспокойство... И вспоминались боевым друзьям Гаджиева его темно-серые с просинью глаза, окаймленные черными длинными ресницами, его прямой и короткий нос, чуть выдающийся вперед подбородок, придававший лицу выражение решительности и мужества...

У писаря все росла стопа писем для Гаджиева.

— Я спросил, — вспоминал о Гаджиеве его старый друг Гриша Морденко, — скажи, Магомед, если бы тебе дали возможность снова начать жизнь, кем бы ты захотел быть тогда?

— Конечно, подводником, конечно, моряком! — ответил Магомед не задумываясь.

Солнце светило уже круглосуточно. На базе все еще поджидали возвращения Гаджиева. Верили и надеялись, что вот-вот покажется из-за мыса знакомый силуэт подводного корабля под флагом командира дивизиона любимца Северного флота Гаджиева.

Наступило уже тринадцатое мая — от Гаджиева известий не было. Когда беспокойство достигло предела, на Северном флоте получили короткое и крайне тревожное сообщение с подводной лодки Гаджиева. Это была шифрограмма, столбики цифр, за которыми таилась страшная разгадка.

В шифрограмме сообщалось:

«Уничтожил торпедами транспорт противника. . . Потопил артиллерией два сторожевика. . . Имею значительные повреждения. . . Погружаться не могу. . . Прошу. . .»

О чем просил Гаджиев, так и осталось неизвестным. . . Больше никакой радиосвязи с Гаджиевым установить не удалось. Однако в базе подводников Северного флота все еще теплилась надежда:

— Гаджиев придет! Вернутся орлы! Вернется комиссар Николай Галкин! . .

Но они не вернулись.

13 мая густым непроглядным туманом накрыло берега Мурмана. Нельзя было разглядеть ни скал, ни домов, ни причалов, ни кораблей. . . Но в море стояла ясная погода, и Гаджиев вел свой последний бой с врагом. Подводная лодка всплыла на виду у противника.

Не в первый раз добывал Гаджиев внезапную победу. Не в первый, а в пятый раз всплывал на виду у ошеломленного противника, наводя на него панику.

В неравном бою были потоплены подводниками три корабля.

Это был последний удар по врагу капитана второго ранга Гаджиева.

Тяжко было его жене, дочери, всему Дагестану, всей нашей стране узнать о гибели Магомеда и его товарищей.

Радио передало указ Советского правительства о присвоении звания Героя Советского Союза Магомеду Имадутдиновичу Гаджиеву.

Золотой Звезды не вручали герою: его уже не было в живых.

За короткий срок его дивизион потопил двадцать семь транспортов и кораблей противника. Из них десять транспортов и кораблей были потоплены при участии самого командира дивизиона Гаджиева.

«Магомед Имадутдинович был благородным воином, — писали североморцы-подводники землякам Гаджиева в Дагестан, — его пылкое сердце было полно нежной любви к Родине и неутомимой ненависти к ее заклятым врагам — фашистским варварам.

...Жизнерадостность, простота, человечность, отеческая забота о подчиненных, справедливая взыскательность и непримиримость к недостаткам отличали Гаджиева.

За все это Гаджиева любили, Гаджиеву верили, за Гаджиевым шли в огонь и в воду.

...Торпедные атаки, артиллерийские дуэли и минные постановки Магомеда Гаджиева служат для нас постоянным образцом того, как надо воевать.

Пройдут годы и десятилетия, залечатся раны, нанесенные нашему народу фашистскими варварами, но никогда не померкнет в наших сердцах светлый образ Магомеда Гаджиева. Бессмертно его имя...»

Стояли сорокаградусные морозы. Семье Гаджиева, эвакуировавшейся в Чкаловскую область, жилось, как и всем в то время, нелегко. И особенно тяжело было узнать вдалеке о гибели мужа и отца-героя.

Наступал великий праздник — годовщина Октябрьской революции, первый праздник без Магомеда. Галинка спрашивала мать:

— Пришлет ли папка к празднику подарки?

Мать отмалчивалась, не хотела говорить дочери жестокую правду. В комнате было холодно и неуютно. В дверь Гаджиевых постучали. Вошел офицер флота, отряхивая с шинели блестки снега. В руках у него была посылка. Ее прислали с Северного флота от бригады подводников, где служил Гаджиев. В посылке был шоколад и многое такое, чего не сыскать в то время во всем Чкалове... Растроганная вниманием, жена Гаджиева написала об этом Муртазали в Буйнакск. Старик разволновался. Он непременно хотел узнать: какие хорошие люди вспомнили о семье Магомеда в такое тяжелое время?

Он собирался ответить тем хорошим людям своим подарком, как принято в Дагестане...

...На Север пришла долгожданная весна 1945 года. Враг был разгромлен на всех фронтах. Страна отпраздновала День Победы.

В те дни, когда воздвигали памятник героям на дворе Подплава Северного флота, далеко на юге, в ауле Мегебе, отдыхал после третьего тяжелого ранения Герой Советского Союза майор гвардеец Магомед Гамзатов, троюродный брат Магомеда Гаджиева. Воинственный аварский народ дал на защиту Родины из одного лишь Мегеба двух Героев Советского Союза — братьев по духу и крови.

Магомед Гаджиев первым из дагестанцев был награжден орденом Ленина — высшей наградой страны и первым из дагестанцев заслужил высокое звание Героя Советского Союза.

Поэты сложили песни о морском богатыре. Боевое имя Гаджиева, как знамя, было присвоено многим заводам, фабрикам, пароходам, улицам городов, клубам и школам, бронепоездам и танковым соединениям.

В далеком городе Мурманской области, откуда выходил в бои Гаджиев, есть ныне улица его имени. Там живут молодые североморцы, которые свято чтут память о герое.

В Мегебе открыли клуб имени Гаджиева. В день открытия клуба старик-горец сказал:

— Наш земляк Магомед Гаджиев погиб в битве с врагом. У нас в горах принято стойко выполнять взятое на себя обязательство, хотя бы тебе грозила смерть. Гаджиев храбро дрался и многих врагов уничтожил в далеком студеном море. Мы не видим любимого героя на нашем торжественном колхозном собрании. Но Гаджиев с нами! Знамя, выпавшее из его рук, подхвачено Героями Социалистического Труда, нашими колхозными тружениками. Когда Магомед был ребенком, его унесло сильным порывом ветра с крутой скалы в пропасть, но он уцелел. Когда возмужал горец и стал знаменитым моряком, его унесло от нас ветром войны. Но наш Магомед жив! Его никто не видел мертвым! Герои бессмертны!

Так рождалась легенда. И ее передавали из аула в аул.

ЗАЛП В «ТИРПИЦА»

Получилось так, что подводная лодка «К-21», которой командовал коммунист Лунин, давно не стреляла по врагу. Ее экипаж рвался в море. У лунинцев новых побед не было. Их уже догоняли по числу потопленных кораблей врага экипажи других подводных лодок. Это невольно подхлестывало Лунина и весь личный состав «К-21».

День и ночь грузили на подводную лодку боезапас, соляр, продовольствие. Бережно опускались вниз сигарообразные торпеды. Эти плавающие и самодвижущиеся снаряды кончали свой век вместе с вражеским кораблем в случае удачной атаки подводников.

Грузились и артиллерийские снаряды. Множилось «хозяйство» управляющего огнем, артиллериста и торпедиста, всегда веселого, жизнерадостного и совсем еще юного Владимира Ужаровского.

Инженер-механик со своими помощниками, низко пригибаясь, обошел отсеки, осмотрел их в последний раз перед выходом корабля в море. Час разлуки с родной гаванью, с товарищами наступил.

Было тепло и удивительно тихо. Далекими казались война, огонь и дым ее пожаров, кровь и смерть... А война начиналась тут же неподалеку, за конечным мысом, вдающимся в Баренцево море. Во время налетов противника, когда на сигнальном посту поднимался черно-желтый флаг «Твердо», что означало: «Самолеты противника в воздухе», слышались взрывы фугасок, стрельба зениток и главного калибра орудий кораблей, стоявших в гавани. Дребезжали стекла во всех домах военного городка. В голубом и ярком небе появлялись

ясные, будто тонко писанные грифелем на аспидной доске, линии. То были следы высотных вражеских самолетов-разведчиков. Эти следы надолго оставались в безоблачном небе, затем понемногу ширились, росли, расплывались, напоминая перистые облака на большой высоте. А навстречу самолетам противника уже шли наши истребители, и в воздухе начинался «вальс смерти», как называли воздушный скоротечный бой летчики.

Подводная лодка Лунина отошла от пирса и скрылась за мысом. На мостике стоял командир. За кормой стелилась пенная дорожка. Светило незаходящее летнее солнце. Дойдя до горизонта и едва коснувшись водной глади, оно снова начинало свой подъем.

Море было почти спокойно. Держалась та самая пора затишья в Баренцевом море, которую поморы ласково называют «межонной», а подводники «гробовитой». Труднее всего приходилось воевать именно в эти летние штили, когда поверхность моря далеко просматривается противником. И никто не радовался ни солнечному ослепительному свету, ни торжественной полярной тишине.

Воду будто полили маслом — она стала совсем зеркально-гладкой. Скалистые берега еще стояли в белоснежном уборе, и маковки сопок блистали на солнце, слепя глаза сигнальщиков. Зябко становилось на мостике во время полного хода «К-21», когда высокие «усы» отсвечивали под самым носом корабля мириадами ярких самоцветных искр.

Лодка достигла своей боевой позиции и скрытно плавала, показывая изредка лишь перископ. Так проходили дни за днями в этом настойчивом поиске кораблей противника.

— Ходим — бродим, никого не находим, — тоскливо говорил штурман старший лейтенант Леошко, теребя свои бесцветные, выгоревшие на солнце брови.

Незадолго перед этим капитан 2 ранга Лунин вызывал Леошко к себе на мостик всплывшей для зарядки батарей лодки и сообщил, что корабль переходит на новую боевую позицию. Штурман удивился, и невольно у него вырвалось:

— Зачем, товарищ командир? Чтобы продолжить наш поход без выстрела?

— Нет, товарищ старший лейтенант, как раз думаю, что стрельнем! — ответил Лунин.

Он не любил говорить зря. Однако и новая позиция (Леошко будто чувствовал это!) пока что не сулила ничего нового. Штурман знал здесь все бухточки, все фьорды. Лунин выбрал так называемую «запасную» позицию, куда подводники обычно не заглядывали.

Погрузились. В подводном положении на лодке был объявлен сбор всех офицеров в боевой рубке. Здесь коммунист Лунин и открыл задачу боевого похода. Он сказал собравшимся:

— Нам приказано искать, найти и уничтожить гитлеровский новейший линкор «Тирпиц». Этот линкор выходит из своей гавани наперехват нашего большого каравана грузовых судов. Задача линкора — расстрелять наш караван. Наша задача — расстрелять «Тирпица», не дать ему возможности нанести урон нашим судам, движущимся Баренцевым морем в Мурманск. Помните, товарищи: приказ есть приказ! Предупреждаю вас, атака состоится даже в том случае, если для этого придется всплыть на виду у всей эскадры противника. Поэтому никаких зевков и прохлопов! Предлагаю варианты решения нашей задачи. Первый: подводное положение. Мы скрытно несем боевую вахту. Отрицательная сторона этого варианта — малый район наблюдения. Второй вариант: надводное положение. Мы видим больше, но и больше опасности быть обнаруженными. Если нас обнаружат, задача почти сорвана. Товарищи офицеры, доложите свои мнения.

Подводники переглянулись. По военно-морской традиции первым на совете должен был высказать свое мнение самый младший офицер. Это был лейтенант Котов.

Никогда не приходилось юному офицеру видеть корабли, подобные «Тирпицу», участвовать в таком ответственном походе. И все равно надо было доложить о своем мнении, да еще первым из всех на корабле!

И Котов сказал то, что повторили за ним все остальные.

— Мы знаем — у «Тирпица» два броневых пояса, главный и верхний. Толщина главного пояса — триста двадцать миллиметров. . . Он выходит в море в сопровождении тяжелых крейсеров и миноносцев. Мы будем одни против целой эскадры. Надо скрытно находиться на новой позиции. Я — за первый вариант.

Но Лунин высказался по-другому. Он объявил:

— Товарищи офицеры! Я выслушал вас. Но вы меня

не переубедили. Нам придется действовать в надводном положении. Мы — главная застава, через которую не должен проскочить «Тирпиц»! Пропустить его в открытое море, это все равно, что слона впустить в посудную лавку. Тогда прощай весь караван, идущий в Мурманск!

— Как же, товарищ капитан 2 ранга, мы будем плавать в надводном положении? — спросил удивленный Котов.

— А самолеты противника? Ведь вы же сами говорили о них! — не выдержал и Леошко.

— У нас есть сигнальщики. Есть глаза. Неустанно будем следить за воздухом, водой и горизонтом. На «Тирпица» же идем! — ответил Лунин.

Уходили на новую позицию в надводном положении, продолжая поиск противника. Едва заметив в небе приближающуюся точку, сигнальщик докладывал об этом вахтенному командиру. Объявлялось срочное погружение, люк мгновенно задраивался, и лодка поглощалась морем.

Одно срочное погружение следовало за другим. Корабль то уходил на большие глубины, то вновь всплывал для розысков эскадры, возглавляемой линкором. Когда количество срочных погружений перевалило за сорок, утомленный инженер-капитан 2 ранга Браман сказал:

— Если на нашем пути столько самолетов противника, значит мы близки к цели. Мне кажется, что самолеты прочесывают район плавания «Тирпица».

Но не от каждого обнаруженного вдалеке самолета лодка непременно погружалась. Лунин старался сохранить драгоценную энергию аккумуляторной батареи. Он ее приберегал для предстоящей схватки с врагом.

Всего за четыре дня поисков «Тирпица» подводники «К-21» обнаружили свыше полсотни самолетов и сделали сорок восемь срочных погружений. От такой трепки нервов люди устали. Леошко признался Браману:

— Глаза закрываются, хоть спички между веками вставляй, а настоящего сна нет...

Бывало на походе он отдыхал в своей каюте под мерные звуки гирокомпаса, который стонал, как живое существо. Если временно прекращались эти стоны, штурман тут же просыпался. То, что могло разбудить человека,

никогда не бывавшего под водой, только убаюкивало Леошко. У него выработалось походное правило: обеспечивать все так, чтобы командиру корабля можно было спокойно отдыхать. У командира должна быть свежая голова, чтобы в любое время суток, в любой момент он мог принять быстрое и верное решение.

О командире корабля на «К-21» заботились по-сыновнему. Когда обстановка не позволяла ему спуститься вниз отобедать вместе со всеми офицерами, обязательно кто-нибудь напоминал коку:

— Командиру не забудьте оставить компоту да ухи пожирнее...

Молодой акустик матрос Саша Сметанин встрепенулся. В наушниках послышались какие-то звуки. Матрос напряженно вслушивался. Нет, точный прибор не обманул его. Значит, дни напряженного выжидания закончились. Встреча с врагом состоится...

Сметанин доложил:

— С большой дистанции прослушивается шум винтов...

— Буксир идет! — подтрунил над акустиком комиссар лодки старший политрук Лысов.

Но акустик не ошибся. Чтобы проверить его, командир отделения Веселов взял наушники. Шум в наушниках не исчезал, а нарастал. Лодка шла навстречу какому-то большому кораблю. Лунин приказал подвсплыть. Помощник командира посмотрел в окуляр перископа и закричал:

— Вижу подводную лодку!

— Не так громко, старпом, вспугнете! — шутливо сделал замечание Лунин и сосредоточенно прильнул к перископу.

— Торпедная атака! — приказал он.

Люди торопливо разошлись по своим боевым постам. Котов спустился вниз из боевой рубки. Матросы спросили его:

— Товарищ лейтенант, что там такое?

— Подводная лодка, — ответил он на бегу.

По отсекам передавались слова, сказанные Луниным:

— Если встречу «Тирпица» в охранении хотя бы ста миноносцев, все равно его атакую!

Лунин на ветер слов не бросал. Все понимали: это будет бой не на жизнь, а на смерть.

Увидели в перископ и вторую подводную лодку. Но когда подошли ближе, то различили два миноносца противника. Рефракция до неузнаваемости исказила контуры этих кораблей.

Миноносцы описывали циркуляции, временами удаляясь друг от друга, чтобы затем сблизиться вновь.

Полярные широты! Здесь, как в далекой пустыне Сахаре, миражи не раз обманывали людей. Рефракция ломала и очертания берегов, и делала корабли неузнаваемыми. Крейсеры казались баржонками, лайбами, острова поднимались в небо, контуры берегов и кораблей вдруг сплющивались, вытягивались, как в кривом зеркале. Это и обмануло сначала Лунина. Теперь же стало совершенно ясно: североморцы напали на верный след. Миноносцы — вестники идущей в море гитлеровской эскадры. «Тирпиц» — рядом. Внимание! Час атаки близок!

Герой Советского Союза *Н. Лунин* (1942 год)

Не прошло и нескольких минут, как в перископе завиднелись верхушки мачт кораблей. Показались окруженные миноносцами линейные корабли «Тирпиц» и «Шеер». В воздухе над кораблями барражировали самолеты. Миноносцы ходили зигзагами.

Впервые видел Лунин в окуляре перископа такие солидные цели.

Шум винтов приближавшихся кораблей эскадры значительно усилился. Акустик теперь уже совсем ясно различал их четкий ритм. Вот шумы отошли к корме «К-21». Это говорило о том, что «Тирпиц» повернул влево. Головным шел теперь «Шеер».

Из строя «фронта» эскадра неожиданно перестраивалась в строй «кильватер». Она рвалась на большой караванный путь. Быть может, кое-кто на «Тирпице» уже

рисовал себе заманчивую картину: два линкора в содружестве с миноносцами «раскатают» караван советских грузовых судов. . .

Лунин отчетливо видел в перископ всю армаду, против которой он выходил сейчас одной подводной лодкой. . .

Вот дистанция между лодкой и линкором «Тирпиц» резко сократилась. Лунин собирался скомандовать: «Аппараты, пли!» Но как раз в этот момент «Тирпиц» повернул. Только что нос подводной лодки был направлен в борт линкора. Веерный залп торпед поразил бы «Тирпица» в самый жизненный центр, но он повернул неожиданно и пошел прямо на лодку. Силуэт цели сразу уменьшился почти до точки. Атака срывалась. . .

«Несчастье! — подумал горестно Лунин. — Встречаешься с «Тирпицем» раз в жизни! И он идет на тебя так, что его не атакуешь!»

Для удара по линкору были приготовлены носовые торпедные аппараты. Можно еще атаковать кормовыми торпедами. Но они рассчитаны на транспорты с меньшей осадкой, чем «Тирпиц». Торпеды поразят линкор в наименее уязвимое место, в бронированный пояс.

«Сейчас или никогда! — решил Лунин. — Атакую кормовыми. Все равно удар будет крепким. А главное, напугаешь разом всю эскадру! Вряд ли знают в боевой рубке фашистской эскадры, что здесь всего одна советская лодка. . .»

Лунин скомандовал неожиданно для всех на корабле:

— Полный вперед! Право на борт!

Лодка держалась на перископной глубине. Дистанция до «Тирпица» сократилась. Миноносцы, охранявшие его правый борт, делали зигзаги. Прошел самолет, не заметив перископа. Эскадра двигалась вперед по-змеиному, зигзагами, полным ходом.

Лунин видел поднятые на мачте «Тирпица» флажные сигналы. «Тирпиц» переговаривался со своими кораблями, быть может, приказывал или объявлял выговоры. Эскадра повернула «все вдруг» вправо.

— Все равно я тебя атакую! — громко произнес Лунин.

На подводной лодке прошел шепоток. «Командир гоняется за линкором. . .» Слова Лунина передавались по всем отсекам. Они возбуждали, радовали, вселяли надежду на успех. Каждый был занят своим делом. Кто

стоял во весь рост на своем посту, кто скорчился в тесном трюме. . .

Подводная лодка легла на боевой курс. Командир отделения акустиков Веселов продолжал свои доклады о шумах, слышавшихся теперь со всех направлений. Уже из отсеков также докладывали, что слышат через корпус лодки шумы винтов кораблей. Враг был предельно близок.

— Вижу всю собачью свадьбу! — объявил Лунин, глядя в перископ.

«Тирпиц» приближался к перекрестию нитей прицела, быстро выбирая градусы угла упреждения. Возле Лунина стояли те, на кого он опирался в бою. С ними не раз выходил он в атаки. Но на такого зверя, как «Тирпиц», они еще не хаживали!

«К-21» прошла охранение. Теперь она оказалась внутри кольца миноносцев, между ними и линкорами. Линкоры шли строем фронта. «Тирпиц» был камуфлирован шаровой и коричневой красками. Лунин еще на одно мгновение глянул в перископ.

— Залп!

Выход торпед из аппаратов засекли по секундомеру. Через две минуты пятнадцать секунд послышались два взрыва. Акустик отметил их. И тут же шум винтов усилился. Шумы перешли на кормовые углы. . . Враг, несомненно, торпедирован. На фашистской эскадре явная суматоха. Не только акустику, каждому в лодке это слышно. . .

— Выжимают хода на полную катушку! — шепчет молодой матрос.

Лунин поправил фуражку и сказал:

— Восемь миноносцев — это восемь миноносцев! Упаси, боженька, мои ноженьки!

Подводная лодка полным ходом легла на курс отхода.

Каждый ждал начала преследования. Сейчас должны были посыпаться глубинные бомбы, дождь этих бомб.

И вдруг раздался раскатистый гул. Секунд двадцать он грохотал в морской глуби. Лодку встряхнуло. Через минуты две грянул второй взрыв, а затем третий, последний.

— Что это, товарищ капитан 2 ранга? — спросили Лунина.

— Полагаю, что одной из торпед мы влепили в миноносец, подставивший свой борт для спасения линкора. Ну, а теперь, по мере того как миноносец идет на дно, на

нем рвутся глубинные бомбы, рассчитанные на разные глубины.

Только на пятьдесят шестой минуте после завершенной атаки Лунин снова поднял перископ. В окуляры виднелись дымы и верхушки мачт удалявшейся на норд-ост гитлеровской эскадры. Враг повернул! Враг отказался от мысли атаковать советский караван. Ему теперь не до каравана транспортов. Задача линкора сорвана советскими подводниками. Эскадра легла на курс отхода. Никто не преследует подводную лодку. «К-21» всплыла. Проветрили отсеки. На берег пошла радиограмма за подписью Лунина. Подводник докладывал командующему Северным флотом адмиралу Головко об атаке «Тирпица». Это сообщение облетело весь мир в тот же день.

На лодке героями дня оказались командир торпедной группы лейтенант Василий Терехов, командир отделения Николай Фадеев и старший матрос Иван Жуков. Это они дали торпедный залп, поразивший «Тирпица» и заставивший фашистов повернуть восвояси. Имена этих подводников повторялись в каждом отсеке, как имена героев.

Позже всех о результатах атаки узнал кормовой отсек, самый шумный на подводной лодке. Когда комиссар лодки Лысов обходил все отсеки и поздравлял с одержанной победой, в кормовом крикнули «ура!», узнав такую новость.

Срочные погружения прекратились. Преследования так и не было. Это служило хорошим признаком. Дело сделано!

Инженер-механик Браман больше других был доволен спокойствием на корабле.

— Загоняли меня срочные погружения! — говорил он. — Отработал я их в этом походе на «отлично». Но недаром потрудились. . .

В кормовом отсеке шутили о том, как небось напугались на кораблях противника. Наверняка фашисты были уверены, что окружены советскими подводными лодками, что вот-вот получат еще не один веерный залп. . .

Лунин не мог выяснить размеры повреждений, нанесенных «Тирпицу». Но наши самолеты, вылетевшие в район единоборства советской лодки с линкором, обнаружили, что фашистская эскадра, заметно сбавив ход, следует обратным курсом к берегам Норвегии, явно отказавшись от своих первоначальных планов. Подбитый «Тирпиц» воз-

вращался не солоно хлебавши, едва показав свой нос в Баренцевом море.

На утро наши самолеты обнаружили германскую эскадру, следовавшую всего лишь десятиузловым ходом. Значит, серьезно был поврежден линкор, если вместо двадцативосьмиузлового хода мог делать всего лишь десять узлов...

Штурман подводной лодки „К-21" старший лейтенант *М. Леошко* (1942 год)

Счастливый Леошко спал без просыпу, прикорнув на диванчике в своей тесной каюте. Он был утомлен походом, бессонными ночами и всем напряжением последних дней. Ведь каждый час его могли разбудить, пригласить к командиру, в боевую рубку или на мостик, потребовать определения места корабля в море. Браман торжествовал. Он «грозился», что если не утонет, то непременно после войны займется «писаниной» и выпустит книгу «страшных» рассказов под громкой рубрикой: «Десять лет под водой».

Наступили часы отдыха и для командира подводной лодки. У него были надежные помощники — старший помощник командира капитан-лейтенант Лукьянов, командир БЧ-2-3 хороший вахтенный офицер Ужаровский и другие, каждый из которых хотел дать возможность отдохнуть своему командиру.

На береговой базе Лунина атаковали корреспонденты газет:

— Как разыскали «Тирпица»? Как торпедировали? Как ушли?

Лунин припомнил рассказ старого парусного капитана, ходившего в «кругосветку». У него тоже спросили однажды корреспонденты:

— Как плавали вокруг света?

— Да так вот... Первый день шли и... ничего! — ответил капитан, любивший пошутить. — Второй день шли...

и ничего! И третий день все нормально... А на четвертый, как началось, как началось! Потом смотрим — в Америку пришли! Так вот и плавали!..

...Октябрьскую революцию Лунин встречал десятилетним мальчиком в родной Одессе. Отец его плавал на судах Добровольного флота «РОПИТ», был матросом и впоследствии боцманом. Лунин рос в морской семье, среди моряков. Он сызмальства полюбил море и корабли. Эта любовь передалась ему по наследству от отца. Штурман дальнего плавания Николай Лунин много плавал на своем веку. Он побывал на танкерах в турецких портах, во Франции, Германии, Англии, Дании... В Военно-Морской Флот был призван по специальному набору и стал подводником уже после того, как его жизненные пути изрядно расчертили карту морей всего мира. «Любит море», «Морские качества отличные», «Умело уходит от преследования», «Северный театр знает хорошо», «Сутками простаивает на мостике или у перископа»... Так писали в аттестациях на Лунина его начальники, давая боевую характеристику командиру подводной лодки «К-21», верному сыну нашей партии.

Но когда к Лунину обращались корреспонденты, он отвечал односложно: «Особенного ничего не было. Искали, нашли, утопили, имели преследование, ушли...»

Но однажды он все-таки рассказал о том, что передумал за многие и трудные дни походов.

— Не все то значимо по результатам, что дается тяжело, — говорил Лунин. — Иногда гораздо тяжелее то, что малозначимо по результатам. Герой тот, кто использовал все средства в бою с врагом и погиб отважно, но дважды герой, кто остался жить, поразив противника и сохранив свой корабль и своих людей. У каждого из нас есть затаенное или явное желание быть первым в своем деле. Оно вызывается не чувством тщеславия, а заложено в самой боевой жизни советского воина. Я не видел трусов на подводных лодках. Настоящему чувству товарищества надо учиться на корабле, который много плавает, чаще других находится в море, а таким прежде всего является подводная лодка.

...В вечернем сообщении Советского Информбюро от 8 августа 1942 года коротко сообщалось об атаке новейшего фашистского линкора «Тирпиц». Это был подвиг

всего экипажа подводной лодки «К-21». Коммунист Лунин проник в самую середину грозного конвоя. Он разыскал злейшего врага, вырвал у змеи жало. Три месяца стоял линкор «Тирпиц» в ремонте и долго еще после этого не показывался в море...

ПОДВОДНЫЙ ЧАСОВОЙ

Первая боевая тревога

Небольшая волна перекатывалась по корме «Малютки», облизывая холодный металл. Подводную лодку вел на запад старший лейтенант Михаил Васильевич Грешилов, офицер Черноморского флота.

Командир корабля и сигнальщики, стоявшие на мостике, внимательно осматривали горизонт, пламеневший багрянцем.

Каждому, кто находился на мостике, хотелось раньше других заметить дым или мачты вражеского корабля.

За кормой вились неугомонные чайки. Этим спутникам в походе не радовались подводники. Чайки, приметные издалека, могли выдать присутствие «Малютки», привлечь к себе внимание противника.

Совсем недавно Грешилов собирался в отпуск. В тот самый день, когда выписывали ему проездные документы до станции Курск, гитлеровские полчища напали на нашу Родину. Не поехал Грешилов в родную Курскую область, в деревню Будановку, где гостила у матери его жена Анна Ивановна с двумя малышами. Не повидал воин старушку-мать Прасковью Николаевну, работавшую в будановском колхозе, не поклонился могиле отца, инвалида первой мировой войны, а поднялся на мостик подводного корабля, уходившего в боевой поход.

Не думали родители Михаила Грешилова, что сын их будет подводником. . . Комсомолец Миша Грешилов одним из первых отозвался на призыв страны — принять участие в строительстве первого советского металлургического гиганта — Магнитогорска. В числе шестидесяти курских комсомольцев поехал юноша далеко от родительского дома,

на Урал. Во время пуска коксовых батарей он стоял вахту сменного мастера. Рядом с ним в одной смене работал бывший матрос с Балтики, плававший некогда на крейсере. Его рассказы о морской жизни и походах увлекали паренька, мечтавшего еще в Будановке стать когда-нибудь электротехником.

— Если хочешь, Мишук, пойти по этой части, — советовал моряк, — ступай на корабли! Там — истинная электротехническая академия для комсомольца! . .

Грешилов был направлен комсомолом на флот. Курсантом Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе приезжал раз в год юный моряк из Ленинграда в родную деревню на побывку. Вся Будановка собиралась во дворе Грешиловых посмотреть на ладного, чернявого крепыша.

Соседки говорили Прасковье Николаевне:

— Тебе, мать, радоваться надо! И пригож, и ласков. . . А кто сынами в почете, тот и в благодати. . .

Не мог Грешилов забыть, как совсем еще недавно стал впервые у машинного телеграфа на мостике «Малютки», чтобы командовать подводным кораблем.

Молодой моряк слышал не раз от бывалых черноморцев, что это и есть один из наиболее ярких моментов в военно-морской службе.

Радости сопутствовала смутная тревога: «А справлюсь с управлением корабля? Сумею ли найти путеводные нити к матросскому сердцу? Смогу ли овладеть в совершенстве нелегким и почетным делом, доверенным Родиной?»

Грешилов поделился своими мыслями с комиссаром — подводником Колобаевым. Тот выслушал его и сказал неторопливо:

— Командир-подводник ты ведь не единственный. Каждый когда-то начинает свою командирскую службу. И еще скажу тебе, Михаил Васильевич. . . Была в старину такая присказка: двигатель — сердце корабля! Теперь говорим по-другому: «Коммунист — сердце корабля!» Сам знаешь: партия движет страну вперед. На твоей лодке коммунистов еще маловато. Но они будут. И вот случится тебе попасть с кораблем в трудную обстановку — не робей! Среди личного состава всегда найдутся опытные люди, старослужащие. Подскажут, подадут пример молодым.

Следом за комиссаром улыбнулся и Грешилов. Долго напутствовал Колобаев молодого командира.

И вот подводная лодка уходила на первое боевое задание, не на позицию — в определенный квадрат моря, четко очерченный на карте, выданной в штабе, а в «свободный поиск». Это значило — атаковать и топить врага, где бы он ни встретился!

«Малютка» шла на запад. В центральном посту, самом большом помещении на подводной лодке, слышалась разноголосица многочисленных приборов.

Перед погружением «Малютки» Грешилов запеленговал мысы, чуть освещенные начинавшимся восходом солнца.

Помощник Грешилова Юрий Сергеевич Бодаревский (дядя, достань воробышка! — самый высокий человек во всей бригаде) наносил карандашом на карту местонахождение подводной лодки в море. Он следил в походе за курсом корабля, выполняя обязанности штурмана.

Трюмный машинист, старший матрос Александр Сергеевич Морухов, смоленский житель, работавший до военной службы на строительстве Московского метрополитена, рассказывал матросу-первогодку об искусстве маркшейдеров, горных инженеров. Они при сбойке штолен глубоко под землей не ошибутся и на метр. То же самое и во время вождения подводного корабля в глубинах моря. Хоть и не видать берегов, а «Малютка» точно идет по курсу. . .

Гирокомпас указывал направление. По эхолоту узнавали глубину. Приборы акустика выслушивали все шумы в море. Грешилов видел в окуляр перископа, что делается на поверхности моря. Грешилов то поднимал перископ, то вновь опускал, чтобы не дать противнику обнаружить подводную лодку в заштилевшем море.

Время проходило в напряженном поиске.

Нигде не просматривалось дымков.

На третьи сутки похода Грешилов обнаружил, наконец, в перископ караван судов, едва заметный в отдалении. . .

Буксиры вели с десяток барж. Противник был обнаружен.

Ревуны в лодке оповестили каждого: встретились с целью! Боевая тревога!

Сотни больших и малых механизмов должны быть в одно мгновение приведены в действие по приказу командира, продолжающего вести наблюдение в перископ.

Каждому на подводной лодке страстно хотелось знать, что́ видит в данную минуту командир. Что́ там на поверхности моря? Какие корабли? Сколько их? . .

Отвечая затаенным желаниям личного состава, Грешилов сообщил кратко в переговорную трубу:

— Караван противника... Три буксира... Девять барж. . .

Гитлеровские генералы подбрасывали в те дни морем на баржах десанты к черноморским советским берегам. Грешилов последовал за караваном.

Торпедисты только ждали приказа командира. Они перед походом тщательно осмотрели и прочистили все механизмы торпедных аппаратов, произвели прострелку торпедных труб, внимательно проверили, как отрабатывают клапаны.

Надвинулись вечерние сумерки. По горизонту расстилалось узкое облако дыма. Буксиры заметно прибавили ход.

В перископ было хорошо видно, как прямо, «по струнке», пошли на баржи пенистые пузырчатые следы торпед с корабля Грешилова. Беловатые дорожки выпущенных торпед, будто прочерченные мелом по грифельной доске, уперлись в цель, а взрывов. . . не последовало. Это озадачило командира и весь личный состав.

Расчеты торпедного залпа были сделаны правильно, стреляли точно по ним, а попаданий не получилось. . . Можно было предположить, что торпеды попали в цель, но не взорвались. Если так, почему же все-таки не тонут баржи? Почему движутся вперед?

Разбирая причину первой неудачи, Грешилов понял, что баржи противника имели очень малую осадку, рассчитанную специально на мелководное плавание. В мелководье же не полезет никакая подводная лодка. . . Все ясно: торпеды, несомненно, прошли под днищами барж! Три дня искали фашистов, нашли наконец, атаковали и лишь для того, чтобы загубить дорогостоящие торпеды. . . Думалось, что первый залп будет и первой победой корабля. Но так не получилось. . .

Караван барж продолжал движение, прижимаясь к берегу. На мелкое место выходить «Малютке» нельзя. Но тогда что же делать с караваном? Упустить его? Но ведь это значит открыть дорогу вражеской фашистской силе к нашим берегам. С досады Грешилов грыз кончик карандаша, которым делал расчеты. Надо выходить из положения, быстрее исправлять допущенную ошибку. Но что же делать? Как поразить противника?

Герой Советского Союза
М. В. Грешилов
(1944 год)

И Грешилов и старослужащие подводники сошлись на одном: торпеды израсходованы, враг ускользает. Хоть и рискованно, но надо всплыть и топить баржи артиллерией.

«Остановить врага, не пропускать его силы на восток и тем помочь нашей доблестной армии», — вставали в памяти призывные слова военного приказа.

— Всплывать! — решил командир подводной лодки, считая, что сгустившиеся сумерки помогут ему выполнить задачу скрытно.

По сигналу Грешилова артиллеристы вытаскивали из погреба ящики со снарядами и пулемет. Старший матрос Александр Морухов, служивший на корабле со дня его торжественного спуска на воду, считался искусным трюмным машинистом. Кроме того, его знали как отличного пулеметчика.

Караван барж еще просматривался на мглистом горизонте. Все, кому следовало по расписанию боевой тревоги, бросились из отсеков к рубочному трапу всплывавшей на поверхность подводной лодки. Надо было скорее выбираться через узкий люк наверх, к орудию, как только Грешилов откроет рубочную крышку.

— Товарищ старший лейтенант, нас запрашивают с барж! — доложил сигнальщик, когда весь артиллерийский расчет вместе с командиром был уже наверху и лодка, рассекая небольшую волну, продолжала сближаться с караваном.

— Ответьте им что-нибудь! — приказал Грешилов.

Сигнальщик начал подавать световые сигналы — семафорить путаные, никому не понятные знаки.

Ветер заметно посвежел. Подводную лодку покачивало с борта на борт. Порою соленые брызги достигали самого мостика. Грешилов продолжал вести корабль на сближение с противником.

— Противник продолжает что-то писать... — доложил вновь сигнальщик. — Что отвечать, товарищ старший лейтенант?

— А вот мы им сейчас ответим! — сказал Грешилов и, обернувшись к комендорам, звонко скомандовал:

— Огонь!

Каждый из артиллеристов слышал не раз от Грешилова, что морской бой решается не часами, а минутами и даже секундами. Нигде так не дорого время, как в морском сражении. Малейшее замешательство хотя бы одного из номеров артиллерийского расчета может непоправимо испортить все дело. Известно: на подводной лодке главное оружие — торпеды. Сама лодка — корабль скрытного внезапного действия. Но на первых порах, в начале Отечественной войны, не одному нашему командиру-подводнику приходилось действовать и артиллерией.

Артиллеристы произвели первый спуск, второй, за ним третий, но выстрела не получилось. Это озадачило Миргородского, возглавлявшего артрасчет.

Значит, чего-то недосмотрел он, прозевал, подвел любимого командира, так надеявшегося на своих подчиненных...

И Миргородского осенила простая мысль: в стреляющее приспособление, очевидно, попала забортная вода. Надо сделать еще несколько спусков. Выстрелить несколько раз подряд.

Будет выстрел!

Так и случилось.

Выстрел прогремел. То и дело раздавалась частая команда Грешилова:

— Огонь!

Орудие стреляло безотказно.

Ветер усилился до штормового Лодку сильно раскачивало.

Дуэль в море продолжалась с нарастающей силой.

Трюмный машинист Морухов вместе со своим дружком Максимом Тараном наладили пулемет.

Увидев Морухова возле пулемета, Грешилов махнул рукой:

— Действуйте!

От борта «Малютки» поползли яркие цветные огоньки трассирующих пуль. Огненные стрелы протянулись к силуэтам судов каравана.

Из-за наступившей темноты и плохой видимости сигнальщики реже отмечали места всплесков снарядов противника.

Морухов часто торопил Тарана:

— Максим, ленту давай!

Таран, стоявший наготове, заряжал новую ленту. Когда же он сменял у пулемета разгоряченного Морухова, слышалось:

— Саша, ленту!

Миргородский со своими комендорами хорошо пристрелялся. Сигнальщики увидели пожар, разгоравшийся на одной из барж. Языки огня поднимались все выше и выше. Не прошло и двух минут, как одна за другой прекратили ответный огонь все фашистские баржи. От разраставшегося пожара небо заалело. Стало лучше видно цели. Это было на руку подводникам. Уже горели две тысячетонных баржи. Сигнальщики доложили, что одна из охваченных пламенем барж выбросилась на берег. Чтобы не погибнуть вместе со своими ведомыми, на вражеских буксирах спешно обрубили концы и бросились наутек.

Кто-то из подводников, захлебываясь от восторга, крикнул «ура!».

— Ура! — подхватили комендоры.

Морухов дал еще одну длинную пулеметную очередь. Вдруг послышался приказ Грешилова:

— Прекратить огонь! Всем вниз! Срочное погружение!

Грешилов раньше сигнальщиков, увлеченных картиной боя, обнаружил катера-охотники, мчавшиеся строем фронта на лодку. Люди спустились по рубочному трапу

вниз. Командир корабля задраил люк. «Малютка» погрузилась.

Акустик докладывал о шуме погони. Этот шум нарастал. Катера гнались за подводной лодкой. Они уже настигали ее. Грешилов искусно маневрировал под водой, сбивая с толку фашистов.

Вскоре акустик перестал слышать шумы гребных винтов вражеских катеров. Подводная лодка оторвалась от преследователей.

Увидев Миргородского и Морухова, Грешилов сказал им тепло:

— Спасибо, комсомольцы!

После короткой паузы он добавил:

— А с торпедами, хлопчики, у нас не ладно получилось! В следующий раз будем стрелять лучше!

Грешилов привычно постучал пальцем по глубиномеру, пытаясь разбудить уснувшую стрелку прибора.

«Малютка» возвращалась в родную базу.

Всплыли вновь через несколько часов. Горизонт был чист. Грешилов не уходил с мостика в ту ночь. Серебряная лунная дорожка стелилась в море. Вот померкли звезды. По воде пробежал предрассветный холодный ветерок. На востоке занималась заря, а на западе все еще было темно. Открылись свои берега. Вот и сигнальный пост, прилепившийся на скале у входа в базу. На «Малютке» подняли опознавательный сигнал...

Звезда на рубке

В третью ночь очередного боевого похода, перед самым рассветом, после безрезультатных поисков противника на море, Бодаревский вдруг радостно доложил:

— Силуэт транспорта!

Подводная лодка тут же погрузилась. Грешилов стал у перископа.

— Долгонько же мы его поджидали, — сказал Грешилов, всматриваясь в окуляр перископа.

Большой транспорт держал курс в порт.

«Малютка» полным ходом последовала за своей целью.

— Осмотреться по отсекам! — вполголоса приказал Грешилов.

Он не любил на подводной лодке громкой команды. И без того у каждого в походе были напряжены и нервы и слух.

Все уже были оповещены о дерзком решении Грешилова: прорваться в порт, пристроившись в кильватер транспорту противника.

Грешилов поглядывал в перископ и временами сообщал по переговорной трубке всему экипажу:

— Продолжаем следовать за конвоем противника.

— Конвой втягивается в порт.

— Подходит к боновым заграждениям...

Свои объявления командир корабля делал обычно по переговорной трубке. Даже приказ о боевой тревоге давался чаще не ревуном или оглушительным электрозвонком, а только голосом. Грешилов всячески оберегал людей от излишней трепки нервов. Где-нибудь на большом корабле — эсминце или крейсере — никак не известишь голосом всех о тревоге — это невозможно. Но на «Малютке» — небольшом подводном корабле — по переговорным трубам отлично слышалось от носа до самой кормы, а большего и не требовалось... Грешилов знал, что на каждый повышенно-громкий доклад почти все в центральном посту во время боевой тревоги отзывались одновременным поворотом головы. Это был своего рода рефлекс. Замечал командир, что в самые ответственные моменты все взоры невольно обращались к нему, как к старшему на корабле. В интонациях голоса, в выражении его черных и добрых глаз каждый старался уловить и понять сокровенную мысль командира. Но какого труда и напряжения стоило порой самому Грешилову не показывать ничем экипажу своих переживаний. На берегу иной раз приходилось и убеждать кое-кого и даже наказывать, но в походе не требовалось ни того ни другого. Все выполнялось с каким-то необычайным рвением, немедленно, точно, аккуратно.

И сейчас торпедисты напрягли слух в ожидании приказа. Ни на секунду нельзя опоздать, услышав долгожданное «пли!».

Но командир не спешит. Это ничего, что на берегу вражеские орудия, а в бухте рыщут катера-охотники, смертельные враги подводной лодки. Пусть! Война! .. Не на учении... Спокойствие Грешилова основано на твердой

уверенности в том, что личный состав корабля будет действовать в бою решительно, четко, умело.

Акустик щурит глаза на приборы своей станции. Голова в наушниках. Командир нет-нет да и взглянет в перископ, поднимет его на какие-то секунды.

Что-то там наверху? . .

— Вошли в порт противника! — объявляет Грешилов. — Транспорт становится на якорь.

Это сообщение невольно заставляет учащенно биться сердца. «Малютка» незамеченной проникла в занятый фашистами порт. Близится момент атаки. Его надо выбрать в самую подходящую минуту. А время ползет медленно. . .

Еще один взгляд в перископ, последний взгляд перед атакой, и перископ убран в шахту.

— Стоит? — шепчет лейтенант Бодаревский.

— Стоит, — отвечает Грешилов.

В порту тихо. Не рвутся глубинные бомбы над подводной лодкой.

«Ближе, еще ближе к цели, — думает Грешилов, ведя свой корабль под водой во вражеском порту. — Удар должен быть верным. И только с короткой дистанции. С пистолетного выстрела. . .»

На какое-то мгновение в памяти подводника встает образ командира бригады капитана 1 ранга Крестовского, столь уважаемого на флоте.

К словам этого начальника всегда прислушивались подводники. Его пожелания выполнялись, как приказы. Личная храбрость Крестовского казалась удивительной даже для таких бесстрашных командиров-подводников, как Кесаев, Фартушный, Иосселиани. На разборах боевых походов Крестовский давал указания выразительным, кратким, военным языком. Как-то, выслушав доклад одного из своих командиров, Крестовский заметил:

— Вы действуете иногда очертя голову. Воевать же следует горячо, но со строгим математическим расчетом. Учтите это!

На другом разборе Крестовский заявил, что при некоторых условиях признает наиболее действенной стрельбу только с короткой дистанции.

— С короткой дистанции! — подчеркнул Крестовский.

Крылатое словечко было подхвачено, и в тот же день все соединение говорило о «пистолетном выстреле».

Неравенство сил не могло поколебать офицера-коммуниста. Много раз, проводя беседы с личным составом, Грешилов признавался друзьям, что самое трудное — это форсирование минных полей и, конечно, прорыв подводной лодки в гавань врага. И вот наступил этот момент прорыва. Подводная лодка выходила в точку залпа.

С дальней дистанции вести бой проще и спокойнее: сигнальщикам противника труднее обнаружить перископ, командиру же подводной лодки легче оторваться от преследователей. На близкой дистанции могут и («по-глупому», как говорил Грешилов) накрыть глубинной бомбой или таранить. Да, для торпедного удара с прорывами охранения нужен не только быстрый и верный морской глаз, но требуются крепкие нервы.

Даже всегда спокойному Бодаревскому показалось, что командир слишком уж затягивает момент атаки.

— Я бы не выдержал, товарищ командир. . .

— Промахнуться, лейтенант, мы всегда с вами успеем. Или, того хуже, обнаружить себя до атаки. Геройства в этом никакого нет. Бить надо наверняка, — ответил шепотом командир.

И вот, наконец, торпеды вырвались из лодки. Подводники стали прислушиваться. Бодаревский по привычке, выработанной во многих походах, выхватил из кармашка кителя секундомер. Стрелка бежала торопливо. Сердце лейтенанта билось учащенно. И вдруг в отсеках услышали гул взрыва. Кто-то крикнул «ура!» и тут же смолк, остановленный боцманом: находились все же не в своей базе. . .

— Крепко шарахнули, — прошептал боцман, утирая со лба пот рукавом.

— Глубина? — запросил Грешилов.

Боцман доложил о глубине, на которой находилась лодка. Погрузились несколько глубже. Грешилов начал отход. Трюмный машинист Морухов, влюбленный в своего командира и в свой корабль, переживал восторг одержанной победы. Он любовался Грешиловым, его выдержкой, быстрыми и решительными маневрами, совершаемыми с поразительным спокойствием.

В порту, очевидно, поднялась паника. Не слышалось разрывов глубинных бомб. Может, фашисты думали, что это ночной налет советских самолетов? . . Тем лучше для подводников. Когда вновь подвсплыли в позиционное по-

ложение и Грешилов открыл люк, в лодку ворвался свежий живительный воздух. Подводники вздохнули полной грудью. Грешилов увидел вдалеке языки пламени. Транспорт горел. Но, пожалуй, больше всего радовался командир при виде голубых лучей прожекторов, шаривших по небу. Яркие их полосы то скрещивались, то расходились, минуя местонахождение «Малютки». Враг искал наши самолеты! Ему и невдомек было, что в порт проникла советская подводная лодка и подожгла большой транспорт.

К темной части горизонта Грешилов повернул подводную лодку лишь после того, как на фоне пурпурового зарева заметил совершавший поиски сторожевой корабль противника. Дело сделано. Первая крупная победа одержана. Командир лично наблюдал ее результаты. Надо уходить. . .

Подводная лодка легла на обратный курс. Погони не было.

В эти минуты где-то далеко в Курской области, в затемненной избе, затаив дыхание слушали у репродуктора последние известия Советского Информбюро жена Грешилова и мать, держа на коленях малолетних Женю и Витю. И, может быть, в одну из очередных передач услышат они короткую строчку, за которой скрыто большое дело: «Советской подводной лодкой на Черном море потоплен крупный корабль противника. . .»

«Миша! — подумают женщины разом. — Потопил! . . Вернулся ли?»

Знал бы секретарь Магнитогорского райкома комсомола, направлявший Грешилова с путевкой на флот, порадовался бы успехам своего комсомольца, похлопал Грешилова дружески по плечу! Доволен был бы и старший мастер, готовивший Грешилова на вахту сменного мастера к пуску четырех коксовых батарей. Прочитав скупые строки известий о подвиге черноморцев, вспомнят они о своем «крестнике» и скажут:

— Не наш ли Миша Грешилов действует? Ишь, какой корабль потопил!

. . . Грешилов привычным движением нащупал в кителе свой партийный билет. Сегодня, казалось моряку, он делом оправдал свою принадлежность к Коммунистической партии — бился за Родину и одержал победу.

«Малютка» вернулась в родную гавань. Утром Грешилов неторопливо поднялся на верхнюю палубу. Пер-

вым, кого он увидел там, был Сергеев. Главный старшина старательно выводил яркую звезду на рубке и первую победную цифру «1».

Под перископом

Советский народ отказался от праздничного отдыха 1 мая 1942 года. Свой труд он отдавал на оборону Родины, готовя в этот день больше винтовок, автоматов, пулеметов, орудий, танков, самолетов, хлеба, мяса и рыбы.

Нельзя было узнать красавец Севастополь, изуродованный врагом. Осколками бомб и снарядов были посечены дома и деревья. Улицы завалены поверженными столбами, камнем и щебнем.

В огненном хаосе, дыму и смраде пожарищ призывно и величественно высился над городом дорогой всем памятник Ленину.

Освещенный огнем ночных пожаров и залпами орудий, Ленин, подняв руку, как живой, звал советских тружеников отстаивать свою свободу и независимость.

Когда в Севастополе затихала канонада и на время прекращались воздушные тревоги, из высеченных в скалах штолен показывались моряки, всплывали прятавшиеся под водой близ пирсов подводные лодки. Вновь начиналась жизнь. Мотористы продолжали принимать соляр, торпедисты — грузить торпеды, снаряды. Моряки готовили свои корабли к очередному походу. И в минуты досуга Грешилов приказывал:

— Бриуроша наверх!

На пирс сходил с аккордеоном в руках матрос рулевой Бриурош. Он учился когда-то в Ростовском музыкальном училище, был отличным музыкантом. Пришла война, и Бриурош стал воином. «Теперь музыка пойдет другая», — говорил он своим землякам, уходя на флот.

Далеко по гавани неслась волнующая песня:

Идет война народная,
Священная война...

Подводные лодки Черноморского флота и в мае и даже в июне 1942 года скрытно доставляли в Севастополь по ночам авиабензин, боеприпасы, медикаменты и продовольствие для храбрых защитников города и вывозили раненых.

Севастопольский гарнизон двести пятьдесят дней мужественно сражался против численно превосходившего противника, перемалывая и уничтожая дивизии одной из отборнейших армий Гитлера.

Защитники Севастополя обескровили под своими стенами фашистские орды, рвавшиеся к Кавказу, и облегчили тем самым его оборону.

Герои Севастополя, поддержанные Черноморским флотом, дрались до последнего дня, когда по приказу Верховного Командования решено было временно оставить город.

Прощаясь с Севастополем, электрик Сергеев наломал перед отходом веток акации и принес их на подводную лодку. Каждому из товарищей он дал по веточке, оставив себе лишь одну.

Эти пахучие ветви долго напоминали воинам о любимом Севастополе и потому были особенно дороги каждому.

Подводная лодка уходила в очередной, но необычный поход. Рядом с командиром корабля в центральном посту находился летчик старший лейтенант Потехин. Он никогда раньше не плавал на подводной лодке и впервые ощущал непривычную тесноту отсеков.

Это был последний перед оставлением Севастополя боевой поход. Он проводился в разведывательных целях. Надо было предупредить очередной налет фашистской авиации на истерзанный город. Требовалось выяснить данные о приморском аэродроме, с которого, видимо, летали фашисты по ночам на Севастополь.

Как только подводная лодка погрузилась на глубину, радист прошел по отсекам. По заданию командира корабля он в определенные часы принимал сводку Советского Информбюро, знал о событиях, происшедших в стране и за рубежом, аккуратно все записывал и сообщал экипажу. После радиста по отсекам проходил командир.

— Ну как, хлопчики, слышали? — весело спрашивал он, когда приходили отрадные новости. — Крепко дали фашистам на Мурмане? Потопили разом три корабля противника. Умеют драться наши североморцы. . .

Когда же вести с фронтов были безрадостными, Грешилов находил веские слова, убеждавшие матросов в том, что конечная победа все равно будет за нами. «Каждый может успешно начать войну, но не каждый может так ее

и закончить. Наши силы неисчислимы. Враг зазнался, но он скоро убедится в нашей несокрушимости. . .»

Когда, по расчетам Бодаревского, подводная лодка подошла к боевой позиции, откуда следовало вести разведку аэродрома, Грешилов поднял перископ. Поочередно с Потехиным смотрел командир в окуляр, наблюдал за жизнью противника на берегу. Летчик делал пометки в своем блокноте. Выяснили, сколько машин и какие принимает аэродром, сколько их поднималось в воздух. Советские подводники выслеживали каждый шаг врага, подсчитывали его силы, старались проникнуть в коварные замыслы.

За короткое время на вражеский аэродром сели двенадцать «юнкерсов». Стало ясно: фашисты готовятся к новой бомбардировке Севастополя с воздуха, накапливают силы для бомбового удара. Надо было этот удар отвести, сломать планы противника.

Подводная лодка отошла мористее. В условный час радист передал командованию шифровку о результатах подводной разведки.

Вновь вернулись на свою позицию у побережья. Прильнув к окуляру перископа, следил за фашистским аэродромом старший лейтенант Потехин. Было отчетливо видно, как выруливал на старт готовый к отлету «юнкерс». . .

Но вот над гитлеровским аэродромом показались советские бомбардировщики. В перископ удалявшейся от берега подводной лодки были замечены вспышки разрывов на далеком горизонте. Небо заволокло густым черным дымом. Это горели новенькие «юнкерсы», которым не дали взлететь советские летчики. Готовившийся на Севастополь налет был сорван.

Грешилов вызвал в центральный пост по одному человеку из каждого отсека, чтобы дать взглянуть в перископ.

— Видишь? — спрашивал он каждого. — В этом разгроме врага есть и твоя доля и доля твоих товарищей. . .

Даже молчаливый боцман Хриненко не выдержал, взглянул на секунду в перископ:

— Да, товарищ командир, смешали кислое с пресным. . . Ударили за Севастополь. . .

— Нет, боцман, этого еще мало. За наш любимый город врагу достанется еще крепче.

Все на корабле понимали: маленькая подводная лодка навела на фашистский аэродром советскую бомбардировочную авиацию, помогла нашим летчикам нанести врагу чувствительный удар. Однако возвращаться в родную гавань Грешилов не спешил Он продолжал вести наблюдения за другим аэродромом противника. В круглом поле перископного окуляра были видны садящиеся и взлетающие «юнкерсы», яркие вспышки сигнальных ракет. Увлеченный разведкой, командир лодки не сразу заметил, что с моря курсом на лодку идут вражеские самолеты.

Срочное погружение! Лодка нырнула. Мягкий илистый грунт обезвредил сильный удар. Надо было поживей выбираться из района мелководья, куда отнесло корабль. Подвсплыли. Вдруг рулевой-вертикальщик обеспокоенно доложил, что лодка не слушается руля. Случилось несчастье. Руль заклинило. Корабль не мог поворачиваться ни вправо ни влево. Он мог следовать лишь в одном направлении — прямо! Но куда? В берег, к противнику в лапы?..

Грешилов подошел к боевому посту управления горизонтальными рулями и задумался. Надо было что-то срочно предпринимать. Ведь подводная лодка без вертикального руля — не корабль! Глаза Грешилова вдруг блеснули радостным огоньком.

— Есть выход, боцман! — сказал командир. — Но придется горизонтальщикам изрядно поработать...

Старший лейтенант стал объяснять боцману, как можно следовать вперед по курсу, управляясь только горизонтальными рулями, и как регулировать их работу, чтобы придать лодке требуемое направление.

Все, что говорил командир, было новинкой в управлении подводным кораблем. Командир-новатор нашел способ спасти лодку при безвыходном, казалось, положении...

«Малютка» вернулась в базу. Грешилов и Потехин доложили командованию о результатах похода. И снова советские бомбы прицельно легли на один из аэродромов противника, уничтожив самолеты, собиравшиеся на бомбежку.

— Мы еще отомстим за Севастополь, — говорил Грешилов в центральном посту, с болью в сердце покидая главную базу флота.

«Ударить по врагу за Севастополь!» — стало лозунгом не только черноморцев. Били фашистов в море матросы и офицеры Балтики и Северного флота. Сводки Советского Информбюро приносили все новые и новые известия о потопленных кораблях противника.

В одном из наших самых южных черноморских портов, куда перебазировались подводники, волна шумно перекатывала ровно обточенную гальку. Ни пряный запах эвкалиптов и кипарисов, ни сказочно синее, безоблачное небо никак не вязались с представлением о том, что неподалеку идет жестокая война.

Спокойное летнее море уже не манило к себе тысячи звонкоголосых курортников со всей страны. Оно поросло минами, стало театром военных действий. Его изумрудные маслянистые волны вспарывали форштевни своих и вражеских боевых кораблей. . .

Мирты, лавры, олеандры, мандариновые и апельсиновые деревья, экзотические пальмы и бромелии украшали сады и улицы южного города, раскинувшегося близко от новой базы Черноморского флота.

Вспоминая о главной базе, боцман сказал однажды:

— Никогда не хозяйничать гитлеровцам в нашем Севастополе! Страшенный будет фашистам конец!

И в эти слова были вложены надежды не одних только подводников. Вся страна ждала скорейшего освобождения города морской русской славы.

Как-то на встрече лодки Грешилова, только что вернувшейся из похода, командир «Малютки» Ярослав Иосселиани сказал:

— Да, друзья, мы ушли из Севастополя. Нам, черноморцам, это особенно тяжко. Ведь мы выросли в этом городе. Но скажем с гордостью, что в нынешний трудный военный год одно из самых сильных поражений врагу нанес наш город-герой. Обнажим же головы перед ним и скажем: «Фашистам в Севастополе достались развалины! Но Севастополь будет жить на страх врагам!»

Ровно в полночь из базы уходила на восток «Малютка» под командованием Грешилова. Ему не сиделось на берегу. Настроение командира совпадало с настроением его подчиненных.

За ночь подводная лодка ушла далеко от своих берегов.

С рассветом погрузились на перископную глубину. Море было пустынным. Только редкие косяки дельфинов будоражили его гладь.

Шли долго, но по-прежнему Грешилов, покусывая губы, объявлял по переговорной трубе:

— Противник не просматривается.

Это было досадно. Все ждали встречи с врагом, нового боя.

Прорыв в гавань

Фашистские подводные лодки рыскали по Черному морю, охотились за рыбацкими и мелкими транспортными судами, плававшими без охранения. Командиры советских подводных лодок смело нападали на большие, отлично вооруженные конвои противника, выхватывали крупные суда из-под носа у кораблей охранения. . .

Капитан 3 ранга Грешилов лишился семьи. Будановка оказалась в руках гитлеровцев. Перестал экспедитор приносить ему письма, сложенные треугольником. Грешилов ничего не знал о судьбе своих близких. Что там с сынишками, женой, матерью? Живы ли? Или, может быть, голодной смертью погибли, замученные врагом? Не получали писем и Бодаревский, и Морухов, и многие другие из экипажа «Малютки». Горечь безвестности и разлуки подводники забывали только в боевых походах.

На одном из торжественных вечеров в честь возвращения с победой подводной лодки капитана 3 ранга Иосселиани Грешилов поднял бокал за боевые успехи славного корабля. В ответ Иосселиани сказал:

— Желаю одного: чтобы мои орлы воевали крепко, по-грешиловски!

— Ну уж это ты, Ярослав, хватил через край! — смутившись, возразил Грешилов. Он не любил, когда его хвалили.

Вдруг по всему залу пронеслось из конца в конец:

— За встречу боевых друзей в родном Севастополе!

В ответ на эту здравицу кто-то крикнул «ура!», и все подхватили разом.

На подводной лодке Грешилова матросы продолжали хранить как реликвии ветки акаций, наломанные электриком Сергеевым в день прощания с главной базой Черноморского флота — Севастополем.

На военных базах Черноморского побережья Кавказа моряки каждый день говорили о Севастополе. Мечталось скорее попасть в милый сердцу город...

Многие офицеры обросли бородами. Иосселиани отрастил длинные усы.

На соединении подводных лодок острили: «Усы — фундамент гвардии!» И как-то сами собой утвердились среди боевых друзей прозвища: у Иосселиани — «Усы», а у Грешилова — «Борода».

Ближайшим партийным помощником Грешилова был командир четвертого отсека штурманский электрик Виктор Мамаев. Потомственный рабочий, харьковчанин Мамаев был замечательным специалистом своего дела и пользовался большим авторитетом у экипажа «Малютки». Он, как и большинство матросов, пришел на корабль с семилетним образованием. Его отличали необычайная общительность, неиссякаемый оптимизм и ровный веселый характер.

В надводном положении на походе парторг Мамаев стоял вахту сигнальщика. На корабле были уверены, что этот никогда не прозевает появления противника ни в воздухе, ни на воде. Случалось что-нибудь с дизелем или обширным электрохозяйством, Мамаев обстоятельно разбирал на собрании, по чьей вине это произошло и как избавиться от неполадок в будущем. Свои политбеседы он нередко заканчивал словами:

— С нами такая могучая партия, какой еще не видал мир. Ее создал великий Ленин!

Во время сильного шторма матрос открыл вентиляционную шахту для проветривания аккумуляторной батареи. Могла накатиться большая волна и залить аккумуляторы, лишить корабль двигательной силы под водой. Старшина трюмных Морухов вовремя заметил ошибку матроса и предупредил возможное несчастье. И тут строгим судьей на собрании был парторг Мамаев.

— Вы меня сами выбрали парторгом, — сказал он товарищам. — Мне, как коммунисту, до всего дело на нашем корабле. И не обижайтесь за резкие слова. Мы на корабле не потерпим ротозейства!

Перед уходом на боевую позицию в море коммунисты собирались обычно на самой лодке или на плавучей базе в каюте Грешилова. Выясняли, в каком состоянии механизмы, какие задачи поставлены на поход. Грешилов

мало отдыхал в походе, но, пожалуй, и того меньше отдыхал вездесущий парторг Мамаев, с виду небольшой физической силы человек.

К сигнальщикам у Грешилова были повышенные требования. Он часто повторял им:

— Увидел черную точку на горизонте — доложи! Всмотрись получше, не движется ли она. Помни, от твоего доклада может зависеть победа или гибель корабля!

— Сделаешь правильно — похвалит, ошибешься — поправит, — так говорили о Грешилове его подчиненные на подводном корабле.

Подводная лодка всплыла на поверхность моря как раз посредине между Крымским полуостровом и Малой Азией. Боцман Хриненко, стоявший вахту сигнальщика, заметил на зеркально-спокойной воде множество плавающих предметов и доложил Грешилову.

— Подойдем поближе и расспросим, — шутливо сказал командир, берясь за бинокль.

Каково же было удивление всех на мостике, когда увидели они в бинокли отдыхавших на воде гусей-гуменников. Птицы совершали свой осенний перелет с нашего Крайнего Севера на юг, к берегам Турции. Продолжительный перелет, видно, забрал у стаи запас сил, и она теперь отдыхала на водной глади перед тем, как устремиться дальше на юг.

— Отдыхают, — заметил Хриненко, любуясь неожиданным зрелищем. — И ведь не одни, товарищ капитан 3 ранга! У каждого на спине вроде по перепелке. . .

Боцман был прав. . . Перепелки начинают свой перелет к югу обычно на очень большой высоте, но, пролетая над морем, постепенно снижаются к самой воде. Потоки воздуха, восходящие над морем, помогают птицам преодолевать большие расстояния. Однако многие птицы, обессилев, падают и погибают в волнах. Теряя силы, перепелка готова сесть на все, что хоть сколько-нибудь возвышается над поверхностью моря. Эти птицы уже настолько обессилены, подлетая к берегам Турции, что падают на берег с раскрытыми клювами и становятся легкой добычей алчных охотников.

Грешилов поглядывал и за стаей и за горизонтом.

— Взаимопомощь. . . — заметил Хриненко, опуская бинокль на минутку и лукаво усмехнулся: — А что, това-

рищ командир, перепелкам, пожалуй, больше помощи, чем нам от союзничков...

— Но мы, боцман, не перепелки, — засмеялся Грешилов. — Однако, что верно, то верно: не спешат что-то союзники с открытием «второго фронта»...

Подводники продолжали наблюдать за водой и воздухом. Гуси по-прежнему держались спокойно, невозмутимо неся на своих спинах нежданных седоков, и даже не пытались их сбрасывать.

— А знаете, боцман, что сказал Добролюбов? «Плохие союзники — не союзники».

— Значит, на сто лет вперед глядел. Умный был человек, — заметил боцман, поднимая бинокль к глазам.

Очередной поход близился к концу, а подводная лодка так и не сделала ни одного торпедного выстрела по врагу. Это беспокоило каждого на «Малютке». У Грешилова в походе выработалось святое правило: с торпедами домой не возвращаться! Торпедам одна дорога: в борт фашистского корабля!

Минуты складывались в часы, часы в дни, дни в недели, а кораблей врага все не было. «Малютка» зря вспахивала черноморские волны, попусту сжигала дорогостоящее горючее. Тогда Грешилов решил не дожидаться больше встреч с противником в открытом море, а прорваться в ближайший к боевой позиции лодки порт противника и там торпедировать наибольший транспорт, одну же, последнюю, торпеду приберечь для выхода, если боновые ворота плавучего заграждения окажутся закрытыми.

Командир вызвал к себе парторга Мамаева, поговорил с ним, а затем собрал всех коммунистов и старшин во второй отсек. Грешилов никогда не чурался советов опытных моряков, взвешивал каждое предложение любого члена экипажа.

Командир доложил обстановку:

— Мы уже давно в море. Сами видите — противника нет. Ждать далее нельзя, на исходе запасы. Есть два выхода: либо идти домой без выстрела, либо прорваться в порт противника и там атаковать фашистов!

Замысел командира был ясен. Речь Мамаева была простой и короткой.

— Мы будем следить за вверенными нам механизмами с еще большей бдительностью. За нами дело не станет, товарищ командир. Правильно я говорю, друзья?

— Верно! — раздались голоса.

— Итак, товарищи, идем на прорыв в гавань противника! — решил командир корабля. — Всем разойтись по боевым постам!

От похода к походу росла у экипажа уверенность: «С нашим командиром можно воевать! Грешилов выведет «Малютку» на почетное место среди кораблей Черноморского флота!»

И эта вера в командира воодушевляла теперь каждого на подводной лодке. Подводники Грешилова давно выработали в себе привычку к опасностям и тревогам похода. Главное беспокойство было лишь о том, чтобы «техника» на корабле «не подкачала», «сработала» безотказно.

Грешилов подкрался к боновым заграждениям, запирающим вход во вражеский порт. Электромотор остановили. В отсеках притихли. Командир корабля стал поджидать, когда откроются боновые ворота. Но ни один катеришко, ни один корабль противника не приближался к заграждению, не запрашивал семафором разрешения на вход в гавань. Не к кому было подводной лодке Грешилова пристроиться в кильватер, проскочить незаметно во вражескую гавань. Ворота не открывались. . .

При очередном просмотре горизонта в перископ командир увидел дымок и вскоре различил силуэт транспорта, шедшего в охранении нескольких боевых кораблей. Конвой держал курс в гавань, где караулила его, притаившись, подводная лодка Грешилова.

Все яснее и яснее различались силуэты кораблей конвоя. Перископ поднимался лишь на какое-то мгновение.

— Миноносец, еще миноносец, четыре катера-охотника, шесть торпедных катеров, — считал капитан 3 ранга, наблюдая за конвоем, входившим в гавань.

— Торпедная атака! — объявил Грешилов и добавил: — Транспорт в шесть тысяч тонн! Прорываемся за ним в гавань! . .

По всем отсекам стало известно: сейчас бой! Это тебе не баржонка какая-нибудь, а большой грузовоз. Видать по всему, важный на нем груз, если одному транспорту придана целая дюжина кораблей охранения. Грешилов развернул «Малютку», изготовил ее к атаке с таким расчетом, чтобы выстрелить наверняка. Перекрестие нитей перископного прицела легло как раз посредине огромного транспорта. Торпеды пошли на цель. Большой силы взрыв

был услышан во всех отсеках. Командир успел заметить, что транспорт раскололся надвое и скрылся под водой. Это произошло за несколько минут.

«Малютка» уходила от места атаки. Глубина моря в этом районе была всего лишь одиннадцать метров. Не только акустику, но и всем было слышно в отсеках, как катера-охотники проносились над лодкой шумливой стаей. Это началось преследование, началась охота.

В отсеках слышалось, как булькали, погружаясь, и затем взрывались глубинные бомбы. От командиров отсеков приходили тревожные доклады:

— В отсеки поступает вода... Погас свет!.. Пожар в аккумуляторном отсеке!.. Меры принимаются...

Грешилов приучил личный состав докладывать всегда четко и спокойно, не повышая голоса, что бы ни случилось на корабле. Но как могло оставаться спокойным сердце самого командира, когда выслушивал он эти доклады?..

Враг бросал глубинные бомбы без передышки.

Акустик не снимал наушников. Ведь находились в гавани противника. Командир должен знать, что делается не только поблизости от подводной лодки, но и кругом нее... Каждый разрыв отдавался в ушах акустика громовыми раскатами, заставлял его корчиться от нестерпимой боли.

— Бьет по ушам! — жаловался моряк, когда к нему в акустическую рубку заглядывал Грешилов.

Прошло уже часа два с тех пор, как началась эта «охота». До начала атаки подводная лодка долго плавала под водой. Помещения давно не проветривались. Людям не хватало кислорода. Клонило ко сну. Мучила зевота.

Вдруг заскрежетало по левому борту. Звуки были неприятные, леденящие кровь: казалось, кто-то железными когтями-крючьями скребется о гладкий корпус «Малютки». В отсеках замерли... Это не было похоже на знакомый скрежет минрепов. Так что же это такое?..

Неожиданно все шумы разом пропали. Над лодкой воцарилась подозрительная тишина. Акустик доложил, что больше не слышит шлепанья корабельных винтов.

— Успокаиваться рано, — объявил командир. — Осмотреться по отсекам! Небось фашисты пошли за бомбовым грузом!

— Что за скрежет? — спросил Бодаревский. — Вы слышали, товарищ командир?

— Полагаю, металлическая сеть. Хотят нас поймать в нее, как неводом рыбу. Но черноморцев просто не возьмешь!

— Правильно! — отозвались несколько голосов в центральном посту. — Подавятся гитлеряги такой рыбешкой! .. Поперек горла им встанет!

— Когда предполагаете всплывать? — спросил командира помощник.

— Понимаю, — ответил Грешилов. — Вам бы хотелось взглянуть, что там наверху, и начать отход в море. Но есть ли уверенность, что над нами не притаился какой-нибудь катеришко с полным грузом бомб и только ждет, когда мы пошевелимся, чтобы сбросить его на наши головы?

Помощник промолчал. Всплывать не пришлось. Акустик предупредил, что вновь слышит работу винтов нескольких катеров-охотников.

Бомбежка возобновилась. В центральном посту Морухов ставил на бумажке палочки по числу взрывов. Он уже насчитал их сто тридцать три!

— Утопили мощного торгаша, вот почему и беснуются фашисты, — резюмировал Морухов, невозмутимо продолжая свою запись.

Катера отбомбились и ушли в порт за новым запасом смертоносного груза. Стало вновь тихо. Надолго ли? .. Преследование длилось уже шесть часов. Кровь звонкими молоточками стучала в виски. Дышать стало совсем трудно. Грешилов взглянул на часы. На поверхности уже наступили сумерки. Вот, пожалуй, и пришло время для того, чтобы всплыть и прорваться в открытое море. После такой длительной бомбежки враг, несомненно, считает лодку потопленной. Наступление ночи поможет «Малютке» одурачить фашистов и уйти невредимой.

Склонившись над штурманским столиком, Грешилов писал радиограмму — краткое донесение командованию о произведенной атаке. При первой возможности радист передаст на берег это сообщение о новой победе подводников.

Едва только Морухов начал продувать среднюю цистерну, как неподалеку рванула глубинная бомба. С фашистского катера бросали по одной бомбе, затем делали

небольшой перерыв, прислушивались, видимо, чтобы ударить вновь, еще точнее.

Грешилов не отменил своего приказа. Раз принятое решение он старался всегда довести до конца.

Акустик доложил, что все катера, кроме одного, ушли. Грешилов давал ход «Малютке» и тут же стопорил электромотор. Лодка двигалась рывками. Это делалось для того, чтобы спутать расчеты противника, не дать ему выследить лодку и понять ее маневр.

Когда катер-охотник стопорил ход, тут же останавливалась и «Малютка». Так толчками и ползла она в сторону от сбитого с толку противника.

— Контакта с противником нет! — доложил, наконец, акустик.

Минут через двадцать он доложил, что слышит отдаленную глубинную бомбежку. На лице его расплылась довольная улыбка. Фашисты старательно перемалывали море глубинными бомбами в том районе, откуда только что ушла подводная лодка.

Всплыли лишь через несколько часов. Никогда так вкусен не казался подводникам черноморский воздух. Люди в центральном посту подходили к рубочному люку и жадно вдыхали свежий, живительный аромат моря, считая счастливцами тех, кто в это время находился на мостике.

Осеннее небо затянуло облаками. Начинался шторм. Море пенилось и шумело. Грешилов вызвал торпедиста, ведавшего продовольственной кладовой-провизионкой.

— Выдайте коку продукты и команде по сто граммов красного вина для подкрепления здоровья! — приказал, улыбаясь, командир.

На мостик передали только что полученную от командования поздравительную телеграмму. Оказалось, что севернее Грешилова в море находилась еще одна советская подводная лодка. Она наблюдала потопление «Малюткой» большого транспорта противника и дала об этом знать в базу раньше самих победителей.

В родной порт «Малютка» Грешилова входила под звуки оркестра, выстроившегося на пирсе. Корабли в порту расцветились флагами. Такой торжественной встречи подводники не ожидали. Гремела медь оркестра. Грешилов стоял на мостике и пощипывал бороду, стараясь скрыть волнение. Сказать по правде, и Морухов,

и Бодаревский, и Виктор Мамаев, да и другие бесстрашные подводники волновались сейчас, пожалуй, не меньше, чем во время атаки в логове фашистского зверя.

Вечером в базе показывали кинофильм «Чкалов». Вместе с личным составом смотрел кинокартину и Грешилов. Он жил одной жизнью со своим экипажем. Чкалов говорил с экрана: «Я буду летать до тех пор, пока глаза видят землю, а руки могут держать штурвал. . .»

Это так отвечало мыслям Грешилова. Он думал, следя за картиной: «Я буду плавать и топить врага до тех пор, пока глаза мои его видят и хватит голоса, чтобы скомандовать «пли!»

Матрос-экспедитор, передавая на берегу письмо боцману Николаю Хриненко, сказал:

— Оригинальный адресок, старшина: всем дядям Колям-морякам! Вручаю вам, как одному из многих Николаев, а вы уже сами распорядитесь письмом.

Письмо было написано незнакомым почерком. Сколько таких писем получали наши воины, возвращаясь из каждого похода. . .

«Здравствуйте, героические дяди Коли! — говорилось в письме. — Шлю вам горячий пионерский привет и желаю беспощадно уничтожить всех фашистов, напавших на наши мирные города и села.

Я, воспитанница детдома г. Новосибирска, решила написать небольшое письмо всем дядям Колям-морякам, потому что мой дядя Коля, которого я так любила, погиб на войне как герой.

Наш детский дом, все воспитанницы, работают сейчас на подсобном хозяйстве, сдают продукты питания в фонд обороны.

Товарищи черноморцы, дяди Коли! Беспощадно истребляйте врага за погибших моих папу, маму и моего дядю Колю! Мы, воспитанники детдома, поможем вам разгромить врага своей отличной учебой и работой на колхозных полях. До свидания, доблестные моряки! Писала воспитанница детдома, ученица пятого класса. Жду ответа, как птичка лета. ИВАНОВА ВАЛЯ. г. Новосибирск, село Бугры, Тульская улица, Бугринский детдом № 5, получить Вале Ивановой».

Долго говорили на «Малютке» об этом письме пионерки.

— Правильно пишет, дивчинка! — сказал Хриненко, передавая письмо другому Николаю, трюмному машинисту Климову.

Посовещавшись, моряки решили отправить письмо в редакцию флотской газеты. Пусть все черноморцы узнают о Вале из далекого Новосибирска, чье маленькое сердце полно любви к родным людям и ненависти к врагам, отнявшим у нее детство.

Радостная весть прокатилась по всему Советскому Союзу: Красная Армия перешла в контрнаступление против гитлеровских войск в районе Сталинграда. Окружена огромная группировка фашистских войск, свыше трехсот тысяч офицеров и солдат.

К мощным ударам Советской Армии черноморцы, балтийцы и североморцы присоединяли свои сокрушительные удары по вражеским кораблям.

«Малютка» готовилась в очередной поход, но уже под командованием другого офицера... Настало время Грешилову расстаться со своими «хлопчиками», которых воспитал и полюбил он по-отечески.

Капитан 3 ранга Михаил Васильевич Грешилов получил в командование бо́льший корабль — подводную лодку типа «Щука».

Душевно прощались матросы, старшины и офицеры со своим командиром. С ним они хорошо и счастливо воевали, не раз, возвращаясь в родную базу, салютовали в честь одержанных побед... Хриненко предложил всем вместе сфотографироваться на память. Возле корабельного орудия расположился весь экипаж «Малютки». В последний раз обратился командир с речью к боевым соратникам. Она была краткой.

— Товарищи! Можете навсегда числить меня в вашем экипаже! Я никогда не забуду вас, не забуду нашу «Малютку»...

Военная обстановка разлучила «Малютку» и «Щуку». Но все равно люди с «Малютки» часто получали весточки от своего бывшего командира и в ответ писали ему трогательные коллективные письма, докладывали о боевых успехах.

Под командованием нового командира капитан-лейтенанта Владимира Матвеевича Прокофьева «Малютка» продолжала бить фашистов. На этом боевом корабле вы-

рос и возмужал Грешилов вместе с другими черноморцами. Как можно было забыть такой корабль?

Мощное летнее наступление Советской Армии в 1943 году, грандиозная битва под Курском поставили гитлеровскую армию перед катастрофой. За один только год фашисты потеряли свыше четырех миллионов солдат и офицеров. От захватчиков было освобождено около миллиона квадратных километров советской территории.

Едва только враг был изгнан из Курской области, как командование отпустило Грешилова на несколько дней в родную Будановку, чтобы узнать о судьбе пропавшей без вести семьи.

Летел офицер домой кружным путем: через Баку, Астрахань в Москву, а оттуда добрался по железной дороге до Борисоглебска и далее на грузовиках уже до Курска.

В одном из аэропортов моряк вычитал из газет о том, что бывшая его «Малютка» стала гвардейским кораблем. Подводник заволновался. Стал рассказывать соседям по самолету о замечательном корабле и его коллективе, показывал небольшую заметку в газете, прославлявшую гвардейскую «Малютку», и часто повторял свое восторженно-вопросительное: «Ну, каково? А?»

Он только по скромности не сказал никому, что еще недавно командовал этой «Малюткой», стяжал ей славу. . .

Сколько сожженных сел, городов, сколько слез обездоленных матерей, жен и детей повидал Грешилов на своем пути по освобожденным местам. Ехал он по недавним фронтовым дорогам и часто спрашивал встречных:

— А не слыхали про Будановку? Как там в Курской области, много ли погубили фашисты мирного населения? . .

Глядя на пепелища сметенных с лица земли сел, на вырубленные леса, на бесчисленные могилы, рассеянные по дорогам, на зияющие воронки от фугасных бомб, заполненные дождевой водой, Грешилов думал о том, как мало он еще сделал для разгрома врага, что воевать с фашистами надо еще крепче, еще настойчивее. С каждым шагом, с каждым поворотом колеса, приближавшим его к родным местам, росла тревога за близких.

Не доезжая до Будановки, узнал Грешилов, что его родного дядю, коммуниста, председателя колхоза, рас-

стреляли немцы. Тяжкая весть еще более насторожила моряка. Он горестно думал сейчас о своей семье, к которой так стремился. Может быть, и ее постигла такая же злая участь, как и многих других земляков.

Вот показалось, наконец, село, где протекло детство моряка. Отсюда уехал он когда-то на тормозной площадке товарного вагона в Курск в железнодорожное училище. Не хватало денег на билет, бегал по крышам, спасаясь от контролеров...

Гитлеровцы бежали из Будановки так поспешно, что не успели спалить деревню и угнать в неволю ее жителей.

Вот и много раз виденный во сне родной дом. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Ноги, словно налились свинцом, отяжелели. Рука не поднимается, чтобы взяться за дверную ручку. Грешилов глянул в окно.

Мать хлопотала с ухватом у печи, готовя обед. Жена стирала в деревянном корыте.

Он пересилил волнение, толкнул дверь. На него взглянули испуганно, как на чужого. Им был незнаком этот бородатый, чем-то взволнованный человек. Но когда заговорил он, когда сказал всего лишь три коротких слова: «Здравствуйте! Вот я и пришел», — дети бросились к его коленям, повисли на плечах мать и жена.

— Ну, будет, будет. Плакать-то зачем? — говорил он, прижимая к себе жену и мать. Но и его глаза были полны слез, а голос пресекался от волнения.

Мать и жена захлопотали по дому, готовя угощение родному гостю.

Грешилов сел на лавку, взял младшего сынишку на руки. Подошел старший, прижался к отцу, щекой к щеке.

— Папка, какой же ты колючий!

— Так положено! — счастливо засмеялся отец. — На войне с врагами надо быть ершистыми.

Вскоре от набежавших в избу родичей и соседей негде было повернуться. Кто-то принес водки, выпили по рюмке, поздравили с благополучным приездом и пожелали доброго здоровья всему храброму советскому воинству — сухопутному и морскому.

Свидание с семьей было коротким, не успели и поговорить как следует. Один лишь день прожил дома Грешилов.

И вновь по фронтовым разбитым дорогам возвращался моряк в далекую черноморскую базу...

Как сон, промелькнул этот день в родной избе, где некогда прошло детство.

И вот уже снова он слышал громовые раскаты орудий, взрывы авиабомб, удары глубинок. Подводник вернулся на линию огня.

Трудная победа

Советская страна один на один воевала с фашистской Германией, под властью которой находилась вся Западная Европа с ее живыми ресурсами и колоссальным военно-промышленным потенциалом. Бои шли у стен Ленинграда, в суровом Заполярье, наши бойцы отстаивали кровью каждую улицу, каждый дом, каждую пядь земли в Сталинграде. Враг вступил в предгорье Кавказа. Отогнанные от Москвы и сильно потрепанные в боях полчища гитлеровцев еще стояли в каких-нибудь ста двадцати километрах от нашей столицы. Но советский народ не собирался складывать оружие в единоборстве с фашистским зверем. В тяжелых, кровопролитных боях с Вооруженными Силами социалистического государства гитлеровская Германия и ее сателлиты понесли тяжелые, невосполнимые потери в людях и технике. Справедливая историческая победа советского народа стала очевидной, она близилась.

Наши моряки помогали доблестной Советской Армии громить захватчиков.

Грозою гитлеровцев на Черном море наряду с другими кораблями в 1942 году стала и подводная лодка «Малютка», которой командовал Грешилов.

Моряки клялись беспощадно бить врага за поруганный, залитый матросской кровью Севастополь.

После небольшого текущего ремонта «Малютка» Грешилова снова собиралась в море. Мотористы, трюмные машинисты и торпедисты (в который раз!) проверяли механизмы на своих боевых постах.

Подводники знали: не любит их командир выслушивать в море доклады о неполадках. Лучше уж все сделать своевременно возле пирса, чем в море, близ кораблей противника, да еще в самый неподходящий для этого момент.

Наступили минуты расставания перед боевым походом. На корабль прибыли командир и комиссар соеди-

нения. Они прошли по отсекам от носа до кормы, каждому воину пожали руку, поговорили и пожелали счастливого плавания и новых побед.

В ночной тишине раздалась знакомая, но всегда волнующая моряка команда: «По местам стоять, со швартовов сниматься!»

Растаяли, скрылись в ночной мгле родные берега. Началась походная жизнь, полная неожиданностей и тревог.

Грешилов и сигнальщики стояли на мостике. Каждый наблюдал за своим сектором. Командир осматривал весь горизонт, проверяя сигнальщиков.

— Бдительность, бдительность! — сколько раз напоминал об этом своим воинам Грешилов.

Штурман склонился над столиком, занявшись прокладкой курса на карте, исколотой ножками циркуля. Как волчок, жужжал неугомонный гирокомпас. Небольшая волна лизала борта корабля.

— Самолеты противника! — послышался вдруг голос сигнальщика. Боцман Хриненко предупредил командира вовремя. По команде «Срочное погружение!» все бросились к рубочному люку и стремительно спустились вниз. Последним, как всегда, сошел с мостика Грешилов. Он задраил за собой тяжелую крышку люка.

Сотни раз погружались подводники, считая это дело обыкновенным. Но на этот раз получилось по-иному...

...Перед походом в распоряжение командира лодки прибыл для стажировки курсант Военно-морского инженерного училища. Юноша оказался любознательным, старательным, всем интересовался на корабле, службу любил. Место курсанту отвели на ящиках за дизелем, где юный моряк и отдыхал в момент срочного погружения.

Услышав тревожное кваканье ревуна, старшина мотористов Белецкий застопорил дизель. Электрик Соловьев давно выработанным, привычным движением задраил выхлопной клапан, наглухо запер переборочную дверь и дал ход электромотору, движущему лодку под водой. Все делалось точно, как много раз до того.

Командир электромеханической части, заболевший в самом начале похода, пластом лежал на койке. Но личный состав настолько был приучен к слаженным действиям во время срочных погружений, что все шло без заминок. Грешилов внушил экипажу с первых же дней совместного плавания, что дисциплина — мать победы.

Плохи дела корабля, где дисциплина хромает. И если хоть один недисциплинированный затесался в среду исполнительных моряков, он может подвести и товарищей и корабль. Ведь на подводной лодке боевой успех зависит от каждого члена экипажа, без исключения. Вильнул немного рулевой во время атаки — и торпеды пойдут мимо цели, атака будет сорвана. Спутал электрик команду, дал мотору не тот ход — атака сорвалась. Командир прикажет «пли!», а торпедист провозится несколько лишних секунд, и противник ускользнет безнаказанно. Работа всего личного состава может пойти насмарку из-за одного нерадивого человека...

Систему механизмов, находившихся в ведении электриков, Грешилов сравнивал с кровеносной системой. Электроток вращает гребной винт погрузившегося в воду корабля, дает жизнь приборам, освещает отсеки и трюмы. Ток — это кровь, питающая могучий, продуманно созданный людьми организм подводной лодки. Электрики управляют «кровеносной» системой корабля и отвечают за нее. Вот почему к ним у Грешилова были повышенные требования. А, может быть, еще и потому, что сам командир был некогда электриком в Магнитогорске.

— Семь раз проверь — один раз доложи! — советовал матросам и старшинам командир корабля, внушая им это непременное правило подводника.

И вот пришел этот грозный час проверки...

По команде «Срочное погружение» подводная лодка не погрузилась, как обычно, а, завалившись на корму, стала падать в глубину, точно вздыбленный конь с кручи. Стрелка глубиномера уклонялась все дальше и дальше вправо перед глазами ошеломленного боцмана.

...По ревуну стажер-курсант, спавший за дизелем, вскочил с ящиков, подбежал к выхлопному клапану и спросонья, не разглядев, в каком он положении, вдруг представил себе, что тот не задраен и корабль может из-за этого утонуть. Курсант взволнованно, знаками, как принято было изъясняться в обычно шумном отсеке, спросил у старшины Белецкого:

— Закрывать?

Старшина понял вопрос по-своему: «Закрыт ли клапан?» — и утвердительно кивнул головой.

Получив утвердительный ответ (ведь старшина кивнул головой!), курсант стал закрывать клапан. Но ведь он-то

был уже задраен, и курсант, раскрутив маховик не в ту сторону, открыл дорогу забортной воде в отсек.

Дифферент быстро переместился в корму. Нос лодки задирался все выше и выше. Под огромным давлением вода хлестала в дизельный отсек. Переборки с вделанными в них круглыми дверьми стали палубой...

Старшина Сергеев, пытаясь войти в отсек, чтобы помочь товарищам, вынужден был стоять на переборке и дверь открывал не как обычно, толчком, а поднимал на себя, будто лез в погреб. Но и он, огромной силищи моряк, не смог один справиться с дверью, ему помогли подоспевшие матросы. Войдя в отсек, Сергеев бросился на помощь своему другу Белецкому.

В это время Грешилов запрашивал из рубки:

— Доложите, что случилось? Доложите, что случилось?

— Через всасывающий коллектор в отсек поступает забортная вода, — ответил Сергеев по переговорной трубе.

Подводная лодка, став на корму, падала почти вертикально, она «пикировала» в глубину, как самолет во время атаки...

Что же делалось в эти минуты в электромоторном отсеке?..

Когда послышались отрывистые, частые сигналы ревуна — предупреждение о срочном погружении, — все свободные от вахты должны были спешить на свои боевые посты. По этому сигналу мгновенно задраивались переборки всех отсеков. Кто не успел попасть к себе, тот оставался невольно там, где заставал его сигнал.

Вышло так, что матрос Соловьев оказался один в электромоторном отсеке. Не слышалось голосов за переборками. Отсеки были задраены. Экипаж будто вымер. Только тревожно шумел гребной винт, вонзаясь, как штопор, в морскую толщу.

По приборам, находившимся перед глазами, Соловьев представлял себе, что делается сейчас на корабле. По глубиномеру он знал, на какой глубине находится лодка, и понимал угрожавшую ей опасность.

Последнее приказание из центрального поста к Соловьеву поступило с минуту назад: дать полный ход электромотору! Но не помог и этот приказ Грешилова. Лодка не прекращала падения. Тогда Соловьев самовольно прибавил обороты электромотору до самого полного. Он на-

деялся, что это вызволит корабль, приостановит погружение.

Стрелка глубиномера действительно задержалась на какие-то секунды. Казалось, что она уже прекратила свой опасный бег, но вот она дрогнула и снова поползла к смертельным глубинам.

Как опытная машинистка, печатая десятью пальцами, без ошибки находит любую букву даже в полной темноте, как виртуоз скрипач, не глядя на струны, безошибочно извлекает те ноты, которые создают стройное звучание волнующей музыки, так и подводники-мотористы, трюмные машинисты, электрики работают на походе у своих механизмов.

Грешилов надеялся на сообразительного и всегда невозмутимого трюмного машиниста Морухова, на спокойного и выдержанного электрика Сергеева, на отличного моториста Белецкого. Командир знал: эти не подведут! . .

И Грешилов не ошибся в старшинах. Сергеев сделал все, что мог. Он вовремя подоспел на помощь к Белецкому. Едва заскочил в отсек, как тут же перед ним закрыли дверь переборки. Не совладать бы одному Белецкому с маховиком. Вдвоем Белецкий и Сергеев с помощью ломика, понатужившись, задраили маховик.

Хотя поступление воды приостановилось, но лодка по-прежнему падала в глубину почти вертикально. Все как бы переместилось в ней. Все оказалось не на месте. Люди едва держались на ногах. Погружаясь, «Малютка» проскочила предельную для себя глубину, за которой таилась ежесекундная опасность быть раздавленной толщей воды.

«Малютка», казалось, была обречена. Не помогали приказы Грешилова, не спасли лодку отвага и адский труд Белецкого и Сергеева. . . Еще оставалась надежда на комсомольца трюмного машиниста Морухова. Он действовал, обливаясь потом, будто в жарко натопленной бане у себя в Смоленской деревне Митькове.

Прошло всего лишь несколько коротких минут после отдачи команды «Срочное погружение». Морухов вцепился обеими руками в клапан, чтобы не свалиться. Он слышал, как боцман докладывал Грешилову о резко менявшихся глубинах, нараставших с каждым мгновением. Стрелка глубиномера стремительно ползла вправо, торопя

гибель, отсчитывая со страшной быстротой метры от поверхности моря.

Грешилов беспокоился об одном: «Продул ли Морухов цистерну быстрого погружения? Если этого не сделано, лишний балласт не позволит лодке всплыть».

А хлопотливый Морухов, читая мысли командира, уже по своей инициативе вторично продувал цистерну быстрого погружения. Лодка падала.

Морухов дважды продул «быструю», а стрелка глубиномера все ползла и ползла вправо по циферблату. Корабль вздыбился. Отсеки в нем расположились не горизонтально, а вертикально, как в многоэтажном доме.

Морухов работает одной рукой, открывая и закрывая клапаны, а другой цепляется за магистраль, чтобы не упасть. . .

Трещит корпус «Малютки». Этот зловещий треск тревожит душу, леденит кровь в жилах. Немногие метры отделяют подводников от последнего мгновения.

— Продуть кормовую цистерну! — приказывает Грешилов из рубки.

Не смерть страшит командира корабля. Нет! Он давно приготовил и себя и весь личный состав к битве с врагом насмерть. Жизнь моряка принадлежит любимой Родине. За Родину, за партию готов он отдать свою жизнь в бою. Но страшно умереть зря, не в битве, а по чьей-то оплошности. Тяжко думать о том, что погибнет боевой корабль, уйдет из жизни дружный коллектив черноморцев, пропадут ни за что любимцы Грешилова, его орлы. . . Они ведь так верят ему, своему командиру! . .

Морухов продувает кормовую цистерну. Его мысль работает одновременно с командирской. Он думает сейчас об одном: о спасении товарищей и корабля.

Вдруг тонкой и сильной струей забила вода в центральном посту. От избыточного давления лопнул визир уравнительной цистерны. Кто-то из матросов не растерялся, ловко забил аварийной пробкой отверстие, из которого хлестала вода. Однако добавочный груз, принятый в отсек, еще более утяжелил лодку, продолжавшую погружаться.

Треск корпуса стал угрожающим. В третий раз Морухов закрыл кингстон цистерны быстрого погружения и начал работать с цистернами главного балласта.

Всего лишь несколько минут назад так просто было нести вахту, выполнять приказы командира. Но трудно и лихому наезднику удержаться в седле на взбесившемся коне. На плечи Морухова будто навалился многопудовый груз, он гнет, пригибает Морухова книзу, не дает ему распрямиться, но старшина не сдается, тянется к спасительным клапанам выполнить, быть может, последний приказ командира. Вот они уже близко, эти клапаны. Их до тридцати сверкает перед глазами Морухова. И он пробирается ползком по перекосившейся палубе, срывается, падает, поднимается вновь, не чувствуя боли, тянется избитыми в кровь пальцами к аварийной колонке воздуха высокого давления.

Герой Советского Союза подводник трюмный машинист *А. С. Морухов*

Еще один рывок. Еще одно нечеловеческое усилие. Сейчас мгновения решают судьбу корабля. И старшина ухватился, наконец, за один из клапанов аварийного продувания.

Злое шипение сжатого воздуха прозвучало в ушах людей чудесной, чарующей музыкой. Морухов осушил кормовую цистерну, облегчил корабль. Стрелка глубиномера замерла. К ней были прикованы сейчас десятки глаз. Вот она качнулась, как маятник, вправо—влево и не спеша побежала влево.

— Вот так-то! — восторженно крикнул парторг Мамаев. — Мы еще поживем! Поплаваем! . . Повоюем!

Вздох облегчения вырвался у всех, кто находился в центральном посту.

Морухов, сняв замасленную пилотку, смахнул наконец с лица капли пота. Только сейчас почувствовал он усталость, будто долго поднимался высоко-высоко в гору. . .

Товарищи, уже понявшие величие совершенного им подвига, смотрели на него с радостным удивлением. А он глядел на них, щурясь от яркого света, и никак не мог взять в толк, чего это уставились на него друзья.

— Вот какая, гляди, вышла незадача! — говорил он, косясь на залитый водой отсек и виновато разводил руками. — Грязищи-то сколько! Грязищи . . .

— Так вот ты какой, Сашко Морухов! — растягивая слова, пробасил боцман Хриненко.

А старшина Морухов уже снова хлопотал. И невдомек ему, простому смоленскому пареньку, что совершил он большое дело, имя которому — подвиг.

Надо осушить дизельный отсек, надо придать кораблю нормальное положение, поставить его на ровный киль. Еще корма где-то внизу, нос задран, и трудно людям держаться в отсеках . . . Радостно зачавкала, зафыркала трюмная помпа, откачивавшая воду.

Пилотка Морухова сбилась на затылок. Потное лицо поблескивает при свете ламп.

Вот выровнялась «Малютка», и все стало на свои места. Уже не надо хвататься за трубопроводы, чтобы не упасть.

Грешилов спустился в центральный пост, крепко пожал руку Морухову.

— Молодчинище вы, старшина! Действовали смело и находчиво! Вам обязан корабль своим спасением!

Глядя смущенно на командира, Морухов ответил:

— Служу Советскому Союзу!

Грешилову не сидится в центральном посту. Оставив за себя Бодаревского, он пошел по отсекам поздравить личный состав с избавлением от гибели.

Трудную победу одержал сегодня экипаж «Малютки». И она далась не случайно.

Старшины Сергеев и Белецкий сделали все, что могли, для спасения корабля. Но растеряйся или промешкай Морухов, быть может, напрасными оказались бы решительные действия его товарищей . . .

Спустя несколько часов после неудачного срочного погружения «Малютка» всплыла на поверхность. Ни кораблей в море, ни самолетов в воздухе не было. «Горизонт и воздух чисты!» — доложили сигнальщики.

Воду из отсека откачали, сменили масло в картере дизеля, опробовали двигатель. Все нормально, можно про-

должать боевой поход, искать противника, выполнять задание.

В тот же день «Малютка» заняла назначенную ей боевую позицию. К вечеру вблизи минного поля, отмеченного на командирской карте, был обнаружен фашистский конвой: крупный транспорт и корабли охранения.

Чтобы сблизиться с противником, «Малютка» должна была пройти через минный барраж . . . Не однажды приходилось подводникам пересекать такие заграждения, спрятанные врагом под водой. И на этот раз опасность не заставила их отказаться от выполнения воинского долга.

В переговорной трубе то и дело слышатся доклады:

— Скрежет по левому борту!

— Касание минрепа по корме!

Грешилов отворачивает корабль то вправо, то влево, меняет скорости хода, стараясь избежать опасности, но тут же поступают новые доклады:

— Трет по правому борту!

— Слышно касание минрепа по носу!

Командир будто видит сквозь корпус лодки все смертоносные преграды и счастливо избегает их. Каким чутьем и крепкими нервами должен обладать командир подводной лодки в эти минуты! Ведь ошибиться в минном поле можно только один раз! . .

Вот что-то противно заскрежетало в корме. Это минреп! Значит, сцепилась «Малютка» со смертью. Идет с ней в обнимку. На одном конце минрепа — якорь. Он цепко врос в грунт. А на другом, как одуванчик на длинном стебле, раскачивается смертоносный шар. Какие-то метры отделяют от него подводников . . .

Мотор застопорен. Руль положен лево на борт. В отсеках застыла гнетущая тишина. Слышно лишь тяжелое дыхание людей да сорочий стрекот приборов.

— Ну, кажется, все. Вырвались! — не сказал, выдохнул Морухов, когда скрежетание прекратилось.

Минное поле осталось за кормой.

Противник уже близко. Грешилов стиснул зубами карандаш, поглядывая в перископ. Помощник в рубке вел расчеты для атаки. Когда Грешилов опускал перископ, то брался тут же за карандаш и проверял: сходятся ли его расчеты с расчетами Бодаревского.

В центральном посту знали: если у командира в зубах

карандаш — наступает решительный момент! Близится атака!

Акустик доложил кратко:

— Сторожевой корабль слева по носу, градусов десять! ..

Вскоре над самой лодкой с шипением и свистом промчался сторожевик.

— Справа транспорт! ..

На мгновение Грешилову вспомнился его первый торпедный удар по баржам впустую, первая неудача. Как-то после того похода командир бригады сказал ему на берегу (не то в шутку, не то всерьез):

— Если, командир, и дальше будешь так стрелять, придется денежки с тебя высчитывать за торпеды . . .

Нет! Теперь Грешилов не промахнется! Не малый опыт накоплен в походах. Этот транспорт — не первый корабль, отправляемый подводником на дно. За Севастополь били, сейчас Грешилов ударит за Сталинград. Командир в последний раз приложился глазом к окуляру перископа. Правая рука с силой рубанула воздух.

— Торпедные аппараты . . . Пли!

Нет, не зря пробирались они по минному полю, не зря полировались нервы . . . Торпедированный «Малюткой» транспорт тонет. Вот уже скрылись под водой его надстройки и мачты.

Грешилов стопорит мотор. Надо положить подводную лодку на грунт так, чтобы не поднять со дна предательский мутный ил, не выдать противнику своего места.

Глубина здесь по карте малая. И без докладов акустика в отсеках ясно слышен шум винтов мечущихся над лодкой катеров-охотников.

При каждом близком взрыве глубинной бомбы испуганно вздрагивают стрелки приборов. С оглушительным треском лопаются электроплафоны, разлетаясь дождем стеклянных брызг. Самопроизвольно приоткрываются клапаны продувания отсеков сжатым воздухом. Давление в лодке резко повышается, людям становится трудно дышать.

Разрывы глубинных бомб следуют один за другим. В отсеках царит полумрак. Сохраняя драгоценную энергию, подводники выключили многие механизмы и приборы. Временами вовсе гаснет свет. Тогда вокруг слышится шмелиное жужжание, будто душной августовской

ночью в степи. Это жужжат карманные фонарики. Выключен гирокомпас. На него, для верности, навалили несколько полушубков, чтобы не стонал громко, пока «Малютка» стопорит ход. Остановлены даже корабельные часы, чье мерное тиканье отдается в ушах оглушительным боем.

Помощник командира Бодаревский отсчитывает разрывы, с педантичной аккуратностью ставит палочки на полях записной книжки. Но вот разрывы стали постепенно удаляться, глохнуть и вовсе пропали. Очевидно, фашисты решили, что с подводной лодкой покончено. Однако командир «Малютки» не торопился всплывать. Только к вечеру Грешилов вывел свой корабль в открытое море.

Никогда так радостно и легко не дышалось подводникам, как в ту памятную ночь. Никто не обращал внимания на качку. Напрасно старался норд-вест — «Егор Сорви-Шапку», как называл боцман этот злющий ветер.

С очередной победой «Малютка» возвращалась в родную гавань. Курсант не выходил из отсека. Он забился за дизель и не показывался оттуда до самой гавани.

В тот вечер друзья видели Александра Морухова, склонившегося над листком бумаги. Лицо его было торжественно сосредоточено, губы что-то нашептывали. Несколько раз он переписал короткую бумажку. Хотелось изложить свои мысли поярче, складнее, но в конце концов он сдал так, как получилось:

«В трудные для любимой Родины дни моя жизнь безраздельно принадлежит великой Коммунистической партии. Это партия сделала всю мою страну могущественной и цветущей. Нашей счастливой жизни помешал враг. Хочу защищать свою землю коммунистом».

Грозные корабли

Грешилов принял среднюю подводную лодку типа «Щука». Новое назначение ничуть не изменило его характера и привычек. И на «Щуке» он продолжал оставаться таким же, как и на «Малютке». Личный состав скоро убедился в том, что новый командир хоть и строг, требователен, но справедлив и умеет найти путь к матросскому сердцу. Недаром, видно, когда-то выполнял он обязанности матроса на учебном корабле, сам недолюбливал начальников, которые сгоряча, по настроению, наказывали или поощряли подчиненных . . .

На первом партийном собрании Грешилов рассказал коммунистам «Щуки», как он, будучи курсантом, участвовал в военном параде на Красной площади в честь XVII съезда партии. Юный моряк был приглашен вместе с другими курсантами, будущими офицерами флота, в Георгиевский зал Кремлевского дворца на прием, устроенный руководителями партии и правительства. Бывший крестьянский паренек, электрик из Магнитогорска, сидел за одним столом вместе с руководителями партии и страны.

«Тот съезд партии вошел в историю как съезд победителей. Советская страна из аграрной превратилась в мощную индустриальную державу, — вспоминал офицер. — Не будь этого, могли бы мы думать о разгроме вооруженного до зубов фашизма? . . »

В Георгиевском зале Кремлевского дворца Грешилов услышал слова Ворошилова, обращенные к морякам:

— Будут новые советские корабли. Для новых боевых кораблей надо готовить опытных, знающих, закаленных и храбрых командиров-патриотов . . .

Те, к кому были обращены некогда эти вещие слова, командовали военными кораблями в годы Великой Отечественной войны. Одним из таких командиров стал и капитан 3 ранга Михаил Васильевич Грешилов.

Подводники жадно внимали рассказам своего командира.

Он выработал привычку не спускаться в походе с мостика в свою каюту по ночам. Он отдыхал наверху, подстелив под себя брезент, чтобы в любой момент вскочить по тревоге. Боцман заботливо укрывал командира ватником, беспокоясь, как об отце.

На подводной лодке все старались равняться на командира, который пришел к ним с корабля, заслужившего своими победами высокое гвардейское звание.

Выбрав свободный час, командир много читал в походе. И матросы перед выходом в море выпрашивали у берегового библиотекаря книги поинтереснее, потолще, чтобы хватило чтения на весь поход. Библиотекарь не скупился, только предупреждал, чтобы возвращали в срок.

— Ой, хитрюга ты, начбиб! — корил его боцман. — Думаешь, не вернем? Забываешь, видать, что наш командир с «Малютки», в огне не горит и в воде не тонет . . . Давай, не рядись! Непременно вернем! С Грешиловым не потонем! . .

И вот вышла «Щука» на первую боевую позицию с новым командиром...

Вахтенный командир обнаружил в перископ два фашистских катера-охотника и доложил об этом.

— Наблюдать! — приказал Грешилов.

Для него это было хорошей приметой. Не будут катера просто так, за здорово живешь, разгуливать по морю. Следом за ними всегда жди интересную цель. И она не замедлила появиться на горизонте. Это шли четыре больших корабля.

— Самолет противника! — доложил вахтенный командир.

Слышалась отдаленная бомбежка. Это катера-охотники «прозванивали» район, бросали глубинные бомбы, распугивая рыбу и дельфинов.

— С опаской идут, со звоном, — говорил Грешилов, прислушиваясь к отдаленному грому. — В чужом ведь море. Недаром Черное море называлось некогда Русским. Гитлеровцев сюда не звали...

Подводная лодка погрузилась. Грешилов поднял перископ и тут же опустил его. Конвой вдруг резко изменил курс и увеличил скорость.

— Какая глубина? — запросил капитан 3 ранга.

Штурман доложил.

— Шум по правому борту! Шумы по корме... Удаляются! — докладывали из акустической рубки.

— Увернулись шакалы! — зло процедил сквозь зубы командир.

Атаковать конвой не удалось. Всплыли через некоторое время. Ночью на мостике показался матрос с ведром и попросил разрешения выбросить за борт мусор. Каждую бутылку разбивали, каждую пустую банку дырявили гвоздем в нескольких местах, чтобы непременно затонула. Надо было соблюсти скрытность своего местопребывания. Этого правила Грешилов придерживался всегда и на «Малютке» и на «Щуке».

Первый поход на «Щуке» не принес Грешилову победы. На очередной встрече в честь черноморцев-победителей кто-то из офицеров, смеясь, рассказал о командире-подводнике, которого после похода спросил командующий:

— Сколько потопил?

— Четыре штуки...

— Транспортов или барж?

— Потопил четыре... торпеды...

Это, конечно, была шутка, но она задела Грешилова за живое.

Возвратившись на плавучую базу к себе в каюту, он сказал комиссару:

— На «Малютке» первая встреча с противником тоже получилась не наилучшим образом... Но мы продолжали учиться и научились побеждать...

— Верно, — поддержал комиссар. — Ты, Михаил, не переживай! Будет еще и на нашей улице праздник. И не один!

В середине августа 1943 года «Щуке» Грешилова отвели позицию в районе Ялта — Севастополь. Почтовый голубь сел на антенну, когда лодка всплыла. Не в первый раз садились птицы на палубу корабля в море. Голубь, возможно, летел с каким-то важным донесением. Комендор, старый голубятник, вызвался поймать почтаря, да тот, завидев крадущегося человека, тут же взвился ввысь. Только его и видели... Попал комендор — охотник за голубями в... стенную газету «Подводный крокодил».

В районе Судака Грешилов потопил самоходную баржу. Но для своего нового корабля он считал это слишком мизерной победой.

Боевая позиция «Щуки» располагалась в районе, близком к Ялте, в трех — четырех милях от берега, окутанного голубой дымкой.

В перископ виднелась знакомая до подробностей бухточка. На берегу возле какого-то санатория фашистские солдаты купали в море лошадей. Мимо проходила баржа. «Табун лошадей, самоходная баржа — не плохие цели», — решил подводник и выстрелил, когда баржа поравнялась или, как говорят моряки, состворилась с кавалеристами.

— Смешали кислое с пресным, — сказал Грешилов, как говорил бывало боцман Хриненко.

В перископ было видно суматоху, поднявшуюся на берегу. Лодка тут же погрузилась. Из ближайшей фашистской базы набежали катера-охотники. Началась бомбежка. Решено было неподвижно держаться на «жидком грунте». Плотность воды в этом «грунте» больше, чем в соседних слоях, и отличается от них своей температурой и степенью солености. Вот почему лодка, попав в него, может пребывать без хода, лежа на глубине, как на перине.

В отсеках установилась полная тишина. Командир приказал выключить все приборы, производившие хоть малейший шум.

Когда бомбежка прекратилась, «Щука» взяла курс к Севастопольской бухте, где еще хозяйничал враг. В боевую задачу подводников-черноморцев входило непременное условие: не пропускать в Севастополь и не выпускать из него ни одного судна, нарушать морские пути сообщения гитлеровцев!

Долго нес Грешилов вахту возле Севастопольской бухты, поджидая встречу с кораблями противника. Другой плюнул, перешел бы на новое место... Но Грешилов никогда не менял по прихоти свою боевую позицию. Вскоре штурман обнаружил в море рыбацкое судно. На «Щуке» этого штурмана в шутку называли «везучим». Почему-то так случалось, что на его вахтах чаще всего обнаруживались фашистские корабли.

И в этот раз фортуна не обманула «везучего» штурмана.

Когда на горизонте явно обозначились два эскадренных миноносца, крупный транспорт и катера-охотники, Грешилов объявил боевую тревогу. Караван противника выходил на фарватер — безопасную дорогу между минными полями. Подводникам надо было торопиться...

Три торпеды попали в облюбованный транспорт. Грешилов опросил матросов по отсекам, как слышали взрывы, сколько, по какому направлению. Он и на «Малютке» всегда старался удостовериться в том, что победа действительно одержана. И если обстановка не позволяла определить ее в перископ зрительно, то непременно опрашивал экипаж.

Катера бросились в погоню за лодкой. Чтобы оторваться от преследователей, командир принял смелое решение: уйти под минное поле!

— Куда-куда, но в минное поле не полезут и ошалевшие фашисты, — усмехнулся в бороду командир. — Лих медведь, да своих деток не ест...

Пошли на глубину. В центральный пост стали поступать доклады из отсеков:

— Касание минрепа по правому борту!

— Скрежет в корме!

— Пронесло!..

Старшины и матросы стояли на своих постах по бое-

вой тревоге, прислушиваясь к этим прикосновениям самой смерти. Лица у всех были сосредоточенными, строгими. Матросы-комсомольцы смотрели на коммунистов, а в центральном посту все чаще поглядывали на Грешилова, как смотрит рулевой на свой путеводный компас...

Фашисты поняли маневр Грешилова и не полезли за ним в минное поле. Предположение командира лодки оправдалось и спасло корабль от жестокой расправы.

После длительного нахождения на глубине «Щука» всплыла. Грешилов увидел рыбачьи лайбы. Он давно мечтал достать «языка». Одной из лайб было приказано остановиться, на нее навели орудие.

— Вэр зинд зи? Кто вы такие? — спросил зычно Грешилов.

— Русские!.. Русские мы! — обрадовались рыбаки.

— Старшему перейти на советский корабль! —приказал рыбакам командир.

Рыбак, перешедший на лодку, рассказал, что минувшей ночью у самого Севастополя, на виду у жителей, находившихся на Приморском бульваре, был торпедирован неизвестной подводной лодкой огромный фашистский транспорт. Он горел, освещая всю набережную. На этом транспорте, говорят, находилась воинская часть с танками и большое количество боеприпасов.

Грешилов многозначительно переглянулся с товарищами в центральном посту. Это об их «Щуке», о новой большой победе Грешилова и его экипажа говорил рыбак. Он поведал о жизни советских людей в неволе, рассказал с радостью все, что могло быть полезным для советских моряков.

— До скорой встречи в Севастополе! — напутствовали подводники рыбаков.

— Бейте фашистов!.. Освобождайте нас скорей из неволи! — неслось в ответ с рыбацких судов.

На обратном пути «Щуке» пришлось часто прятаться на глубине от самолетов противника. Но все же Грешилов улучил час, лодка всплыла, и в адрес командования полетела радиограмма с ценными сведениями, полученными от рыбаков.

Подводников встречали с особым почетом. Когда Грешилов увидел берег, усыпанный людьми, корабли, расцвеченные пестрыми флагами, он удивился: «Разве сегодня какой-нибудь праздник?..» Не малого труда стоило

боевым друзьям убедить командира, что в честь его, Грешилова, победы, устроили моряки Главной базы флота этот праздник.

— Да, грозным для врага кораблем становится наша «Щука», — сказал комиссар.

— На то и «Щука» в море, чтобы фашист не дремал, — засмеялся командир, и смех его подхватили все, кто находились на мостике...

Последние выстрелы

Советская Армия разгромила фашистские орды под Москвой и Сталинградом, под Курском и Ленинградом, прошла с боями от Волги до Дуная, от предгорий Кавказа до Карпат, выиграла историческую битву за Днепр и Правобережную Украину.

Гитлеровцы были осаждены в Севастополе. Вражеский гарнизон, доживавший здесь последние дни, мог получать снабжение только с моря и по воздуху. Но в небе несли зоркую вахту советские летчики, а в море караулили врага наши корабли. Каждый удар моряков и летчиков по транспортам противника ускорял освобождение Севастополя.

В апреле — мае 1944 года самолеты противника уходили воровски по ночам от берегов Крыма на запад с награбленным добром. Это фашистские генералы и офицеры (из тех, кто познатнее да половчее) покидали Севастополь. С подводной лодки Грешилова, несшей боевую позицию вблизи Севастополя, видно было, как удирали гитлеровские недобитки. На всякий случай Грешилов установил на своей «Щуке» добавочную автоматическую пушку.

С людьми своей «Малютки» бывший их командир Грешилов встречался редко. Но он знал, что Морухов, Таран, Миргородский и многие другие уже стали коммунистами. И в том, что эти люди показывали пример в выполнении воинского долга, была заслуга и Грешилова, их командира и воспитателя...

Последний апрельский вечер 1944 года выдался на редкость погожим и ясным. Небо и море, казалось, пылали, охваченные заревом большого пожара. «Щука» Грешилова по-прежнему несла дозор возле Севастополя. Вахтенный сигнальщик доложил командиру: «Справа по носу вижу какой-то плавающий предмет!» Когда присмотрелись повнимательнее, то обнаружили, что это неболь-

шой моторный баркас. На дне баркаса ничком лежал гитлеровец. Он успел до подхода подводной лодки содрать и выбросить в море свои погоны и ордена. Поведение фашиста никак нельзя было назвать геройским. Он вытянулся во весь свой длинный рост, вскинул руки кверху и, стуча зубами, пропел петушиным голосом:

— Гитлер капут!

— Что верно, то верно: капут твоему Гитлеру! Капут! — подтвердил громогласно боцман с подводной лодки!

Фашист, видно, понял, что это ему собираются сделать «капут», и вдруг дико заорал, вспугнув кружившихся возле лодки чаек. Боцман стал знаками объяснять пленнику, что речь идет не о нем, а только о фюрере. . . Гитлеровец заулыбался, залопотал радостно: «Капут! Гитлер капут!»

— Гляди ты, какой покладистый нынче фашист пошел, — покачал головой боцман. — Как фюрера вешать, так — пожалуйста! Лишь бы самого помиловали. . .

На допросе выяснилось, что беглец был ефрейтором и пробирался в Турцию из Севастополя, но неожиданно у него заглох мотор, а вскоре показалась и подводная лодка. . .

В баркасе нашли ковры, серебро, оружие, набор порнографических открыток, комсомольский билет на имя неизвестного Павленко, взятый, должно быть, у убитого советского воина. Под пайолом, прикрывавшем днище баркаса, была обнаружена кровь и несколько стреляных гильз. Здесь, видно, разыгралась какая-то драма, которую тщательно утаивал фашист. Его сдали властям на берегу. . .

Крым был блокирован войсками 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армией. Штурм полуострова нашими войсками начался одновременно с залпами советских военных кораблей и воздушной бомбардировкой транспортов противника, следовавших к берегам Крыма с подкреплениями.

Корабли Черноморского флота блокировали подходы к Севастополю с моря. Среди этих кораблей были и «Щука» Грешилова и «Малютка», на которой он некогда стяжал боевую славу, — два гвардейских корабля!

В этом походе акустик Грешилова услышал работу гребного винта большого транспорта и шумы других кораблей противника. Грешилов поднял перископ. Доклад подтвердился: шел конвой, два миноносца охраняли боль-

шой транспорт. Над кораблями барражировали самолеты, выписывая в небе круги. Грешилов атаковал транспорт. Три слившихся взрыва торпед подтвердили новую победу подводников.

Так сражалась за Севастополь подводная лодка «Щука», которой командовал капитан 3 ранга Грешилов.

Решительный штурм Севастополя начался 7 мая.

Девять часов длился кровопролитный бой у Сапун-горы. К вечеру бойцы Советской Армии водрузили на ней победное красное знамя. Не помогли фашистам ни горный рубеж, ни «смертники» — эсэсовцы, оборонявшие Севастополь от подступивших к городу исконных его хозяев.

После четырехчасового штурма наши войска овладели оборонительным рубежом врага на Мекензиевых горах. Был захвачен Малахов курган, вокзал и Исторический бульвар. Наступил радостный для всей нашей страны день: 10 мая 1944 года Севастополь — город русской морской славы — был освобожден от врага!

«Малютка», которой некогда командовал Грешилов, получила боевой приказ в несколько необычной форме:

«Отсалютовать Севастополю торпедами!»

На следующий день последовала ответная радиограмма командира «Малютки» капитан-лейтенанта Прокофьева:

«Приказ выполнен. Отсалютовали Севастополю торпедой. Потопили быстроходную десантную баржу противника».

Советские Вооруженные Силы полностью очистили Крым от врага...

Значительную часть Великой Отечественной войны Грешилов провел в боевых походах на подводных лодках, ставил минные заграждения и потопил торпедами шесть кораблей противника общим водоизмещением в тридцать тысяч тонн.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с фашистскими захватчиками по освобождению Крыма и проявленное при этом геройство капитану 3 ранга Михаилу Васильевичу Грешилову было присвоено звание Героя Советского Союза. Этого высокого звания удостоился и другой мужественный подводник-черноморец трюмный машинист с «Малютки» главный старшина Александр Сергеевич Морухов.

Великая Отечественная война закончилась провалом звериных планов ее поджигателей и вдохновителей...

Прошли годы... Другие матросы, старшины и офицеры плавают на подводных лодках, которыми некогда командовал Грешилов. Но память об этом командире сохранилась на Черноморском флоте навсегда, и рассказы о нем передаются из уст в уста от старослужащих молодым морякам.

...Однажды воскресным московским утром капитан 1 ранга Грешилов шел со своими тремя сыновьями в Центральный парк культуры и отдыха. На Бородинском мосту офицера окликнули. Грешилов обернулся и радостно всплеснул руками:

— Хлопчики, так это же наш трюмный машинист с «Малютки»! Вот он какой, Герой Советского Союза Александр Сергеевич Морухов, о котором я вам так много рассказывал! Он «Малютку» нашу спас.

— Не я, а вы спасли ее, Михаил Васильевич! — смутился Морухов. — Я только исполнял ваши приказы.

— Ну, ну, не скромничайте! Лучше расскажите, где вы сейчас, чем занимаетесь теперь?

— Сменил подводные глубины опять на подземные. Вернулся к своему прежнему, мирному, делу, на строительство московского метро, — сказал Морухов.

— Вы обещали учиться после войны.

— Точно! После демобилизации окончил курсы по подготовке техников железнодорожного транспорта. Дослужился до инженер-капитана тяги. Потом снова учился и закончил еще и Московский электро-механический институт инженеров железнодорожного транспорта...

— Вот, хлопчики, как растут наши советские люди! — сказал Грешилов, обернувшись к сыновьям.

Мальчики вплотную обступили боевого соратника их отца. И все вместе, точно одна семья, пошли они по залитой весенним солнцем шумной Москве.

МАСТЕР ТОРПЕДНЫХ УДАРОВ

Иосселиани получает лодку

Линия фронта Отечественной войны с каждым месяцем отходила все глубже на восток. Враг занял Киев, Одессу, Харьков, подошел к Ленинграду. После длительной героической обороны наши войска оставили Севастополь.

Фронт пролегал через Нахарский и Клухорский перевалы. Немцы были уже совсем недалеко от Лахири, родного селения старшего лейтенанта Ярослава Иосселиани.

Ночью в каюту Ярослава пришел один из политработников и сказал:

— Яро! Немцы вторглись в Сванетию. Ты единственный подводник из Сванетии. Тебя хорошо знают сваны. Подумай над тем, чтобы написать письмо твоим землякам-горцам и разъяснить им, что несет враг нашему народу.

Иосселиани подумал и ответил:

— По нашему древнему обычаю, каждому мальчику-свану, достигшему двенадцати лет, торжественно вручается оружие, и он становится воином. Не для того получает горец оружие в руки, чтобы отдать врагу свою землю. Сваны знают меня. И я знаю сванов. Я верю своему маленькому народу. Добро! Я напишу, как брат пишет брату.

Ярослав пришел на флот из Верхней Сванетии, которую называют вольной потому, что она никогда не подчинялась феодалам. Еще называют ее «Саванэ», что означает «убежище». Ярослав родился в горах, представляющих естественное убежище от нападения врагов. Он с детства привык видеть не окна, а бойницы, не дома,

а замки. Эти замки были построены из камня воинственными прапрадедами в незапамятные времена. Каждый замок представлял неприступную крепость для врага.

Сванетские селения еще издали легко узнать по высоким, монументальным башням с бойницами и зубцами, откуда не раз поливали врагов кипящей смолой и бросали сверху на них тяжелые камни в дни осады.

Ярослав мальчиком ушел из горного селения Лахири, где было всего двадцать два двора — двадцать две крепости. По-русски он не знал еще ни одного слова. В Гагринском интернате при детском доме он получил первоначальное образование и стал говорить по-русски. Затем он учился в Сухумском педагогическом институте. Моряком сделал Ярослава Иосселиани, как и многих, комсомол, давший юноше путевку в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. Судьба юного свана была определена. Он расстался с родным «Саванэ» и уехал далеко на север, в Ленинград, учиться военно-морскому делу...

На четвертый день после коварного нападения гитлеровских полчищ на СССР помощник командира корабля Иосселиани ушел в боевой поход на подводной лодке. Он был уже коммунистом. Лодка вернулась в базу, не выполнив боевого задания. Остро переживая неудачу, Иосселиани докладывал комиссару дивизиона подводных лодок:

— У нас мало настойчивости. Мы не подходим близко к берегу. Противник ходит по мелководью, и нам не следует бояться мелководья.

В кают-компании Иосселиани говорил:

— Если мне в этой войне приведется командовать лодкой самостоятельно, то я сделаю все для того, чтобы тяжелый труд личного состава корабля не пропадал даром из-за моих нерешительных действий.

Вскоре Ярославу дали в командование лодку «Малютку». Она была на плохом счету: ее называли «нерадивой», потому что за нею побед не числилось. То, что на языке механиков зовется «скисанием», «заеданием», нигде так часто не случалось, как на этой «Малютке».

Близкие друзья Ярослава не знали на первых порах, удобно ли поздравлять его с этим назначением.

Новый командир не спеша обошел все отсеки лодки, долго говорил с каждым подводником, начиная с того, где родился, как в подводники попал, не бледнеет ли во

время глубинной бомбежки, и кончая тем, почему, по его мнению, на рубке до сих пор нет победной цифры.

Поговорив с людьми, Иосселиани задорно спрашивал:

— Выведем лодку на первое место в дивизионе?

И каждый почувствовал, что в этом нет ничего несбыточного.

Лодка стояла в ремонте. Командир требовал, чтобы все было сделано крепко, по-хозяйски. Он говорил своим матросам и офицерам:

— Все зависит от вас самих.

Лодка вышла из ремонта. Боевой поход был назначен на завтра. Командир лодки капитан-лейтенант Иосселиани перед выходом в море надел парадную тужурку, белоснежную крахмальную рубашку с галстуком. Матросы невольно удивились:

— Наш командир на праздник, что ли, собрался?!

Иосселиани услышал это и сказал:

— Да, на праздник! Наш праздник — это победа над врагом, и мы ее добьемся во что бы то ни стало!

Победный счет открыт

Близился к концу ноябрь 1942 года. Скрылась из виду плавбаза «Эльбрус». Иосселиани торопливо спустился с мостика и переоделся по-походному. Начинались военные будни, ратный труд.

База осталась далеко позади. Курс корабля Иосселиани узнал в той точке, где было положено вскрыть пакет. В нем излагалась боевая задача: «Не пускать к Одессе вражеские корабли и транспорты! Топить их!»

Командир про себя давно решил подходить к противнику на предельно близкую дистанцию, остерегаясь только того, чтобы взрыв торпеды не повредил свою же лодку. Бить наверняка. Он жалел, что так мало торпед может брать «Малютка» с собой в боевой поход. И решил быть как можно бережливее с ними.

Суток трое шли до боевой позиции. Помощник командира заступил на вахту после обеда и вскоре обнаружил буксир с семисоттонной баржей в охранении трех катеров.

Кто не бывал на подводной лодке в момент объявления боевой тревоги, тот должен обладать большим воображением, чтобы представить себе, что делается хотя бы в одном из отсеков корабля, идущего в атаку. Сотни при-

боров, больших и малых механизмов, от которых прямо или косвенно зависит успех операции или самая жизнь корабля, в какие-то секунды приводятся людьми в боевую готовность. Даже опытный подводник, специально поставленный лишь для того, чтобы наблюдать в момент атаки за действиями личного состава хотя бы одного центрального поста, вряд ли сумеет после горячки боя точно рассказать обо всем, что произошло вслед за тем, как протяжный звонок возвестил по кораблю о боевой тревоге.

Корабельный инженер-механик должен знать каждого на корабле по голосу. Он не видит докладывающих, он только слышит их голоса по переговорной трубе. Он должен автоматически и точно по голосам докладывающих определить, откуда, с какого боевого поста говорят, иначе он ничего не уяснит из многоголосого хора одновременно слышимых в переговорной трубе командных слов и докладов, хотя каждый старается произносить эти слова как можно громче, яснее и спокойнее.

Иосселиани не сразу заметил в горячке своей первой самостоятельной атаки, что допустил ошибку. Он уже скомандовал «Пли!», когда вспомнил о том, что следовало ему сделать... Иосселиани поглядел в перископ и увидел лишь иллюминаторы баржи: все же остальное оказалось вне поля окуляра, настолько близко лодка подошла к противнику.

Торпеда вышла. В лодке замерли, прислушиваясь к тому, что будет в ближайший миг. В носовых отсеках ясно, без приборов, услышали, как торпеда ударила в борт баржи. Но, видно, дистанционный взрыватель торпеды из-за близости расстояния не успел сработать, и торпеда пробила борт баржи, не взорвавшись.

Командир начал разворачивать лодку под водой на обратный курс, и во время разворота лодка легонько коснулась борта баржи. Взрыва торпеды никто не слышал, а баржа стала садиться на корму. Тем непонятнее и загадочнее было это для противника. Нос баржи задрался кверху, а буксир продолжал тянуть ее к берегу в таком необычном положении. Можно было для верности потратить на баржу еще одну торпеду, но командир лодки приберегал ее для другой цели.

Хор голосов, раздававшихся в переговорной трубе, смолк, как по команде. В центральном посту уже прислу-

шивались к отрывистым словам командира, глядевшего в окуляр перископа. Он один был сейчас свидетелем и вестником того, что делается на поверхности моря. По раскрасневшемуся, довольному лицу командира всем стало ясно: победа есть!

И каждый втайне уже видел на рубке своей лодки первую победную цифру. И каждый подумал, что за первой победой последует вторая — не зря ведь командир так задорно спрашивал:

— Выведем лодку на первое место в дивизионе?

Буксир долго возился с баржей. Иосселиани посматривал то в перископ, то на часы. Сорок восемь минут прошло с начала атаки до тех пор, пока море не успокоилось над затонувшей баржей. Буксир, расставшись с нею, дал полный ход, едва поспевая за катерами.

Герой Советского Союза *Я. К. Иосселиани.* В годы Великой Отечественной войны командовал подводными лодками на Черноморском и Северном флотах

— Начали как будто неплохо, — сказал командир корабля своему помощнику. — Семьсот тонн вражеского груза не дошло до места назначения — хороший доклад командиру дивизиона!

Не успел командир это сказать, как над самой лодкой послышался шум винтов катера. Катер прошел, не сбросив бомб.

Командир заглянул во второй отсек и рассказал о ходе потопления баржи; посоветовал комсомольцам выпустить «Боевой листок». Он решил не уходить далеко от своей боевой позиции. Раз лодка не обнаружена и противник считает район плавания чистым, значит, здесь в скором времени (надо только набраться терпения!) может пройти еще какое-нибудь судно, и опять предоставится счастливая возможность выстрелить по движущейся мишени.

Вскоре он вновь поднял перископ. Горизонт был чист. Помощник командира посмотрел пытливо на Иосселиани, будто спрашивая его: «Что будем делать дальше?» Командир понял — и ответил коротко:

— Будем ждать до захода солнца.

Несколько раз командир поднимал перископ, но ничего не обнаружил на горизонте. Солнце уже закатывалось, и, казалось, настала пора отдыхать подводникам. Но Иосселиани не унимался. Он будто чувствовал, что поблизости крадется враг. И вот окуляр перископа приблизил к глазам командира лодки фашистский транспорт тысяч на шесть тонн. Транспорт шел без охранения в расчете на то, что не встретит на своем переходе советских лодок. Иосселиани вышел в атаку и выпустил торпеду. Послышался сильный взрыв. «Малютка» следовала за врагом под водой. Транспорт был поврежден, он заметно накренился и резко сбавил ход. Лодка шла за ним до тех пор, пока акустик не доложил, что слышит шум винтов двух катеров, по-видимому, вызванных атакованным транспортом. Катера обнаружили лодку и сбросили несколько глубинных бомб. Они разорвались вдалеке от «Малютки». Один из матросов, стоявший близ командира, заметно побледнел.

— Запомните раз и навсегда, — сказал ему командир, — если хотите со мной плавать, на лодке бледнеть не разрешается! Надо уметь держать себя в руках.

Перед приходом в базу Иосселиани тщательно побрился, надел парадный костюм и поднялся на мостик. Командир бригады капитан 1 ранга Крестовский встречал лодку-победительницу. Он выслушал короткий доклад командира, обнял его, поздравил и поблагодарил за хорошую службу.

На плавбазе было много встречавших. Как не похожа была эта шумная многолюдная встреча на обычно тихое, незаметное возвращение «Малютки» после «пустого» похода!

Короткая дистанция

После первого самостоятельного похода Иосселиани заговорили в базе о молодом командире.

— Как это ты, сван, так ловко немцев потопил? — спрашивали его товарищи.

— Действую, как учит нас командир бригады, — отвечал Иосселиани. — Бью с короткой дистанции. Иду за врагом и на мелководье.

Подводники-черноморцы были на позиции близ Севастополя, оставленного нашими войсками. С волнением смотрел Иосселиани в перископ на знакомые берега города-героя и ожесточенно атаковал вражеские корабли и баржи.

На боевой позиции за кромкой минного поля у самого Севастополя Иосселиани обнаружил две самоходные баржи по тысяче тонн водоизмещением каждая. Командир решил отказаться от «мелочи» и стал выжидать добычу покрупнее. Он погрузил лодку у поворотного буя. «Малютка» легла на норд вдоль Лукульского створа.

— Штурман, в перископ смотрите лучше! — приказал командир молодому офицеру Якову Глобе. — Будет всходить солнце, перископ в сторону берега не обращайте! Иначе лодку демаскируем! Ясно?

— Ясно!

— А я пойду немного отдохну. За ночь не прилег, — сказал Иосселиани.

Ненадежен отдых командира на боевой позиции. Каждую минуту он может быть прерван каким-нибудь неожиданным докладом, требующим немедленного решения, от которого подчас зависит судьба корабля и экипажа.

Так и произошло. Командиру доложили:

— Из главной базы вышли два сторожевых катера, легли на Лукульский створ.

Это значило, что катера шли курсом на лодку.

Иосселиани приказал Глобе:

— Уклониться по правилам и понаблюдать, что будут делать!

Отдохнуть командиру не удалось. Едва только он снова задремал, как его разбудил необычайно сильный шум винтов над вторым отсеком. Затем последовательно раздались взрывы шести глубинных бомб. Командир мигом очутился в центральном посту. Свет в лодке погас. Люк в центральном посту приподняло взрывом и сорвало две задрайки. Вода со зловещим шумом хлынула внутрь корабля. Старшина трюмных Михаил Моторин, несмотря на темноту, ловко взобрался по трапу к самой крышке люка и под соленым ливнем стал исправлять повреждения.

Ему на помощь поспешил рулевой Фомагин. Они умело и быстро устранили течь.

Иосселиани начал маневрировать. Лодка уклонялась от преследования, меняя глубину, разворачиваясь то вправо, то влево. Аварийное освещение быстро наладили. Доступ воде был закрыт. Люди немного повеселели.

Существует правило: если бомбежка длительна — надо уходить. Не оставляя района Севастополя, командир передвинул лодку на четыре мили к норду. Слышно было, как поодаль рвутся глубинные бомбы.

Фашистские катера бомбили позицию «Малютки» около семи часов кряду. Корпус лодки вздрагивал. Кое-кто невольно втягивал голову в плечи, заслышав короткий и страшный удар, после которого осыпалась пробка, служившая для внутренней облицовки корпуса лодки, опять гас свет и по переговорным трубам передавались сообщения о новых повреждениях. Наконец оторвались от преследователей.

После ужина обнаружили конвой, следовавший в Севастополь. Иосселиани получил во втором отсеке доклад:

— Прошу командира выйти в рубку!

Воду из центрального поста уже откачали, и командир посуху добрался до рубки В перископ ясно можно было различить транспорт, танкер и четыре самоходные баржи в охранении пяти сторожевых и четырех торпедных катеров. Над конвоем барражировали самолеты прикрытия: два «фокке-вульфа».

Даже такое неравенство сил не могло поколебать решимости Иосселиани Он преобразился, увидев врага в перископ. Сбежала с лица улыбка, в лодке не слышалось больше ни шуток, ни смеха: наступила напряженная тишина.

Командир решил прорвать первую линию охранения, чтобы ударить по головному транспорту. Не раз, беседуя в кают-компании со своими товарищами офицерами, Иосселиани признавался, что для него самое неприятное в подводной войне — это форсирование минных полей и прорыв линии охранения. И вот наступал такой момент. Лодка вышла в точку залпа, но оказалась слишком далеко от противника. Торпедисты, ожидавшие команду «Пли», так ее и не услышали. Атака, казалось, была сорвана. Но командир, прорвав второе кольцо кораблей охранения, уже выходил в атаку на концевой танкер. Вглядываясь

в перископ, Иосселиани продолжал вести лодку на избранную цель.

Лодка проникла в самую середину гитлеровского конвоя. Надо было поднять перископ на виду у всех катеров противника хотя бы на две секунды. На катерах стоят сигнальщики. Они только и заняты сейчас поисками на воде перископа. От них трудно скрыться. С дальней дистанции вести бой было бы проще и спокойнее: сигнальщикам труднее обнаружить перископ. А на близкой дистанции не только могут накрыть бомбой, но и таранить . . .

Атака! Залп! Вахтенный торопливо занес в журнал время выхода торпед. . .

— Цель поражена с двух кабельтовых! Сейчас придется расплачиваться! — объявил Иосселиани, наблюдая в перископ гибель танкера. Расстояние до него было таким близким, что от взрыва своих же торпед лодку сильно встряхнуло, часть лампочек лопнула, и в некоторых отсеках стало темно.

— Вот это короткая дистанция! — сказал Иосселиани, и глаза его заиграли торжествующим огоньком. От удовольствия он даже покрутил свои золотистые усы, отпущенные в походе.

Только старшина-электрик ходил невеселый. Он бурчал себе под нос:

— Этак лампочек не напасешься! У меня не «Электросбыт»!

Однако лез в свои неистощимые карманы и доставал новые лампочки для замены поврежденных.

Иосселиани уклонялся от преследования катеров. Временами казалось, что катера нащупали лодку. Потом вдруг шум винтов удалялся, и бомбы сыпались уже поодаль. Но опять нарастали шумы. Сейчас спасение подводного корабля и его экипажа зависело от быстроты погружения. Торпедисты по приказу командира приняли в свой отсек воду, полузатопив его. Водонепроницаемые переборки были наглухо задраены.

Из-за большой отрицательной плавучести лодка «проскочила» заданную глубину и коснулась грунта на глубине сорока метров.

Помощник командира зашел после окончания преследования в торпедный отсек и увидел торпедистов верхом

на торпедных аппаратах. Вся палуба была залита водой до самого комингса.

— Товарищ командир! Полюбуйтесь на наших орлов в первом отсеке! Настоящие кавалеристы! — сказал командиру помощник.

Торпедисты слезли со своих «коней» и занялись осушкой отсека.

До темноты оставалось часа два. Плотность аккумуляторной батареи была на исходе. Чтобы не расходовать зря электроэнергию, командир решил лечь на «жидкий» грунт.

По приказу командира были устранены шумы, и личный состав ясно услышал работу винтов кораблей-преследователей. Катера проходили над притаившейся лодкой и внезапно останавливались. Затем словно обсыпали ее корпус горохом, после чего следовали взрывы очередной серии бомб. Лежать дольше на жидком грунте становилось опасно. Иосселиани решил прорываться через минное поле. Другого пути не было.

Акустик старательно отмечал разрыв каждой бомбы, чтобы при возвращении, в которое он твердо верил, было о чем рассказать товарищам.

Катера преследовали лодку до самого минного поля, а когда она вошла в него, преследование тут же прекратилось.

Началось форсирование минного поля. . .

Из второго отсека доложили: «Слышно касание минрепа. . .» Потом сообщили: «Касание прекратилось. . .»

Иосселиани круто поворачивал лодку. Он уводил ее от смертельной опасности. Но вот снова, на этот раз уже из четвертого отсека, сообщили:

— Слышен скрежет минрепа.

— Право на борт! — скомандовал Иосселиани.

Лодка снова уходит от мин. В эти минуты корабль затихает. Казалось, что нет конца этому проклятому минному полю-ловушке. Электромоторы двигают корабль под водой в самом центре минного заграждения. Никому не хочется спать, хотя часть людей, свободная от вахты, и лежит на койках. Скулы сводит докучливая зевота. Вот опять послышался скрежет минрепа о борт, и люди стали прислушиваться. Разойдемся или не разойдемся? А если разойдемся, то не сцепимся ли с другим минрепом? Скрежет прекратился внезапно, но ненадолго. Заскрежетало куда настойчивее прежнего. Акустик, сидя в своей каютке,

думал сейчас о том, что взрывы глубинных бомб над головой все же лучше, чем скрежет минрепа, напоминающий визг поросенка, которого режут.

— Моторин! — позвал старшину трюмных Иосселиани.

— Есть! — отозвался старшина.

Моторин никогда — ни на вахте, ни в душном отсеке — не терял своей жизнерадостности.

— Не робеешь?

— Никак нет, товарищ командир. Война, она война и есть! Тут робостью себе не пособишь!

— Правильно! Молодец старшина! Мой дед Гиго жил сто двенадцать лет. У нас в Сванетии встречаются люди и постарше. Скинем на трудную профессию подводника дюжину годков, ну сотенка лет как-никак остается и на мою долю. Значит, плавать мне придется еще лет семьдесят. Вот это сверхсрочная!

Достаточно было людям в самые трудные минуты услышать его шутливое, бодрое слово, как становилось легче на душе и сердце билось ровнее.

— Правильный у нас командир, — говорили матросы.

Иосселиани то приказывал уменьшить, то прибавить ход, и лодка продвигалась через минное поле все ближе и ближе к желанной свободе. Уменьшилась плотность аккумуляторной батареи, и предстояло обязательное всплытие для зарядки. Всплывать было не страшно: подводники уже находились за кромкой минного поля. Прекратился скрежет. Всплыли. В базу пошла короткая радиограмма об израсходовании боезапаса...

О чем думал командир на походе? Находясь по неделям безвыходно в лодке, он думал главным образом о ратном труде своем и экипажа; он думал о том, чтобы этот ратный труд не пропадал даром ни в одном походе. Каждый поход — проверка корабля и его экипажа. Каждый поход — это экзамен в следующий, высший, класс. Но замечал Иосселиани: не всегда у него получалось так, чтобы все шло плавно, постепенно улучшаясь из похода в поход. Он говорил, что так гладко, возможно, и получается, да только в рассказах, а не в жизни. После первых удачных походов у него случались и промахи, потом на смену им приходили блестящие по мастерству походы. Он возвращался в базу и шел в учебный кабинет торпедных атак, чтобы лучше изучить свое дело, вернее наносить удары противнику, откуда бы он ни показался перед лодкой.

Уважение моряков к командиру корабля и к его людям росло с каждым походом. Уже стали говорить в базе: «Иосселиани вышел в море, вновь фашисту будет горе! . .»

Когда на лодке настроение стало «домашним», что означало: «повернули с победой в базу!» — старший матрос, дружок Моторина, вспомнил о том, как воевали под Тарханкутом. Поход оказался безрезультатным. Погода выдалась штормовая, «корявая», как называли ее матросы. Один раз волна ударила сигнальщика в спину, он чуть не свалился за борт. Командир спрашивает:

— Ну как, сигнальщик? Держишься?

— Держусь пока, товарищ командир.

— Подходи ко мне ближе! Стой рядом, чтобы я тебя видел.

И вот на корабль катит большая волнища, с двухэтажный дом. Иосселиани нагнулся под козырек ограждения рубки. Сигнальщик схватился за поручни ограждения. Тут как раз волной и окатило. Упал сигнальщик и крикнуть не может. Нахлебался соленой воды. В горле першит. Человек в воде, и вода его за борт тащит. Сейчас конец! Вдруг чувствует матрос: кто-то за ноги его схватил, держит крепко, не пускает. Оглянулся, увидел командира. Волна сошла. Иосселиани помог сигнальщику подняться и спрашивает:

— Ну как, орел, дышишь?

— Дышу, только руку немного зашибло. А так все в порядке.

— Тогда ступай вниз. Вряд ли противник будет здесь ходить в такую погоду. Переобуйся. Переоденься во все сухое. Обогрейся. Портянки обязательно надень сухие.

— У меня и вторая пара сырая.

— Тогда возьми мои, в каюте на разножке лежат.

— Душа-человек наш командир, — заключил старшина трюмных.

Командира бригады не было в базе, но, узнав о возвращении Иосселиани, он приказал устроить его лодке торжественную встречу. На всех кораблях, украшенных флагами, люди выстроились по большому сбору, как на параде. На мачтах были подняты сигналы: «Поздравляю с победой!», «Поздравляю с благополучным возвращением!»

Свободный поиск

«Малютка» уходила на норд-вест, к берегам Румынии. Шла в крейсерский поход в северо-западную часть Черного моря. Свободный поиск! К нему стремились все подводники, но разрешался он редко и немногим.

Все, включая неразговорчивого Глобу, были довольны начинавшимся походом. Командир бригады разрешил Иосселиани крейсерство и надеялся, что тот его не подведет. Лодка в надводном положении обследовала избранный командиром район действий.

— В центральном! — послышался голос командира из переговорной трубы, шедшей с мостика вниз. — Ловить каждое мое слово и быть на-товсь к погружению!

Внизу стало тихо.

Командир корабля, как говорили матросы, будто чутьем угадывал, когда ему выходить на мостик. Он первый видел и первый слышал показавшегося вдалеке врага. Но если командир вышел наверх — значит, встреча с противником обеспечена! И действительно: едва только Иосселиани поднялся на мостик, как заметил на берегу зажженные навигационные огни. Перед тем он получил приказание командира бригады — переместиться для встречи конвоя южнее. Но зажженные навигационные огни удержали подводника, и он попросил разрешения остаться в избранном им районе, чтобы выяснить, зачем и для кого эти огни зажигались. А зажигались они неспроста... Еще не успел радист отстучать всей радиограммы на базу, а сигнальщики уже обнаружили три силуэта, двигавшиеся вдоль берега.

Иосселиани развернул лодку для атаки в надводном положении. Через некоторое время, сблизившись на залповую дистанцию, выпустил торпеду. Дистанцию, как оказалось, сгоряча преуменьшил.

Лодка вздрогнула, освободившись от тяжелого груза. Штурман следил за секундомером и приговаривал шепотком: «Сейчас, сейчас стукнет!».

Но ничего не слышно было за бортом лодки... Время вышло — взрыва нет! Каждый стоял у своего боевого поста, боясь произнести страшное слово «промах».

Рулевой Фомагин посматривал на командира просящими глазами. Он все хотел услышать от него что-нибудь

в утешение и мигом передать по кораблю. Иосселиани понял его и сказал грустно:

— Ну, орлы! Скандал, промазали!

Глоба тяжело вздохнул и, глядя печально, добавил нараспев:

— Да... не повезло...

В этот момент оглушительный взрыв раздался в носовой части атакованного судна противника, и люди в лодке вздрогнули. Большой столб пламени поднялся, казалось, до самого неба. От неожиданности и грома, произведенного взрывом, на секунду заложило уши, словно ватой.

— Срочное погружение!

Люди прыгали в рубочный люк с предельно возможной быстротой. Последним спустился командир корабля. Он задраил за собой люк. Лодка пошла на глубину.

Под водой находились минут двадцать. Бомбежки не последовало. Командир решил всплыть в позиционное положение и поглядеть: что же творится наверху? Глазам его представилась следующая картина. Накренившись на правый борт, медленно тонул крупный транспорт. С берега на него направили яркие лучи двух прожекторов, и при их свете были видны баржи и катера, крутившиеся возле транспорта. Казалось, что противник растерян и не понимает: торпедирован ли транспорт или подорвался на мине? Надо ли бомбить где-то прячущуюся лодку или, быть может, караван по ошибке забрел на минное поле? ..

Подводники повернули к дому.

Вечером после ужина Иосселиани спросил матросов:

— А помните, орлы, как я объявил, что мы промазали?

— Этого не забудешь, товарищ командир, — подтвердил Фомагин.

— Да, так вот был подобный случай на одном торговом пароходе. На нем плавал капитан, он объездил много стран... и не прочь был прихвастнуть своими дальними плаваниями. Старик непременно говорил все в первом лице: «Я вышел, я пошел, я пришел, я сделал заход, я развернулся»... Любил «якать». А когда привелось бедняге сесть на мель, то воскликнул горестно: «Мы сели на мель!» Мы, но не я... Ну, вроде моего «промазали». Не «промазал», но «промазали»! .. Точь-в-точь как старый капитан, что объездил много стран...

1943-й год

Радостная весть прокатилась по нашим черноморским берегам: Советская Армия закончила ликвидацию фашистских войск в районе Сталинграда.

Дрогнули гитлеровцы и на Кавказе. Стали откатываться на запад.

К мощным ударам Советской Армии подводники присоединяли свои торпедные удары по вражеским кораблям и транспортам.

Росла победная цифра на рубке подводной лодки, которой командовал Ярослав Иосселиани. Матросы говорили между собой не без гордости: «Каков командир, таков и корабль».

Вот снова в перископ виднелось Черное море и клочок закрытого облаками неба. . .

Когда-то в селении, где родился Иосселиани, считали людей не по дворам, а по дымам. В деревне двадцать два дыма, это значило — двадцать два двора. Теперь по количеству дымов Иосселиани насчитывал корабли врагов в море. . .

На вахту заступил старший лейтенант Глоба. Он поглядывал временами в перископ и торопливо опускал его, чтобы не выдать лодку, находившуюся на позиции у вражеских берегов. Вот он увидел что-то и передал в центральный пост, а из центрального поста передали далее:

— По пеленгу 204° — дым! Просьба к командиру выйти в рубку!

Командир читал, лежа на койке. Это была «Война и мир» Льва Толстого. Книга была открыта на той странице, где раненый Андрей Болконский увидел аустерлицкое небо. Иосселиани подумал о том, что среди подводников он ни разу за всю войну не встречал раненых. Не видит подводник в походе и голубого ясного неба, а если и видит небо, то лишь ночное, звездное, лунное.

Мысли командира были прерваны вызовом в боевую рубку. Он вскочил с койки, книга упала на палубу. Одна секунда, и он уже был в рубке и повел корабль на сближение с «дымом», как называл в таких случаях противника. В окуляр он увидел конвой, состоявший из двух транспортов и четырех сторожевых катеров. Конвой держал курс на Одессу. Охранение располагалось только

с морской стороны, оставляя транспорты уязвимыми с берега. Это учел Иосселиани и вышел в атаку.

Одно беспокоило командира в этом маневре. Он опасался, как бы торпеды не зарылись в грунт на столь малой глубине. И решил: стрелять с кратчайшей дистанции, осадив лодку на корму.

После залпа облегченная лодка выскочила на поверхность. Чтобы погрузить ее как можно скорее, командир приказал срочно принять балласт в цистерны, и «Малютка» упала на грунт, чуть отойдя от места залпа. Вслед за этим раздался взрыв торпед, достигших транспорта.

Рвануло основательно: в первом отсеке полопались от близкого взрыва электрические лампочки, и стало совершенно темно. Посыпались глубинные бомбы. Но главное было уже совершено.

Лодка лежала на грунте неподалеку от взорванного транспорта. Что было делать командиру? Начать продувание цистерн? Но это означало: выдать лодку пузырями и соляровыми пятнами, которые появятся немедленно на поверхности воды. Командир решил отлежаться на грунте. Но и это было небезопасно...

В тапочках, черной суконной пилотке с кантом, давно потерявшим свой цвет, в рабочем кителе и широких матросских брюках командир сидел на разножке в боевой рубке и слушал доклады командиров отсеков. Они часто противоречили друг другу. То докладывали, что «шум идет на корму», то сообщали, что он «заходит с кормы на нос», или: «снова шумит над кормой». Противник, видимо, охватил лодку кольцом и прилежно ее бомбил.

— В центральном! — послышалось вдруг из переговорной трубы.

Тревожные интонации в голосе невольно приковывают к себе внимание экипажа, особенно в напряженные моменты на корабле. Все приготовились слушать доклад о весьма важном.

— Обед готов! — еще громче возвестили из переговорной трубы.

Моторин, стоявший близко от раструба переговорной трубы, даже плюнул с досады, сказав в сердцах:

— Ну и ну! Чуть не испугал со своим обедом!

Обедали тихо, без обычных шуток.

Пролежали на грунте часа полтора. Бомбежка прекратилась, шумы за кормой возникали все реже.

— Век лежать нам здесь как будто еще преждевременно, — сказал командир, подмигнув Моторину. Он приказал всплыть на перископную глубину и начал наблюдать за горизонтом. Все было ясно видно: транспорт затонул кормой на небольшой глубине, так что труба его торчала из воды. Вокруг него суетились катера, подбирая людей.

— Кто хочет глянуть в перископ, идите сюда по одному! — предложил Иосселиани.

Матросы стали по очереди подходить к окуляру.

— Ну, Моторин, посмотрите на врага своими глазами! Отомстили мы за вашего погибшего брата, — сказал Иосселиани, уступая место у окуляра старшине трюмных.

Моторин взглянул на поверженного врага в перископ и сказал:

— За брата моего нужно бы еще добавить, товарищ командир!

— Добавим в следующем походе! — обещал Иосселиани.

Когда исполнявший обязанности кока торпедист Свиридов глянул в перископ и увидел дым, все еще валивший из трубы погрузившегося в воду транспорта, то немало удивился и заметил без улыбки:

— Там ихний кок вроде обед доваривает...

Наблюдение за транспортом заняло около часа. С наступлением темноты всплыли в позиционное положение и пошли на отрыв от противника.

С мостика раздался знакомый, ставший чуть хрипловатым от частых команд голос командира:

— В центральном! Поздравить личный состав с боевым успехом и благополучным отрывом от противника! Через два дня будем в базе!

В четвертом отсеке члены редакционной коллегии стенгазеты «На глубине» Моторин и Мисник были заняты срочным выпуском свежего номера. Мисник старательно рисовал на ватманской бумаге разламывающийся пополам вражеский корабль. Командир заглянул в отсек к комсомольцам, посмотрел, как они старались, и сказал:

— Меня приняли в комсомол еще в детском доме в Гаграх. И я этим занимался — стенгазету выпускал. Всякое дело хорошо получается, если в него душу вложить.

Надо было проскочить «Севастопольские ворота» — пройти мимо Севастополя, где самолеты и корабли про-

тивника несли усиленный дозор. Командир чаще, чем когда-либо, задавал акустику один и тот же вопрос: «Как горизонт?» Акустик отвечал неизменно: «Горизонт чист!» Значит, враг не показывался близко.

— Опять Иосселиани с победой идет! — уже говорили в базе.

Это была его тринадцатая победа. Каждая победа отмечалась цифрой на рубке. Лучшим художником на лодке считался радист, большой работяга, но человек очень самолюбивый. Никто искуснее его не мог вписать в яркой звездочке на рубке победную цифру. И часто слышался одобрительный возглас командира:

— Нормально у нас цифра на рубке написана!

Эта похвала прежде всего относилась к художнику-радисту. Он же писал и последнюю цифру—«13». От флотской газеты на бригаду лодок прибыл фотокорреспондент. Он пожелал заснять самый момент написания внушительной победной цифры. Матросы стали искать радиста, не нашли.

— А вы нашего боцмана снимите с кисточкой! — предложил Моторин. — Наш боцман — из героев герой!

Фотокорреспондент обрадовался предложению и снял боцмана с кисточкой у рубки. Фотографию напечатали. Радист, увидев ее, остолбенел и с обидой сказал боцману:

— Буду вам теперь еще писать цифры на рубке!

Пришлось вновь вызвать фотокорреспондента. Радиста сняли с автоматом на мостике и фотографию опубликовали в газете. «Спокойствие» было восстановлено.

Прощай, Черное море!

Иосселиани не знал, куда посылают его без корабля вместе со всем экипажем из базы, но понимал, что, несомненно, на какой-то другой участок фронта Великой Отечественной войны. Экипаж «Малютки», которой командовал Иосселиани, покидал гостеприимную южную базу и навсегда расставался со своим боевым кораблем. Грусть расставания охватила всех уезжавших подводников. Щемило сердце при одной лишь мысли о расставании с кораблем навсегда. Ведь это была их боевая «Малютка», стяжавшая себе славу лихими победами на коммуникациях врага. Воюя на ней, они потопили тринадцать вражеских кораблей. Это был тот боевой подводный корабль,

который прошел в штормы и туманы десятки тысяч миль среди плавающих мин, под носом у немецких постов, под бомбами самолетов и катеров и был готов хоть сегодня к новым боям. Он уцелел сам и сберег весь экипаж от вражеских бомбовых ударов. Ну как было не любить такой корабль!

Сдавая свой корабль преемнику, Иосселиани коснулся одной рукой тумбы перископа и сказал:

— Я хочу, чтобы окуляры перископа служили вам в боях с врагом так же честно, как и мне и моим людям. Любите и берегите нашу «Малютку», как мы берегли и любили ее!

Лодка была сдана в другие руки. Отъезд ее экипажа во главе с Иосселиани был назначен на восемь часов утра следующего дня. Старшина группы торпедистов, прощаясь с кораблем, оставил в торпедном аппарате записку: «Воюйте так же, как мы воевали!»

Весь личный состав находившихся в базе кораблей выстроился на верхних палубах. Лицом к фронту общего строя выстроился двумя шеренгами экипаж Иосселиани.

Вот послышалась раскатистая команда «Смирно!». Экипаж славной «Малютки», четко печатая шаг, сохраняя безукоризненное равнение, направился к пирсу.

Сели на катера. Едва только завели моторы и вспенилась за кормой освещенная весенним солнцем черноморская синяя вода, как с кораблей по всей бухте грянуло «ура!» Послышались дружные пожелания:

— Ура славному экипажу «Малютки»!

— Счастливого пути, дорогие товарищи!

Катера шли вперед. «Ура» с берега и кораблей усиливалось, как грохот приближающегося поезда. Иосселиани старался не смотреть на бойцов, чтобы кто-нибудь случайно не заметил его волнения. Но люди были взволнованы не меньше своего командира теплыми проводами.

Кто-то затянул «Вечер на рейде». Песню дружно поддержали: «Прощай, любимый город. . .» Люди пели до тех пор, пока база еще виднелась на горизонте. Ветер гнал звуки песни к далекому берегу, и там прислушивались к ним.

Вот и железная дорога! С катеров перешли в вагоны. Железнодорожные пути по дороге оказались разрушенными во время налетов врага. Подводники не раз выходили из вагонов и принимались за восстановительные

работы. На пути между Туапсе и Армавиром поезд остановился у моста, снесенного разливом реки. По этой железнодорожной линии шло снабжение фронта. Восстановление моста моряки приняли как боевую задачу. Все до одного, вместе с командиром, вышли из вагонов и помогли железнодорожникам восстановить мост. За усердную работу многие подводники были награждены почетными значками НКПС «Отличник-строитель». Получил этот знак и Ярослав Иосселиани.

От стройных, величественных кипарисов и могучих эвкалиптов, от огромнейших сочно-зеленых листьев банана, сверкающих утренней росой, от душистых розовых полей и мандариновых рощ, от всей роскоши субтропической природы подводники уносились постепенно к полярным широтам. Из окон вагонов было видно, как с приближением к Северу мельчала растительность. Южане с грустью смотрели на многолетнюю ползучую березу, раскачиваемую ветром среди мхов, устилавших скалы.

Они видели голые скалы, лишенные растительности, и снега, снега кругом. Уже начинался апрель, но на Севере не чувствовалось еще весны. За окнами бушевали снежные заряды.

В туманной дымке лежал полярный порт Мурманск. На рейде виднелись корабли. У причалов под разгрузкой стояли пароходы. Огромные стрелы вытаскивали из их трюмов и бережно ставили на пристани военные грузы: танки, ящики с частями самолетов и другим вооружением для Советской Армии.

Подводники увидели незнакомую для черноморцев картину сильного спада воды — океанский отлив, обнажавший причалы и прибрежные камни, еще недавно прятавшие под водой свои позеленевшие осклизлые макушки. Спад воды был настолько велик, что на катер надо было спускаться будто с горы.

Черноморцы увидели белые ночи. Они узнали, что вскоре солнце совсем не будет заходить в этом крае и станет ночью светить так же, как днем. Здесь, на новом театре войны, Иосселиани узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

Свободный поиск у края мира

Иосселиани принялся деятельно изучать североморский театр военных действий. В этом немало помог ему

флагманский штурман бригады подводных лодок Северного флота капитан 3 ранга Михаил Минаевич Семенов.

Встретив на Крайнем Севере своего однокашника, фрунзевца Иосселиани, Семенов весело сказал ему:

— Давай познакомимся получше с театром. Пойдем вместе в море и увеличим счет потопленных вражеских кораблей. Я тут знаю места, где фашистские транспорты «прямо со дна моря растут».

В главной базе Северного флота все ожидали, что скоро начнутся бои за Петсамо — старую русскую Печенгу. Многим хотелось попасть на боевые корабли, собиравшиеся в походы. Иосселиани целыми днями пропадал на своей новой лодке.

Многим думалось, что война близится к концу. И те, кто не бывали в боевых походах, стремились обязательно попасть на уходящие в море лодки. Не выдержал и матрос-почтальон, самый смирный и невоинственный человек среди подводников, по имени Паша. Пришел он в комнату базового дома, где квартировал Иосселиани. Увидел на клеенчатом диванчике командира в майке-безрукавке. Иосселиани отложил чтение, потеребил привычно усы и стал внимательно слушать.

— Чего вам не сидится? — вдруг перебил он строго, когда почувствовал, что рассказ затянулся надолго. — Разве вам плохо на берегу? Ведь бомбы на вас не сыплются. Сквозь минные поля вы не прорываетесь. Шагайте себе на здоровье по деревянным тротуарам, разносите письма бойцам и офицерам, как делали это до сих пор! — посоветовал Иосселиани.

— Жжет меня, товарищ командир. Люди ходят в море, а я нет! — признался Паша.

— Не всем же ходить в море! — отговаривал его командир. — Кому-нибудь и на берегу следует оставаться! Потом учтите: корпус у лодки тонкий, плавала она раньше в теплых морях, а здесь, в Заполярье, на ней будет довольно прохладно. Потопим мы транспорт: нас, конечно, станут преследовать. А это опасно. Учтите это хорошенько. Подумайте! А потом приходите ко мне. Еще раз советую: если уж так непременно хочется, если в самом деле так жжет, пойдите в море на надводном корабле, он и покрепче и понадежней. Ясно?

— Ясно! — ответил матрос.

Но на следующий день он снова пришел к Иосселиани. Тут уж командир уступил экспедитору. И перед выходом в море Паша написал, как многие старые подводники, бывшие в переделках: «В походе все отдам для победы!»

Перед самым выходом в море Иосселиани потерял на лодке свою трубку, спутницу многих походов. Он был очень огорчен. Долго искали трубку, наконец нашли, и Моторин вручил ее хозяину.

— Ну, орлы, теперь порядок! — сказал, повеселев, Иосселиани.

Торпедист Свиридов говорил назидательно-шутливо Паше:

— Если будешь ушами хлопать и зевать, мы тебя вместо торпеды выстрелим!

«Личному составу на лодку!» — послышалось приказание.

Командир бригады Колышкин и начальник политотдела сошли в лодку и заглянули прежде всего к торпедистам.

— Все ли освоили? Все ли готово? — спросил Колышкин. И, получив утвердительный ответ, пожал торпедистам руки.

Во втором отсеке был собран личный состав корабля.

— Вы, товарищи, — сказал подводникам Колышкин, — уходите в море в тот день, когда Москва будет салютовать доблестным войскам Карельского фронта, кораблям и частям Северного флота, овладевшим Печенгой. В ту минуту, когда раздастся победный салют, вы будете на пути к боевой позиции. Киркенес еще не взят. Оттуда тоже побегут фашисты. Не выпускать их ни одного из баз и не впускать — вот ваша почетная задача. Желаю вам боевой удачи! До свидания, товарищи! Ждем с победой!

Командир бригады и начальник политотдела ушли. Лодка отдала швартовы, развернулась и пошла на выход из гавани. Подул северный ветерок. На мостике стало холодно. Флагманский штурман Семенов, уходивший в свой семнадцатый боевой поход, шутливо спросил командира:

— Ну как? Не жарко на Севере?

Курс был проложен на норд. При выходе в море зорко следили за водой.

— Здесь-то, Ярослав, немецкие лодки и пасутся! — предупредил флагманский штурман, показав на берега, мимо которых лодка шла полным ходом. — Здесь они нас и подкарауливают...

Оторвались от берега темной ночью. Командир с Семеновым спустились вниз. Во втором отсеке на подвесных койках отдыхали несколько человек, свободных от вахты. Включили репродуктор. Радисты настроились на Москву. Послышался словно перезвон колокольчиков, неторопливый, торжественный и величественный. Это были позывные Москвы: «Широка страна моя родная...» Как дорог стал этот мотив для слуха советских людей, особенно в годы войны!

Послышался знакомый голос диктора: «Говорит Москва! Сегодня, в 20 часов 45 минут по московскому времени, будет передано по радио важное сообщение! Слушайте наши радиопередачи!..»

— Печенга! Печенга! — закричали по отсекам.

Диктор торжественно читал приказ Верховного Главнокомандующего.

Подводники придвинулись ближе к репродуктору, стараясь не проронить ни слова.

«Генералу армии Мерецкову.

Адмиралу Головко.

Войска Карельского фронта прорвали сильно укрепленную оборону немцев северо-западнее Мурманска и сегодня, 15 октября, при содействии кораблей и десантных частей Северного флота овладели городом Петсамо (Печенга) — важной военно-морской базой и мощным опорным пунктом обороны фашистов на Крайнем Севере...»

Когда диктор, перечисляя звания и фамилии генералов и офицеров, командовавших частями, участвовавшими в боях за Печенгу, объявил: «...Соединение капитана 1 ранга Колышкина», в центральном посту раздалось «ура», прокатившееся, как эхо, по всем отсекам.

За время перехода на позицию Иосселиани еще раз совместно с флагманским штурманом осмотрел участок театра, где собирался действовать, перечитал лоцию, изучил дополнительно альбомы фотоснимков с изображением мысов, подробно познакомился с течениями. К немалому удивлению Семенова, причудливые норвежские названия мысов и фьордов памятливый командир запомнил быстро.

Фашистские транспорты умело использовали северную

природу, приглубость берегов и жались к ним вплотную. Путь их зачастую пролегал в узких коридорах между минными заграждениями и крутыми скалистыми берегами. Североморские подводники и летчики заставили противника отвлечь большие силы для охраны своих коммуникаций, давно переставших быть надежными.

Иосселиани сказал матросам и старшинам:

— Ну, орлы! Придем сегодня на позицию, встретим гитлеровские корабли, «поздороваемся»... Отойдем, перезарядимся. Еще раз стукнем и... домой. Ясно?

Подводники привыкли доверять своему командиру, и у всех настроение стало уверенным. Помощник командира Глоба отозвал Пашу в сторону и, как всегда строго, сказал:

— Мы пассажиров на подводных лодках не возим! Вы будете стоять вахту на переговорной трубе во втором отсеке. Остальное вам пояснят те люди, которые стоят на вахте. Идите!

Командир вызвал к себе Глобу и приказал:

— Сигнальщиков перед выходом на вахту напоить крепким чаем, чтобы не дремали! И сахару дайте им тройную порцию. Ясно? Проследите внимательно!

— Ну как, орлята? — приветствовал командир появившихся на мостике сигнальщиков и боцмана, утиравших пот, словно на солнцепеке. — Попили чайку? Сахарку поели?

— Так точно, товарищ командир.

— А с собой вам Свиридов завернул сахару на вахту?

— Так точно, товарищ командир.

— Тогда грызите сахарок и посматривайте в оба за морем! Не пропустите противника!

Обычно, когда описывают боевые действия подводных лодок, в центре внимания ставят непосредственное соприкосновение с противником и очень редко вспоминают о других этапах похода, не менее трудных — о самом поиске кораблей противника. А ведь каждая лодка, выходя на позицию, прежде всего должна совершить этот поиск и найти противника во что бы то ни стало! В этом заключается мечта и командира и каждого члена экипажа. В этом — залог боевого успеха.

Иосселиани видел перед собой Баренцево море полярной ночью 1944 года. Здесь волна шагала по-океански ши-

роко. Ветер пронизывал одежду. Заснеженные берега выглядели безлюдными. Но это так только казалось. Иосселиани был предупрежден, что противник все еще охраняет свои транспорты усиленными эскортами военных кораблей, с ожесточением преследует наши лодки.

Начинался свободный поиск у края мира, на далекой северной параллели.

Во второй отсек заглянул флагманский штурман и, увидев экспедитора, стоявшего вахту у переговорной трубы, невольно воскликнул:

— И вы здесь?

— Здесь, товарищ капитан 3 ранга!

— Фу ты, черт, а я-то думал, что вы для меня во время нашего похода газеты прибережете!

— Я теперь сам жду, когда меня с газетами встретят на берегу.

— Что же вы тут делаете?

— Стою вахту. Как раз моя смена, товарищ флагштурман!

— Ну, стойте, стойте! Главное: не теряйтесь и команды не путайте!

— Есть! — ответил матрос.

В первую ночь лодка на боевой позиции держалась без хода — одна лишь рубка над водой. Это было в фьорде противника, вернее, у самого выхода из него.

Высокая, белая от снега скала глядела в ночное небо. Фашистская батарея виднелась над головой Иосселиани. Ветер дул с берега и дружески относил шумы лодки в море, подальше от ушей врага. Командир увел подлодку немного мористее для зарядки аккумуляторной батареи. Нарушал тишину только дизель, мерно работавший на зарядку. Кроме командира корабля, на мостике находились сигнальщики и вахтенный офицер. Лишних людей здесь Иосселиани не терпел.

Вот послышался четкий доклад акустика:

— По пеленгу 27° шум винтов большого судна, 86 оборотов в минуту, движется влево!

— Боевая тревога! — раздалась команда.

Семенов, поднявшийся на мостик, глянул в бинокль и подумал: «Быстроходная десантная баржа. Надстройки в корме и в носу».

Но потом, рассмотрев хорошенько, понял, что это танкер тысячи на три тонн водоизмещением.

— Это танкер! — решительно заявил флагштурман.

Одновременно и сигнальщик Васюхно, самый зоркий на лодке человек, доложил:

— Товарищ командир, курсовой угол пять градусов правого борта, дистанция двадцать кабельтовых, силуэт танкера!

Но уже и командир корабля одновременно с флагштурманом и сигнальщиком также различил танкер.

Первая задача — поиск противника — была успешно разрешена. Противник обнаружен! Теперь на очереди следующая задача: противника потопить!

Огонь в Полночном океане

Через несколько секунд после того как лодка легла на курс сближения, помощник командира доложил о полной готовности корабля к бою.

Видимость была совсем плохая. В таких условиях противник обнаруживается акустическими приборами обычно гораздо раньше, чем может быть замечен наблюдателями. То же самое случилось и на лодке Иосселиани.

Командир быстро оценил обстановку, сказав только пять слов: «Торпедная атака! Приготовить аппараты к залпу!»

По боевой тревоге — ревуну — каждый занял свое место, где он был расписан.

Иосселиани стал выходить в атаку и, когда танкер пришел на угол упреждения, скомандовал: «Пли!»

Семенов выхватил из верхнего кармана кителя секундомер, засек время выхода торпед и стал поджидать, как рыбак, глядя на поплавки: клюнет или не клюнет?

Следы выпущенных торпед обозначились чуть заметными белыми дорожками. Это пузырился, бурлил на воде сжатый отработанный воздух.

Взрыва не было слышно. Время вышло... Значит... промазали!

Командир знал, как будут торпедисты переживать промах. Этого не сравнить ни с какой болью. Он спустился в отсек. Свиридов и Литвинский уныло стояли возле торпедных аппаратов. Командир посмотрел на них и сказал:

— Да, орлы! Атака сорвалась! Но сегодня будет еще и другая атака.

Печалиться командир никому не позволил. Вскоре с мостика последовали командные слова Иосселиани. Всем стало ясно: лодка выходит повторно в атаку!

Танкер как раз подвернул в сторону лодки, и атака вновь стала возможной. Командир не замедлил повторить ее. Он стрелял теперь с более короткой, чем в первый раз, дистанции и всего лишь одной торпедой. К общей радости тех, кто стоял на мостике и видел ее, она пошла, как по струнке.

— Все правильно! — сказал Семенов.

— Все неправильно! — отозвался командир.

Торпеда прошла перед носом танкера, а танкер перед носом лодки. . . тем же курсом.

Танкер имел большую осадку, он вез, несомненно, столько горючего, что мог обеспечить целую танковую часть не менее чем на полмесяца боевых действий. Это сознавал Иосселиани и покусывал ус от двух неудач сразу.

— Но мы тебя, голубчик, все равно ущучим! — пообещал командир и повел лодку в третью атаку.

Взрыв в кормовой части танкера был столь оглушительным, что по всей лодке услышали его.

— Вот это хлопнули! — сказал Моторин в центральном посту.

От взрыва торпеды поднялся в небо столб пламени, осветивший всю лодку. Небо покрылось разноцветным дымом. Казалось, что танкер превратился в беспорядочное облако пестрого дыма с какими-то яркими полосами и что вода закипела в море, на месте гибели танкера. Когда дым стал рассеиваться, с мостика увидели силуэт носовой части танкера, ставшего почти вертикально на корму. Через какие-то мгновения он навсегда исчез под водой.

— Танкер благополучно погрузился, — объявил флагманский штурман.

Иосселиани тут же скомандовал: «Срочное погружение!»

Люди на лодке стали прислушиваться к тому, что делалось за бортом. Некоторые склонили головы, напрягая слух. Ничего кругом не было слышно, только мерно работал электромотор, да вода вдоль бортов шуршала от носа к корме. Аварийный инструмент лежал в бездействии на своих обычных местах.

Танкер, обнаруженный и торпедированный подводниками, шел один, без охранения, вблизи берега, под покро-

вом ночи, в надежде на свои береговые батареи. Кому могло прийти в голову, что под носом у фашистов советский офицер Иосселиани потопит танкер! Пользуясь темнотой, танкер старался полным ходом проскочить опасный для него район. Но, как выяснилось впоследствии, не от хорошей жизни шел танкер один ночью. За караваном, в котором он шел ранее, уже охотились наши подводные лодки и изрядно пощипали противника. После дерзких нападений наших подводников от фашистского каравана уцелел один лишь танкер. Охранявшие его корабли, бросив своего, теперь уже единственного «подзащитного», занялись выслушиванием и преследованием атаковавших лодок.

После взрыва танкера, чуть-чуть помедлив, береговые посты наблюдения включили прожекторы. Но помочь затонувшему танкеру они уже ничем не могли.

Командир похвалил торпедистов, и эта похвала порадовала матросов, томительно прислушивавшихся: а не разорвутся ли вот сейчас, сию минуту, поблизости глубинные бомбы?..

На следующий день не удалось обнаружить противника, и подводники отдыхали днем под водой.

По программе Иосселиани оставалась вторая часть задачи — перезарядиться и атаковать гитлеровцев еще раз через сутки.

И вот наступила вторая ночь на боевой позиции, самая увлекательная из всех ночей, проведенных на море командиром-подводником в Отечественную войну.

Иосселиани сидел вместе с флагманским штурманом на планшире ограждения рубки. Северное сияние изредка освещало море и совсем близкий вражеский берег. Маленькие облака сбивались в одно большое облако. Где-то близко, на высоком скалистом берегу, стояли у орудий фашисты...

— Ничего в волнах не видно, — сказал командир Семенову. — Я, Миша, прилягу здесь на мостике. Если что, ты меня толкни!

— Шел бы ты, Ярослав, лучше к себе в каюту, — предложил Семенов, — отдохнул бы там по-человечески, а я тут постою.

— А вдруг ты и в самом деле обнаружишь фашистов? Вызовешь меня, а я выйду из светлого помещения, и, пока буду привыкать к темноте, пройдет минут пять, не мень-

ше... Прохлопаем мы с тобой атаку... Нет, уж как-нибудь здесь устроюсь, — сказал Иосселиани и прилег на сырую палубу.

Лодку мерно покачивало, и командир, обладавший отличным здоровьем, заснул немедленно. Семенов, оступившись на зыбком мостике, нечаянно наступил в темноте на ногу Иосселиани. Тот не разобрал спросонья в чем дело и, предполагая, очевидно, что противник уже показался, закричал что-то, вскочил, быстро огляделся и сказал уже спокойно (куда и сон девался!):

— Маяк за мысом вроде начал работать! Посмотри! — предложил он флагманскому штурману.

— Вижу! В самом деле, маяк работает! Это хороший признак.

— Значит, жди конвоя. Гитлеровцы зря тут светить не станут, — заметил командир.

Луч маяка скользил по поверхности воды за мысом. Но в этом луче командир отделения рулевых Фомагин обнаружил пять сторожевых катеров, шедших из-за мыса Нордкин строем «фронта». Командир убедился, что лодка прямо на курсе у кораблей противника. Флаг-штурман посмотрел в бинокль на другую сторону и увидел на фоне мыса Нордкин шестой катер, которого прежде не замечал. Этот катер в буруне и пене шел полным ходом прямо на лодку.

Семенов вовремя предупредил командира об опасности. Взяв Иосселиани за локоть и показав пальцем на приближавшийся бурун, он добавил:

— Так, не видя нас, он сослепу может таранить нашу лодку!

Вахтенные, увлекшись силуэтами кораблей, показавшихся из-за мыса, проглядели шестого, самого опасного сейчас, противника.

Командир приказал дать полный ход назад и крикнул: «Все вниз! Срочное погружение!»

Лодка быстро погрузилась. Явственно слышно было, как над ней прошел катер, шумя винтами. Прошел так стремительно, что поднявшейся волной лодку закачало. Акустик доложил, что слышит шум винтов транспорта тысячи на три — четыре тонн. Он точно узнавал класс судов по числу оборотов винта. Как только конвой прошел над лодкой, она тут же всплыла в позиционное положение. Командир с флагштурманом поднялись на

мостик. Они увидели уходящие вдаль катера, но транспорта не обнаружили.

«Оба полный вперед!»

Лодка погналась за конвоем. Во втором отсеке уже пошел такой разговор:

— Факт. Обнаружили конвой!

— Наперехват пошли!

— Сейчас будет дело!

Но катера удалялись. Пришло же в голову фашистам отвернуть ближе к берегу за мыс, отчего расстояние до них еще больше увеличилось. Чтобы встретиться с ними, лодке потребовалось бы огибать мыс. Командир плюнул с досады: погоня не увенчалась успехом.

Вернулись на прежнее место. Ничего не видно было в темноте.

— В плохом месте застала нас эта ночка, как говорят на Кавказе, — сказал командир Семенову.

— А может быть, что-нибудь еще набежит на наше счастье. Полярная ночь-то велика зимой на Севере... — попробовал отшутиться Семенов, а сам чувствовал, что командир, пожалуй, прав: ночка начинается неудачно, неправильная ночка!

— Теперь будем удерживаться на месте, подрабатывать машинами по временам, чтобы смотреть постоянно носом на вероятный курс противника. Покажутся фашисты, а мы уже на-товсь! — говорил командир.

И оба стали всматриваться в темноту. В потемках подводники разглядели миноносец противника, а за ним в кильватер — большой транспорт. Не успели порадоваться, как заметили еще один транспорт, чуть меньше первого, и еще миноносец, а мористее — и охрану, трудно различаемую из-за темноты. Конвой следовал из Киркенеса. Дистанция до него была не более двух кабельтовых. Короткая дистанция! Невольно вспомнился подводнику его бывший командир бригады Крестовский. Даже этот отважный подводник запретил бы сейчас стрелять с такой чересчур уж близкой дистанции.

Иосселиани глянул на транспорты и, к своей радости, заметил, что они идут строем уступа — один ближе к лодке, другой подальше, так что зазора между ними нет совсем и они представляют собой как бы одну мишень.

«Кажется, правильно Миша говорил: ночь на Севере велика, и может еще что-нибудь набежать на счастье.

Вот и набежало... Теперь топи!» — подумал командир.

Конвой оставил без охраны борта транспортов, обращенные к берегу, то есть к самому носу уже целившейся в них лодки. Иосселиани вскинул одну ногу на планширь ограждения мостика, другой уперся в палубу для лучшей устойчивости и так, полулежа, целился в транспорт. Он терпеливо поджидал, когда транспорт придет на визир прицела. Семенов стоял у переговорной трубы на передаче приказаний. Иосселиани приказал готовить торпедные аппараты. Семенов повторил команду для передачи ее вниз торпедистам. От радости торпедисты толкнули друг друга в бока: сейчас будет работенка!

Семенов вдруг забеспокоился. Ему показалось, что командир целится не в самый большой транспорт, а в миноносец. Всегда спокойный флагманский штурман подумал: «А вдруг командир и не замечает большого?»

— Ярослав! Ты не в передний целься! Не в миноносец! А видишь, вон транспорт ползет?

— Миша, не беспокойся, все будет в порядке!

Чтобы увеличить несколько дистанцию между лодкой и транспортом и не пострадать самим от близкого взрыва своей же торпеды, Иосселиани спросил Семенова:

— А можно ли тут задним ходом отработать? Не напоремся на мель?

— Работай! — уверенно посоветовал Семенов, зная глубину, и вынул из кармана секундомер.

— Оба полный назад! — приказал командир, и заработали электромоторы.

На полном заднем ходу Иосселиани выстрелил. Долго не пришлось ждать. Первая торпеда взорвалась в центре большого транспорта. От огневой вспышки засверкал снег на высоких скалах. Такого высокого и яркого пламени от взрыва участники многих боевых походов еще не видели до того ни разу. Море осветилось так сильно, что в центральный пост через открытый люк проник свет, словно луч солнца. Моторин сказал:

— Командир дает Гитлеру жизни!

В бушующем огне, поднявшемся вверх метров на двести, взлетели мачты. Не успел померкнуть свет от первого взрыва, как взорвалась вторая торпеда, настигшая меньший транспорт.

Перед самым выходом в море флагманский штурман одолжил у дивизионного связиста для похода теплые

меховые рукавицы. Уже скомандовали «Всем вниз» после взрыва транспорта. Семенов собрался было прыгнуть в рубочный люк, да вспомнил о рукавицах.

— Погрузимся — они тут и будут плавать в чужих водах. Не откупиться после от хозяина...

При свете второго взорвавшегося транспорта он увидел рукавицы на планшире, сгреб их, прыгнул в люк и пулей понесся вниз по трапу, чтобы не задержать командира корабля. А тот задраил люк и спустился в центральный пост. Увидев Моторина, Иосселиани захлопал в ладоши и закричал:

— Раскололся! Как орех, раскололся!

— Кто раскололся, товарищ командир?

— Да второй транспорт раскололся!

К командиру подошел Семенов. Заговорили о только что завершенной атаке.

— Вот это был огонек в полночном океане! — оживленно сказал командир.

— Дали гитлерягам прикурить! — поддержал разговор старшина трюмных.

— Так светло бывало раньше лишь на Невском!

— Ты, Ярослав, успешно занялся расширением осветительной сети в далеком Заполярье, — пошутил Семенов.

В торпедном отсеке настроение стало праздничным. Лодка отходила от места атаки. Ждали сильной бомбежки. Где-то хлопнули две бомбы, об остальных разрывах доложил акустик. Он насчитал сорок восемь бомб и на этом закрыл счет.

Атака была выполнена настолько скрытно, что противник не понял, откуда в него стреляли, и потому бомбил наугад.

Командир ходил по отсекам и поздравлял личный состав с большой победой. На базу передали шифрограмму об израсходовании боезапаса, потоплении танкера и двух транспортов. Командующий Северным флотом вице-адмирал Головко, получив эту шифрограмму, написал на бланке: «Встретить по достоинству!»

Пошли домой

— Ну, все это хорошо, победа есть! Теперь надо привести лодку в базу, — подытожил командир. — На нашем пути много подводных лодок и самолетов противника.

Больше внимания, орлы! — предупреждал командир, когда в темную пору лодка всплыла на поверхность.

Слышались отдаленные разрывы бомб.

— Не в нас ли?

— Нет, не в нас!

В одном из отсеков шло очередное комсомольское собрание. . . Разрывы прекратились совсем. Стало ясно, что оторвались от преследователей. После собрания команда занялась уборкой, матросы и старшины наводили на корабле образцовую чистоту и порядок.

Седой туман навис над островом и срезал его вершину. Какой-то ботик покачивался одиноко в море. Быть может, шел уже в советскую Печенгу. . .

Командир корабля по старой черноморской традиции побрился перед подходом к базе и поднялся на мостик совсем помолодевшим.

Навстречу подводной лодке показался советский катер. Командир катера сообщил:

— Пришел вас эскортировать!

С мостика вниз передали:

— Боны проходим!

Это означало: вошли в гавань!

Вахтенный офицер скомандовал:

— Артрасчету приготовиться! Стрелять тремя осветительными снарядами!

Все стали ждать салюта из пушки.

Послышался выстрел. Другой! Третий! Громогласное эхо повторило в заснеженных сопках троекратный салют. Герой Советского Союза капитан 3 ранга Ярослав Константинович Иосселиани возвращался с тройной победой.

Его подводная лодка приблизилась к причалу. Грянул оркестр. Все корабли расцветились приветственными флагами. Сигнальщик подводной лодки едва успевал поднимать ответный сигнал: «Ясно вижу. Благодарю». Сам командир на мостике поставил руки широко на планширь и поглядывал по сторонам. Потоплены в одном походе три корабля противника! Все, кто были на мостике во время последней атаки, видели, как полыхнул огонь в Полночном океане, близ мыса Нордкин.

Подводный корабль возвращался в свою гавань под восторженные крики «ура». И снова через люк, как во время атаки, светлые лучи ворвались в центральный

пост — это зажглись в небе осветительные снаряды, выпущенные с лодки Иосселиани.

Через все здание, выходившее фасадом на залив, растянулся плакат:

«Слава экипажу капитана 3 ранга Иосселиани, одержавшему три боевые победы!»

Оркестр заиграл на причале торжественный марш. У Семенова от множества встречавших в глазах зарябило, и он сказал шутливо:

— Не лучше ли, Ярослав, нам в другую губу завернуть? Больно уж здесь народу много.

Иосселиани теперь беспокоило только одно: швартовка. В случае неудачи или заминки она могла испортить торжество возвращения.

Иосселиани старался не показать своего волнения перед таким большим собранием и отдавал приказания внешне спокойно.

— На пирсе командующий и командир бригады! — доложил недремлющий сигнальщик.

Вот подали сходни. Командир ловко спустился по трапу с высокого мостика и перешел на пирс. Послышалось «смирно!»

Иосселиани отрапортовал командующему:

— Товарищ вице-адмирал! Подводная лодка возвратилась из боевого похода. Задание выполнено. Потоплены танкер и два транспорта противника. Экипаж здоров. Командир подводной лодки капитан 3 ранга Иосселиани.

Командующий флотом и командир бригады подводных лодок поздравили подводников с победой, и сотня рук разом потянулась к Иосселиани.

— Семенов! — громко позвал командующий, увидев флагштурмана на мостике.

— Есть! — отозвался флагштурман.

— Давайте кальки боевых соприкосновений!

Семенов заторопился, чтобы протиснуться на командный пункт через густую толпу встречавших.

Вернувшийся в тот же день с моря командир одной из подводных лодок, находившейся поблизости от позиции Иосселиани, доложил командующему, что видел, как горели вражеские транспорты, торпедированные Иосселиани.

Вышли наверх и матросы. Все дивились тому, что видели в базе. Кто-то сказал встречавшим, что Васюхно

первым обнаружил танкер. Его подняли на руки и по русскому обычаю качнули так, что он запросился обратно на землю.

— Ну, как воевали? — спросил вдруг экспедитора Пашу командир бригады, встретившись с ним лицом к лицу.

— Все в порядке, товарищ командир бригады: у нас нормально, у немцев большой недочет.

— Ну, поздравляю вас с победой!

Матрос был счастлив и завершенным походом и поздравлением прославленного Героя Советского Союза Колышкина.

Моторин, как старшина трюмных, выходил из лодки в числе последних. У него нашлось немало работы. С пирса люди еще не разошлись. Моторин посмотрел на все, что творилось вокруг него в главной базе, и сказал не без гордости:

— Наш командир всегда почетно возвращается с моря. С таким командиром интересно служить на подводной лодке!

Пирс постепенно опустел. Несколько чаек пронеслись над рубкой, словно и они своим криком приветствовали вернувшихся с моря.

Закончив обстоятельный доклад, который принимал командир Краснознаменной ордена Ушакова I степени бригады подводных лодок Северного флота контр-адмирал Колышкин, Иосселиани возвращался к себе домой в «каюту», самую крайнюю комнату в первом этаже нового корпуса. На груди командира не было ни орденов, ни орденских планок. Они хранились в его сейфе. Наград своих он в море не брал и надевал их на берегу лишь в высокоторжественные дни. Детишки, встречаясь с ним на узких дощатых тротуарах, без стеснения преграждали ему дорогу и принимались называть каждый его орден и медаль, загибая пальцы:

— Орден Ленина, три Боевых Красных Знамени, Нахимова II степени, Отечественной войны I степени, медали За боевые заслуги, За Севастополь, Кавказ, Заполярье. . .

Будучи чем-нибудь огорчен или расстроен, командир-подводник при встрече с детьми забывал обо всем и вместе с ними начинал невольно улыбаться.

* * *

Отгремели победные салюты, возвестившие об окончании Великой Отечественной войны. В соединении подводных лодок Северного флота было получено для Иосселиани письмо торпедистов-подводников, плававших на его бывшей «Малютке». В письме сообщалось, что записка, оставленная в торпедном аппарате старшиной группы торпедистов, уходивших с Иосселиани на Север, была принята ими к исполнению. Боевой счет «Малютки» возрос едва ли не вдвое.

В письмо была вложена засушенная роза — привет североморцам с теплых берегов Черноморья, очищенных навсегда от врага.

СОДЕРЖАНИЕ

Зингер Макс Эмануилович

Герои морских глубин

Редактор *Тарский Ю. С.*

Художник *Лыков В. М.*

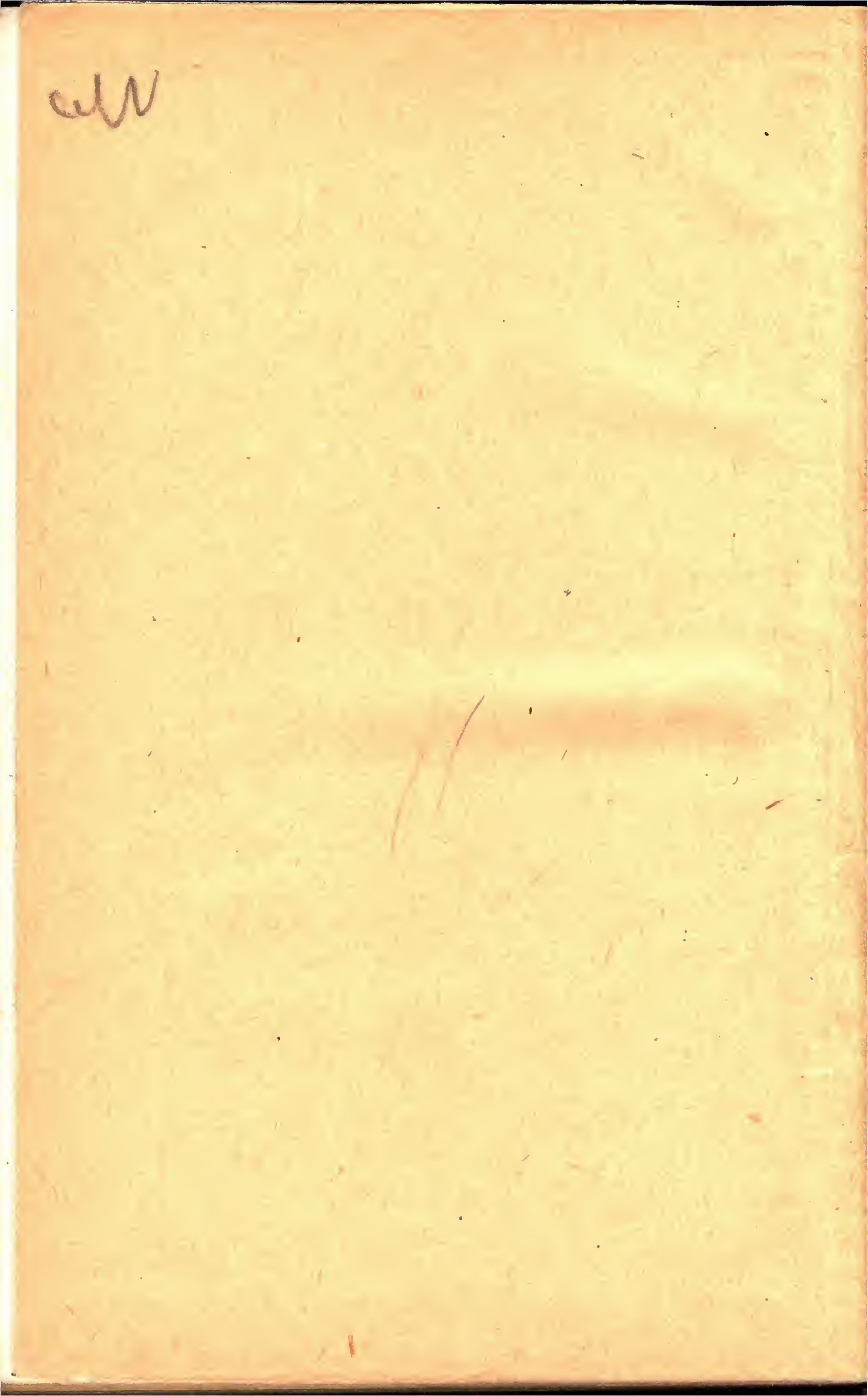
Технический редактор *Коновалова Е. К.* Корректор *Орлова Н. И.*

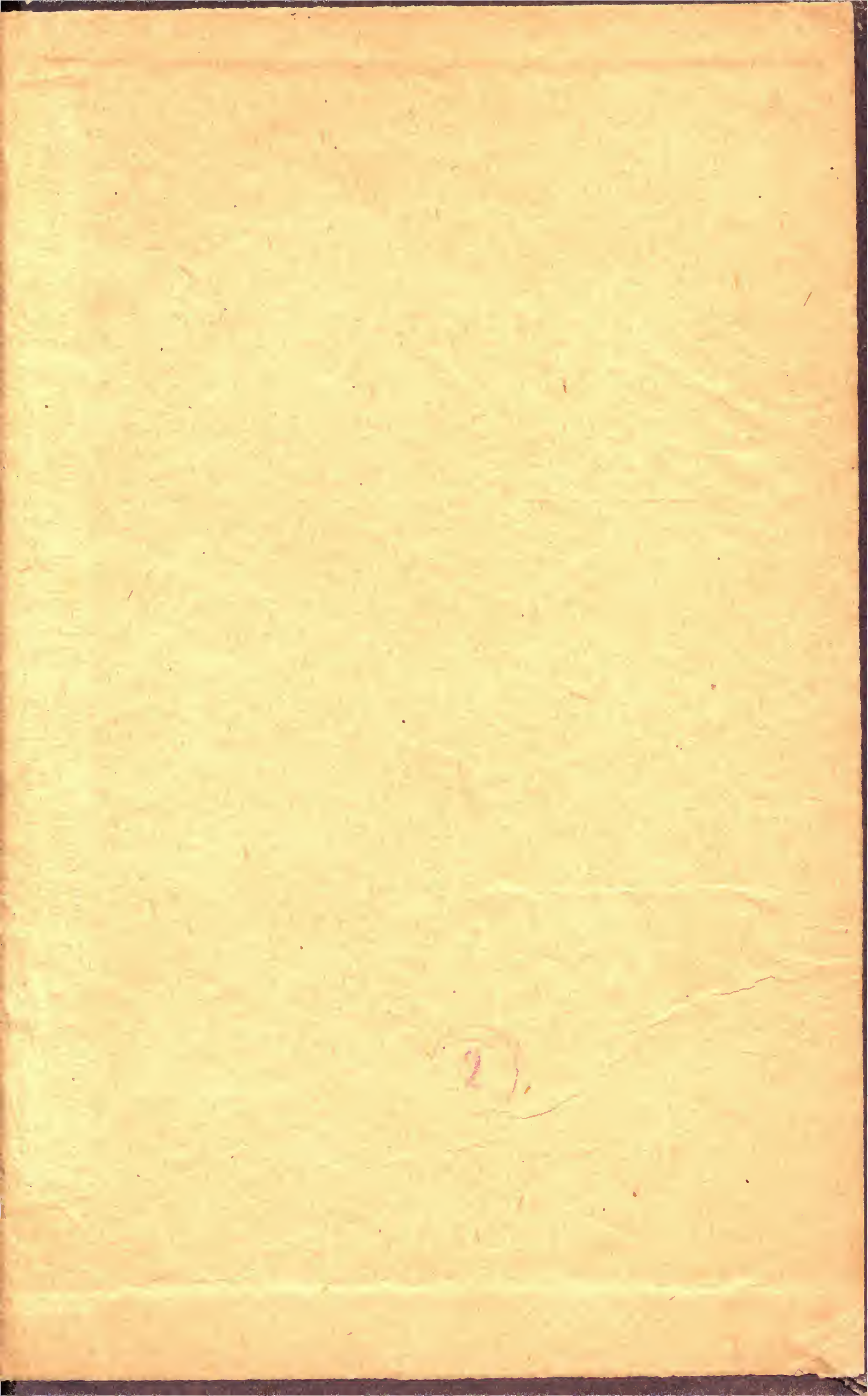
Сдано в набор 11.5.59 Г-50952 Подписано к печати 30.10.59
Формат бумаги 84×108 1/32—8 п. л. = 13,12 усл. п. л. 13,11 уч.-изд. л.
Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18
Изд. № 1/1207 *Цена 5 р. 45 к.* Заказ № 240

2-я типография Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

И.
.59

240

Цена 5 р. 45 к.

Л. Эпштейн ✦ ГЕРОИ МОРСКИХ ГЛУБИН